

Р
В 65

Максим Войлошников

Сокровища Бездана

Библиотека РГУ им. И. Канта

0050821

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

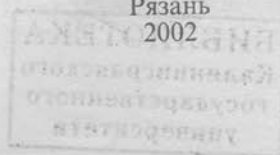
8683

Максим Войлошников

СОКРОВИЩА БЕЗМАНА

Приключенческая повесть

Рязань
2002

P
B65

Оглавление

От автора	5
Вступление. Стрелок	5
Глава 1. Договор в Санкт-Петербурге	7
Глава 2. Асхабад	10
Глава 3. Винтовки в Мешхеде	15
Глава 4. Испорченный Ноуруз	20
Глава 5. Свидание с пиром	26
Глава 6. Встреча у аб-амбара	32
Глава 7. Свадьба по-персидски	36
Глава 8. Орлы Сеистана	42
Глава 9. Разведчик Виткович	48
Глава 10. У сердара	51
Глава 11. Следы завоевателя	58
Глава 12. Пятка Шамсутдин-хана	61
Глава 13. В беде	66
Глава 14. Игра	76
Глава 15. Коварство в зурхане	80
Глава 16. В английской миссии	85
Глава 17. Кух-и-Зур – гора магов	87
Глава 18. Погибельный Хоуздар	97
Глава 19. Через мертвую пустыню	104
Глава 20. Станция смерти	109
Глава 21. Минуя ловушку	116
Глава 22. Странная станция Мирджаве	122
Глава 23. Сады Ладиса	126
Глава 24. Схватка в Гурани	132
Глава 25. Разбойник Джиан-хан	141
Глава 26. С вершины Тефтана	146
Глава 27. Перехват	154
Глава 28. Мятажный вождь Гуссейн-Хан	158
Глава 29. Тень Безмана	166
Глава 30. Непрístupная крепость	171
Глава 31. Погоня	178

ISBN 5-88236-074-9

444 956 © Войлошников М., 2002
БИБЛИОТЕКА
Калининградского
государственного
университета

Глава 32.	Битва в холмах	187
Глава 33.	У губернатора Гашим-хана	194
Глава 34.	Мятежник Байрам-хан	204
Глава 35.	Убийство	213
Глава 36.	Западня	220
Глава 37.	Клад казначея	230
Глава 38.	Врата Мекрана	237
Глава 39.	Диверсия	244
Глава 40.	Мирный Кесеркенд	251
Глава 41.	Костер в ночи	257
Глава 43.	Нападение	263
Глава 44.	Кровавое письмо	269
Глава 44.	Купцы Багу-Келата	274
Глава 45.	Ночная перестрелка	279
Глава 46.	Чахбехар	284
Глава 47.	Британский телеграф	294
Глава 48.	Освобождение	298
Глава 49.	Тисская бухта	305
Глава 50.	Отплытие	315
Глава 51.	«Св. Николай»	324
Глава 52.	Интересное знакомство	329
Глава 53.	На аденском рейде	334
Глава 54.	Похитители людей	340
Глава 55.	Суэцкая таможня	348
Глава 56.	Навстречу Родине	353
Послесловие		356
Белая невеста		360

От автора.

Николай Алексеевич Зарудный – реальная историческая личность: русский путешественник по Восточной Персии конца XIX – начала XX веков. Его выпущенная фотокарточка стоит передо мной на столе. Однако в его деятельности много страниц, не ставших достоянием гласности. Поэтому я сделал его героем повести.

Вступление. Стрелок.

– Машка-а! – раскатывается крик в серых предсветных сумерках над пустыней. Через минуту под откинутый полог палатки просовывается – нет, не румяная бабья физиономия, – а оскалившаяся в жуткой слонявой ухмылке морда верблюдицы.

– У-у, ты, красавица моя! – хозяин любовно треплет ее по шерстистой щеке, и сует в рот кусок печеного хлеба. Проглотив подачку, голова исчезает. Снаружи звенят ботала просыпающихся верблюдов.

– А-а-а! – человек отчаянно зевает, и с хрустом разведя плечи, выскакивает из палатки. Он крепко сбит, темноволос, его овальное, загорелое до красноты лицо с шелушащимся носом украшено пышными офицерскими усами. Глаза у него серо-стального цвета, какой отличает решительных людей.

– Подъем! – кричит он заспавшимся спутникам. Они выбираются из-под черного, валяного из козьей шерсти навеса, который кочевники называют «сиячадыр» – «черная палатка». Их – двое европейцев. Один темноволосый, с глубоко посаженными глазами, вероятно, человек образованный. Второй – простецкий, белобрысый, скуластый парень – типичный ру-

сак по виду. Третьим, лениво зевая вылезает чернявый восточный человек в европейской одежде, явный уроженец русского Закавказья.

Пятеро худощавых смуглокожих белуджей в рубахах навыпуск и шароварах, проводники и чотурдары – погонщики верблюдов. Один из них раскладывает костерок из верблюжьей колючки и тамариска. Белобрысый парень развешивает над огнем почерневшие котелки. Худощавый европеец, расстелив на песке кусок брезента, с немецкой педантичностью колдует над фотографическими принадлежностями. Закавказец никуда не торопится и лениво переговаривается по-персидски с погонщиками – он явно переводчик.

Внезапно раздается свист пуди, пролетевшей над самой головой начальника, и с сухим чмоканьем впирается в деревянную стойку палатки. Издалека долетает звук выстрела.

– Пугают, черти, – бормочет он, и на мгновение нырнув под полог, показывается с новенькой трехлинейкой в руке.

Слегка пригнувшись, взбегает к вершине близлежащего бархана, залегает там, и пристально разглядывает окрестности. Вот что-то шевельнулось вдалеке. Почти беззвучно досылает он желтоватый клык патрона в ствол, передвигает метку целика на пятьсот шагов, плавным движением опытного охотника приподнимает ствол, замирает на секунду – и плавно нажимает спуск. Выстрел гремит над песками. И на соседнем гребне застывает белое пятно.

– Попал, – удовлетворенно отмечает стрелок. Он ждет еще минуту, но убедившись, что движения больше нет, спускается к своим.

– Думаю, сегодня они нас беспокоить не будут, – объявляет он присутствующим.

Глава 1.

Договор в Санкт-Петербурге.

Старинный дом, украшенный богатой лепниной по фасаду в Санкт-Петербурге. Четверо человек беседуют в просторной комнате, обставленной мебелью из мореного дуба – столом, гнутыми стульями с атласной обивкой, напольными часами с башенкой, массивными книжными шкафами и бюро. Один из собравшихся, только что вошел, оставив в прихожей тяжелую армейскую шинель и фуражку, намокшие под дождем. И с ним мы уже знакомы.

– Добро пожаловать, Николай Алексеевич! – розовощекий господин протянул ему свою холеную руку. Гость энергично пожал ее с такой силой, что хозяин даже крикнул, тряся кистью.

– День добрый, Викентий Аркадьевич! –

– Позвольте представить, – обращается хозяин к двум другим гостям. – Подполковник Зарудный, известный исследователь Туркмении и Северного Ирана...

– А это вот – господа Гюнше Шпеер из Русско-Германской железнодорожной компании, один из акционеров Путиловского завода, – худой немец с моноклем в глазу и усами “а ля Вильгельм II” наклоняет голову, – и Иван Сергеевич Рыгалов из Русско-Азиатского банка, – толстый, с заплывшими, быстрыми глазками, слегка кивает – высказали пожелание с вами встретиться, – они по-очереди здороваются.

– Дело в том, что... Но, – давайте вначале присядем, господа! – хозяин приглашает всех занять места. Мужчины садятся, сдвигая стулья к столу, заваленному картами, большей частью английскими.

– Вам, надеюсь, известно, Николай Алексеевич, об экспедиции Пальмгрена-Риттиха, проложившей маршрут через Западную и Центральную Персию?

– Да, конечно, я в курсе.

— Как вам, наверное известно, их сопровождал третий участник, — топограф Ильин, весьма знающий человек в своей области. И представьте — под самый конец экспедиции он неожиданно скончался! Как полагают, от сердечного приступа. Поэтому проделанная им съемка осталась не расшифрована, а картографические результаты экспедиции оказались незначительными.

— Стало быть, вы считаете, что его смерть была несчастной?

— А вы как полагаете? Вы ведь знаете тамошний народ?

— Ну, яду в чай и наши подольют запросто!

— Э... да... — Так вернемся к нашим баранам, — несколько смущенный хозяин сделал неопределенный жест, тощий немец и откормленный отечественный финансист согласно кивнули.

— Вот в чем дело, — все четверо склонились к английской карте Восточной Персии. — Если иметь в виду прокладку дороги, — тот маршрут, который прошла экспедиция, — юго-восточного направления, — длинен. Пускай персы сами размышляют, желают ли обеспечить транспортом страну, лишенную промышленности. И на какие средства. Нас интересует только выход к океану. Существует проект прямой дороги от наших Закавказских губерний, через Западный Иран, к порту Бендер-Аббас у выхода из Персидского залива.

— Но обстановка осложнилась. Обстоятельства убийства старого владыки, Насреддин-хана, и действия наследника, Зелли-Султана, позволяют предположить взаимосвязь этих событий. Я не исключаю, что они связаны с борьбой британской группы барона Д. Арси за богатые нефтяные поля у Ахваза. И, британцы постараются нас не допустить к портам Юго-западного побережья.

Однако, выход на южные рынки нашей мануфактуре жизненно необходим! Самое время предпринять шаги для расширения сбыта.

Между тем, существует идея провести шоссе, а в перспективе и “железку” через Восточную Персию. Начиная от Закаспийской железной дороги, через Мешхед — на юг, к порту Чахбара на Индийском океане.

— Это будет трудно осуществить: на пути горы.

— Наши путейцы в Манчжурии проявили себя с лучшей стороны. Более сложен политический вопрос. Англо-русская конвенция 1885 года гласит: в Персии железных дорог никто строить не будет. Но, складывается диспаритет. Ахваз к морю близок, туда британцам достаточно проложить нефтяную трубу, вроде той, что идет от Бакинских промыслов к Потти. Поэтому конвенцию они защищают. И в то же время, сами провели недавно через свой Белуджистан Нушкинскую железную дорогу — до самой персидской границы. И ее в любой удобный момент можно продолжить на север, к нашим среднеазиатским рубежам. Значит вопрос в ином: кто быстрее и неожиданнее разорвет соглашение. Мы отстаем.

Но британцы увязли в Бурской войне, и для нас это удачный момент наверстать упущенное. Заодно мы укрепили бы свои позиции в Персии, несколько пошатнувшиеся после царевубийства и фиданских мятежей.

Вот и возникла мысль, Николай Алексеевич, обратиться к вам с предложением пройти этот район, — хозяин квартиры постучал согнутым пальцем по карте. — Произвести подробную съемку возможной трассы, примерно вдоль 61-го меридиана, — и, вместе с тем осуществить разведку намерений британцев. О чем, кстати, просил и Главный штаб.

— Ну что же, господа, — мне этот план по вкусу, не скрою. Однако на офицерское жалование такой экспедиции не организуешь.

— Получено высочайшее одобрение, и надлежащая сумма будет выделена через Императорское Географическое общество. Это вас устроит? — хозяин взял бумажку, написал на ней цифру с четырьмя нулями и протянул гостю. Зарудный удовлетворенно хмыкнул.

— Думаю, этого вполне должно хватить. Но есть еще один вопрос: для охраны экспедиции и подарков местным властям мне нужно оружие армейского образца — пару ящиков новых трехлинейных винтовок.

— А винтовки Маузера вас не устрают? Буры ими довольны, — подал голос господин Шнеер.

— Я бы не отказался от нового пистолета, правду говоря: мой “Смит-Вессон”, конечно, устарел. Но винтовка — в какой-то мере, символ, знаете ли. Я буду представлять Россию, а не Германию. Да и лучше она, честно говоря.

— Хорошо, будут вам винтовки! — с некоторым раздражением отозвался хозяин. — Итак, значит беретесь?

— Да.

— Тогда — по рукам! — и все встали.

— Честь имею! — Зарудный резко наклонил голову, и выходит. Хозяин проводил его в прихожую.

Глава 2.

Асхабад.

Пыхтящий черный паровоз подтаскивает зеленые вагоны к вокзалу. Закаспийская железная дорога лишь десяток лет тому назад связала между собой среднеазиатские владения России. Николай Зарудный, сразу же принимается распоряжаться грузчиками-армя-

нами. Те торопливо начинают разгружать экспедиционные ящики и вьюки. Его спутники-европейцы, Гермс и Александров, с любопытством оглядываются по сторонам: они не были еще в Закаспийской области. Однако им приходится включаться в общую работу: Гермс еле удерживает небрежно подхваченный грузчиком ящик. В нем драгоценные фотографические принадлежности, как следует из надписи на крышке.

Подъезжают извозчики пролетки:

— Что, в город, барин? — свешивается с козел кучер-молоканин в косоворотке.

— В гостиницу — самую дешевую. —

— Тогда во “Францию”. Та спокойная. А, ежели с шиком желаете — то “Гранд-Отель”.

— Нет, во “Францию” поедем.

— Двадцать копеек — конец.

— Хорошо.

На задних путях стоит состав цистерн, от которого идет острый нефтяной запах.

— Это что?

— Керосин бакинский, из Красноводска везут, в Ташкент.

Уже во всю пригревает весеннее туркменское солнце. Блестят под ним свежескрашенные крыши самого молодого русского колониального центра. А в Петербурге еще лежат повсюду сугробы: ведь сейчас лишь самое начало марта. Грузные пролетки едут медленно, и у пассажиров есть время осмотреться. На улицах города не так уж часто можно встретить туркменскую папаху-тельпек: местным жителям запрещено селиться в пределах Асхабада. Это разумная предосторожность, навешанная упорным сопротивлением воинственных туркмен русским войскам. Только Скобелев, безжалостный военный гений, одолел главную твердую текинцев — Денгиль-Тепе.

Сплошь и рядом попадаются военные фуражки, пахаки казаков и кожаные штаны-чачкиры пеших стрелков. Вывески лавок пестрят армянскими фамилиями. Но встречаются и иранские: в городе нашли убежище персы-бабиды, поклонники безобидной еретической мусульманской секты, бежавшие от жестоких шахских репрессий. Вот ресторан с кафешантаном, здесь развлекаются холостые чиновники, офицеры, и торговые воротилы — ведь через город проходит почти вся торговля Туркестана, Бухары и Закаспийской области с Персией, Закавказьем и Европейской Россией. Наконец показалась гостиница: на жестяной вывеске надпись — «Франция». Остаток дня уходит на обустройство.

На следующее утро пролетка подвозит Зарудного к канцелярии начальствующего Закаспийской областью генерала А. Н. Куропаткина. Быстрым шагом входит он в приемную и просит молодого адъютанта доложить о прибытии подполковника Главного штаба.

Куропаткин принял Зарудного достаточно быстро — его провели в просторный прохладный кабинет на втором этаже.

— Честь имею, Алексей Николаевич! — шелкнул каблуками худощавый подполковник. — Добрый день, Николай Алексеевич! — подал руку располневший от сидячей жизни моложавый генерал. — Я извещен о цели вашей поездки. Мне телеграфировали о вас из Санкт-Петербурга, и я доволен вашей оперативностью, подполковник. Вас не нужно вводить в курс наших среднеазиатских дел, однако я укажу вам те вопросы, которые волнуют меня как начальника пограничной области.

Генерал показал Николаю некоторые бумаги со своего стола:

— Для начала ознакомлю вас с некоторыми доку-

ментами, говорящими об усилении британской активности на наших рубежах. Вот копии донесений, из штаба туркестанского генерал-губернатора. Это — от начальника Памирского отряда: он докладывает, что британцы планируют построить укрепление в долине Пянджа, чтобы взять под контроль бухарскую границу на Памире и горные дороги на Индию. Такую же крепость хотят поставить на Тагдумбаш-Памире, близ пределов китайского Синцзяна. Желают обложить нас как медведя в берлоге.

— Вот доклад о задержании британских агентов, посланных в Бухару под видом афганских купцов. Широко действуют господа англичане: укрепления, разведка! А наши все опасаются из-под бухарского эмира Памир взять, чтобы с британцами не ссориться. Боюсь я, что, оберегая свою драгоценную Индию, могут испортить они нашу здешнюю мирную жизнь.

— Но, ведь мой маршрут пройдет западнее Афганистана.

— На этом фланге тоже «неясности». До меня доходят странные известия о каких-то больших работах англичан в Сеистане, на персидско-афганской границе. Если там возводятся фортификации, тогда наши пограничные крепости, строящиеся в Термезе и Керках оказываются под ударом с обоих флангов. Для чего это делается? И афганцы, конечно, поддержат англичан: даром мы эмира Абдуррахмана со всеми его приближенными столько лет в Самарканде на пенсионе содержали! — Сколь волка не корми... Конечно, действовать будут не своими руками. Как бы наших азиатов не взволновали: мало ли нам было Кокандского мятежа?

— Поэтому так интересен маршрут вдоль афганоперсидского рубежа. Ибо, не хотелось бы, в случае военного конфликта обнаружить крупные «сюрпризы».

– Будет сделано, ваше превосходительство! – щелкнул каблуками Зарудный.

– Успехов! – Генерал пожал ему руку на прощание, и они расстались.

Позднее, когда Николай возвратился в гостиницу, в номер к нему явился весьма небогато одетый человек в очках.

– Левенцов, местный краевед, – представился он.

– Чем занимаетесь в настоящее время?

– Пытаюсь вести раскопки на древнем городище. Есть интересные находки. Но я пришел поговорить об ином. До меня дошли известия, что вы намереваетесь идти в Систан.

– Да, я буду проходить через этот район. Хотя не желал бы этого афишировать.

– Известно ли вам, что среди местного населения очень популярна версия о так называемом «кладе Тамерлана», скрытом где-то в тех краях? Существуют предположения о том, что сам его поход на Сеистан, во время Индийской кампании, ровно пятьсот лет тому назад, объясняется намерением обнаружить какие-то древние сокровища. Впрочем, есть мнение, что он закопал наиболее ценную часть добычи, не желая отягощать обозы на пути в Индию...

Никто из собеседников не знал об одном небольшом событии, что произойдет вечером. Дом персидского купца Ахметхана стоит у начала дороги на Фириюзу, летний курорт богатых и чиновных асхабадцев. Когда стемнело, в дверь, озираясь, постучал молодой туркмен, из числа мелких служащих канцелярии областного начальника. Ему открыли, и, он проскользнул внутрь.

– Салям, Ахметхан! – приветствовал он перса.

– Ва алейкум ас-салям, Эрсари! – отвечал тот.

– Нас никто не может услышать? –

– Нет. –

– Передай Тренч-сагибу в Мешхеде, что в Асхабад прибыл русский офицер. Он собирается идти в Хорасан и дальше на юг.

– Благодарю тебя, Эрсари. Все будет передано, об уресе позаботятся, – в полутьме зашуршали ассигнации. Затем молодой служащий русской администрации выскользнул из дома персидского торговца...

Глава 3.

Винтовки в Мешхеде.

На пыльные улицы Мешхеда с грохотом въезжает четверной фургон, прикативший в столицу Хорасана с севера, из Асхабада.

– Ну, шо, вашестъ – приихалы, будь ласка! – возчик свешивается с козел к сидящему впереди Зарудному. Это молоканин из Закавказья. Речь его сохранила малороссийские обороты еще с тех времен, когда Александр I селил молокан в заднепровской степи.

– Не изволите ли чаевые?

– К таможене езжай, там будут чаевые! – буркает Зарудный, утирая с лица въедливую дорожную пыль.

Город довольно обширен, однако большей частью лишен зелени. Вдоль его по-восточному кривых улиц протянулись беленые одно-двухэтажные дома. Лишь вдоль широкой главной улицы, над грязным арыком простерли мощные ветви чинары, выбросившие еще не успевшую потемнеть зелень. Над зданиями маячат лазоревые купола иранской святыни – мавзолея восьмого по счету шиитского имама Али Резы. Сей имам был отравлен в начале IX века, в бурные времена борьбы властителей Хорасана с центральным правительством халифа аль Мамуна, Аббасида. Именно вокруг его зиарата – места поклонения паломников

святому, – вырос город Мешхед. Шииты не признают династии избранных правителей-халифов. Они почитают лишь имамов, потомков Али, зятя Пророка. Двенадцатый по счету имам считается не умершим, а скрывшимся в скале, откуда выйдет в час Божьего Суда. Священный квартал Бэст, где из-за листы чинар виднеются купола мечетей, медными цепями отделен от других частей города.

Здание таможи отличалось от прочих, пожалуй, только развевавшимся над нею персидским флагом. Фургон остановился прямо перед ней, и пассажиры, разминая ноги, выбрались наружу. Рабочие заносят ящики и баулы в помещение.

Сие достойное учреждение возглавляет француз, принявший мусульманство. Он пришел лично осмотреть багаж заезжих европейцев. Впрочем, без особого интереса разглядывает он груды экспедиционного имущества. Уже рука с шахской печатью замерла над бумагами, разрешающими ввоз багажа. Внезапно острый взор корсиканца загорается и становится подобен орлиному. Бонапартовским жестом он отодвигает в сторону бумаги.

– А это что за ящики? Откройте! – говорит он по-французски.

Крышка со скрипом поднимается и, в полутьме таможенного склада перед ним обнажаются блестящие от смазки вороненные стволы новеньких винтовок.

– Что это такое?! Вам известно, что ввоз оружия в Персию категорически запрещен!

– Но, господин таможенный начальник – экспедиция направляется через Хорасан на юг Восточной Персии, наш маршрут проходит по разбойничьему краю. Оружие нам необходимо для самообороны!

– Нет, не могу пропустить! –

Тогда Зарудный отводит француза в сторону:

– Может быть, небольшой бакшиш? – негромко предлагает он.

– Десять туманов? – Двадцать рублей по тогдашнему курсу, деньги весьма неплохие.

– Как вам не стыдно даже предлагать такое, мы ведь европейцы! Какой же пример мы подаем аборигенам! – негромко горячится земляк Бонапарта: – Сто.

– Что?! За такие деньги можно три раза съездить из Мешхеда в Асхабад и привезти все обратно! – взрывается русский.

– Ну, и ежайте себе, если вы так боитесь путешествовать без ваших винтовок! – горячится корсиканец.

– Бывал у нас один такой храбрец на Москве, – бурчит Зарудный по-русски.

– Обождите полчаса, господин начальник – я скоро вернусь.

Он выходит на улицу, и машет рукой все еще ожидающему кучеру:

– Где наше консульство? –

– А, вон за тем углом, вашесть! – указывает тот кнутовищем вдоль немощеной улицы.

– Хорошо, – Зарудный решительно и быстро идет по пыльной улице. И уже через несколько минут оказывается перед особняком в иранском стиле, на крыше которого лениво колыхнется трехцветный русский флаг.

– Господин вице-консул у себя? – без предисловий обращается он к сидящему у входа в одной рубашке казаку.

– Да. А что...

– Пойди, скажи, что его хочет видеть подполковник Зарудный.

– Слушаюсь! – казак моментально исчезает внутри.

– Извольте пройти! – появляется он через минуту.

Зарудный по коридору проходит в тенистую комнату с жалюзи на окнах. Из-за стола поднимается загорелый, темноволосый, с живыми глазами человек среднего роста.

— Панафидин, Петр Григорьевич, — представляется вице-консул.

— Зарудный! — сняв фуражку, путешественник крепко жмет руку.

— По какому делу заглянули? Или просто решили развеять здешнюю скуку?

— Видите ли, господин вице-консул, моя экспедиция направляется на юг Персии. А начальник таможен захватил мои винтовки, да еще за их пропуск требует взятку — сто туманов.

— Так и сказал — «сто»?

— Так и сказал.

— Да, времена нынче смутные, не приведи нам такое господь! — каждый пытается урвать, что может. А господина Цезари я знаю, он большой приятель британского вице-консула. Мы с ним, впрочем, тоже давно знакомы — так что, разберемся, — консул берет со стола фуражку, снимает со спинки стула белый френч, и они вместе идут на таможену.

Через полчаса, действительно, все улаживается. Господин Цезари, которому напомнили, что Россия — великая держава, и все еще пользуется некоторым влиянием в Персии, остается при своих интересах и принужденно улыбается на прощание. Русские выходят на улицу, под немилосердно пекущее иранское солнце.

— А вообще, я могу дать вам совет, — говорит вице-консул. — Поступайте по примеру англичан: меньше спрашивайте дозволения — дешевле выйдет. Кстати, где вы остановились?

— Как раз, хотел спросить совета, по поводу выбора гостиницы. Где бы найти пристанище, пока не

возьмем продовольствие и не найдем животных для перевозки багажа?

— Гостиницы здесь все дрянь. А, вот что, Николай Алексеевич — поселяйтесь-ка вы у меня, в консульстве: дом большой, людей мало! Да и у наших британских друзей будет меньше возможностей за вами присматривать.

— За это спасибо.

Только Николай успел разложить вещи в своей комнате, как в дверь постучал казак:

— Извиняйте, вашбродь! Петр Григорьевич просили зайти для разговору!

— Спасибо, передай — иду!

Панафидин ожидал подполковника в кабинете, перебирая за столом какие — то бумаги:

— Николай Алексеевич, уверены ли вы в необходимости идти на самый юг?

— Такова моя задача.

— Дело в том, что, по моим сведениям, в Белуджистане, уже некоторое время продолжается восстание.

— Так это, наверное, против персов, а не против русских? Уж, во всяком случае, британцы не обвинят нас в его организации?

— Да, я боюсь, как бы не наоборот было! Вы, кстати, разведайте: не торчат ли там чьи-либо уши? Ну, и сами в полымя не попадите.

— Не бойтесь, Петр Григорьевич, там, где чиновников нет, я чувствую себя увереннее, ибо привык полагаться на свои силы.

— Это хорошо. Что, вам, стало быть, осталось здесь сделать?

— Проездные грамоты, выючные животные и провиант.

— Проездные хукмы, письма с официальным разрешением, надо получить у хорасанского вали, губерна-

тора. Это моя забота. Вы пока занимайтесь заготовкой припасов. Что касается животных – то до Сеистана, куда надо добираться по каменистым тропам, практичнее нанимать ишаков. Лучшая выючная порода здесь зовется «бэндани»: их с юга пригоняют, из сухих Бэнданских гор. Либо, еще мулов нанимайте – но, это выйдет раза в два дороже. Как у вас со средствами? А уж из Систана, однозначно, берите верблюдов: пустыни, пески, жара и безводье.

– Собственно, так я и предполагал.

– Да, вот еще что. Тут, до меня дошел слух, что какая-то путешественница, кажется, французская, собиралась идти в Восточную Персию, чуть ли не в Белуджистан. Вы уж, если встретите, окажите даме посильную помощь.

– Оказать-то – окажу. Да она, небось, побоится свою нежную головку сунуть в пасть мятежникам!

– Женщины – они разные бывают, Николай Алексеевич. Француженки – в особенности!

Глава 4.

Испорченный Ноуруз.

Вся Персия готовилась отмечать главный свой праздник – Новруз, весеннюю встречу Нового года. Повсюду царил суматоха, оживленно шла торговля – кто мог позволить себе обновы, стремился купить их в эти дни.

Панафидин снова встретился с Зарудным. Шагая из угла в угол и похлопывая себя по карманам, словно проверяя, цело ли их содержимое, он говорил:

– Принц Рукн-уд-Доулэ тянет с хукмами для вашей экспедиции. Не знаю, – может быть, это происки британского вице-консула? Сегодня вечером представители консульств, по случаю Ноуруза, званы на дар-

бар, парадный ужин с фейерверком – «атеш бази», так он у них называется. Я возьму вас с собой, и познакомлю с вали. Может быть, это ускорит дело.

– Спасибо.

Улицы и базары были полны гуляющих людей. В некоторых местах пролетке вице-консула приходится буквально протискиваться через толпу. Двухэтажный губернаторский дворец, к которому съехались экипажи дипломатов, напоминал улей. По всем углам стояли охранники с шашками и револьверами – персидские казаки из иранской казачьей бригады, располагавшейся в Тегеране.

Длинный стол был накрыт в парадной зале, выходящей в айван – глубокую и высокую арку над главным входом. С десятков представителей соседних держав, вместе с сопровождавшими их лицами, выглядели чужеродным вкраплением среди однотонных шпалер высших чиновников Хорасана. Губернатор – важный, пожилой перс в европейском костюме с шахской орденой звездой на груди и в черной каракулевой шапке-кулахе. Он поднялся и, поприветствовав гостей, провозгласил здравицу в честь царствующей Каджарской династии. Приняв поздравления с наступлением Новруза, он сказал:

– Господа, прошу садиться за стол. Хош амадад! –

Не успели все с шумом усесться, как точно из-под земли появились официанты в белых рубашках и черных жилетках. Они расставили перед гостями чаши с водой, в которой плавали лепестки роз. Зарудный, не очень задумываясь об этой процедуре, сунул туда целиком ладони и потерял одну о другую.

– Что вы делаете, надо окунуть лишь пальцы! – наклонившись, прошептал ему на ухо Панафидин.

– Ничего, чище будет! – тем же шепотом ответил путешественник.

Снова подошли официанты, и положили перед европейскими гостями ложки. Затем на стол подали дымящиеся блюда душистого плова с овощами.

— Бисмилля! — торжественно произнес губернатор, и все мусульмане повторили его слова. Затем приступили к трапезе. Зарудный, не чинясь, накладывал разваристый рис себе на тарелку. Персы, согласно обычаю, ели плов руками. После плова подали хорошо зажаренный бараний бок, от которого вскоре осталась горька ребер. Затем наступила очередь десерта: принесли фрукты и шербет со льдом.

После еды гостям снова подали розовую воду для омовения рук, все встали из за стола, либо благодаря Аллаха, либо — дипломаты-христиане, — гостеприимство хозяина. Незнакомый подтянутый джентльмен приятной наружности, сидевший наискосок от путешественника, внезапно, обратился к нему по-английски:

— Ну, как вам нравится в Персии, мистер Зарудный?

— Благодарю — великолепно! Простите, а с кем имею честь говорить, мистер...

— Фредерик Чейнвик-Тренч, «Тренч-Сагиб», как обычно зовут меня туземцы еще со времен работы в Систане. Признаться, я не без удовольствия читал ваши работы, посвященные орнитологии Туркестана и Северной Персии. Они выдают подлинного энтузиаста и знатока своего дела. Особенно интересно ваше исследование ареалов распространения ястребиного орла. Кажется, вам первому удалось обнаружить его гнездование на северных склонах Копетдага.

— Да, в этом есть моя заслуга, но вы преувеличиваете мои достижения. Я лишь продолжаю дело естествоиспытателя Александра Северцева.

— Вам виднее. Однако: зря вы в наше тревожное время затеяли поездку на юг Персии. Опасно, знаете ли!

— Чрезвычайно тронут вашей заботой обо мне — вежливо наклонил голову насторожившийся путешественник.

— Кто этот приятный джентльмен? — вполголоса спросил он вице-консула, когда англичанин отошел.

— Это британский консул Чейнвик-Тренч, один из самых опасных наших противников в здешних краях. Он из числа сподвижников вице-короля Индии лорда Керзона, оголтелого русофоба. Как я полагаю, именно мистер Тренч препятствует оформлению ваших проездных грамот.

Вскоре вице-консул подвел соотечественника к хозяину дома:

— Господин вали! Разрешите представить вам известного путешественника Николая Зарудного. Он ждет от вашего превосходительства грамот на проезд по Хорасану, Сеистану и Белуджистану.

— Албатче, разумеется, я рад познакомиться, сахеб Зарудни. Вы будете изучать нас, нашу страну и наши недра? — губернатор холодно протянул руку. — Я постараюсь, сколько смогу, поторопить своих чиновников.

— Был бы признателен, ваше превосходительство.

— Не за что. К сожалению, впереди праздники — тут даже вали бессилен против обычая.

— Чувствую, промаринует он нас еще недели две! — сквозь зубы процедил Николай Панафидину, когда они отошли в сторону.

Стемнело быстро, как это обычно бывает на юге. По приглашению губернатора все вышли на террасу. Вечером журчание воды в арыке усилилось, благоухание распускающихся роз заполнило весь сад. Внезапно, впереди вспыхнули огни, взлетели в небо ракеты, затрещали, крутясь, огненные колеса и шутихи. «Атеш бази» — фейерверк, излюбленное зрелище персов, был великолепен.

Пока публика восхищалась огненными фонтанами, невесть откуда появился ряженный «атеш афруз» — «зажигальщик огня». Медленно кружась, приближался он к губернатору. На ряженном был латаный дервишский плащ, и постукивая дощечками он пел традиционную праздничную песню: «Раз в год приходит зажигальщик огня, чтобы зажечь пламя, в котором сгорает все зло...» Лишь у немногих из присутствующих возник вопрос: «А откуда собственно он взялся в охраняемом дворце, этот уличный персонаж»? И, пожалуй, только Зарудный успел заметить блеснувшую в складках плаща сталь пистолетного ствола. В руке Николай держал тяжелый стакан с шербетом, и он метнул его в голову «зажигальщику», на секунду опередив прогребохотавший выстрел. Тяжелое дно стакана ударило нападавшего в переносицу, раздробив ее, и слепая пуля завизжала где-то под крышей. Вытирая рукой окровавленное лицо, отбросив бесполезный пистолет и выхватив широкий узбекский нож, нападавший рванулся вперед:

— Умри, отступник, во имя Аллаха! — закричал он.

Но стоявший тут же персидский казак вспомнил, и, выхватив револьвер, выстрелом уложил фанатика на месте.

Губернатор застыл, точно молнией пораженный:

— Аль-шейхия не прекратят преследование, пока не убьют меня! Они считают, что я отвечаю за расстрел их сторонников! — вырвалось у него.

Затем он порывисто подошел к Зарудному и протянул ему руку: на этот раз его рукопожатие было крепким.

— Бале! Да! Завтра вы получите хукмы: слово вали, что бы я ни обещал другим. А это прошу принять от меня! — губернатор протянул Зарудному кинжал, навершие которого украшал большой кусок би-

рюзы. Николай принял подарок, приложив руку к сердцу.

Минутой позже он подошел к убитому, наделавшему такую суматоху. Это был перс, каких тысячи — под дервишским плащом скрывались поношенные рубаха и штаны. Однако, опустившись на колено, и внимательно рассмотрев его руки, Николай обнаружил характерный желтый ободок под ногтями, выдающий заядлого курильщика гашиша.

— Так я и думал, наркоман, мозги набекрень... — пробормотал он себе под нос. — Кто эти шейхиты? — спросил он, поднимаясь, подошедшего Панафидина.

— Это давняя история, вам придется выслушать целую лекцию.

— Валайте! — они отошли в тень, пока слуги убирали труп.

— Шейхиты — это раскольничья дервишская секта, начал вице-консул. — Их гнездо было основано западнее Мешхеда, в Себзеваре. На руинах, оставленных монголами Чингисхана нашли прибежище шейхи и дервиши. И первые из них — зловещие ассасины, остатки секты убийц, из павших под ударами ханских нукеров исмаилитских замков. Секта почитающих Измаила гашишеедов была основана еще при первых крестоносцах. Шейхи стали у истоков движения «висельников», сарбадаров, призывавших изгнать монголов из Персии. В четырнадцатом веке они захватили власть над Хорасаном.

— С ними имел таинственную связь Тамерлан. Он воевал с наследниками монгольских ханов, и, шейхиты помогали ему. И с его времен они ведут свою генеалогию. Террор, а не проповедь был и есть их главное оружие. Не раз, во времена упадка Персии, они стремились свергнуть власть чужеродных династий. Говорят, они вдохновляли несчастных бабидов, мусуль-

манских еретиков, восставших и, затем перебитых Насреддин-ханом Каджаром в середине уходящего века. После его убийства, стоило пошатнуться власти Каджаров, как шейхиты вдохновили так называемые фидайские мятежи. Возмущения жестоко подавили выпескованные нами персидские казаки. И вновь секта ушла в подполье. Шейхитами движет предание о грядущем государстве «чистых» мусульман, где им вновь достанется власть. Объективно же, их действия выгодны англичанам.

— Нда, кудрявая история... — хмыкнул Николай. — Хорошо, однако, что не я лично убил эту змею в человеческом обличье: не хватало начать вендетту с орденным убийц.

Глава 5.

Свидание с пиром.

Губернатор выполнил обещание. На следующий же день, несмотря на празднества Новруза, Зарудный получил проездные грамоты, по всем правилам выправленные и подписанные. Оставалось закупить кое-какие припасы на рынке, куда отправились вдвоем: сам Зарудный, Александров и переводчик Аджи Ахмедов.

Мешхедский базар — типичный «чорсу» — «четыре улицы», крытые сводами галереи, окруженные примыкающими к ним лавочками в переулках. Того, кто не видал прежде среднеазиатских базаров, способна была ошеломить сутолока народа в кривых проходах между лавочками и мастерскими, усиленная по случаю Новруза. Стоголосые призывы продавцов, ежеминутные крики погонщиков ослов, пробивающихся сквозь толпу: «Хабар! хабар!» «Берегись!».

Там араб с Центрально-иранского нагорья прода-

ет конскую упряжь, здесь перс торгует рисом и финиками, тут лур выставил сверкающую на солнце медную чеканку.

— Купи саблю, утеху мужчины! — предлагает оружейник.

— Нишапурская бирюза — лучшее средство от сглаза! — заывает ювелир. Недаром, Мешхед — главный центр шлифовки персидской бирюзы. Торговец пряностями разложил на прилавке мешочки со своим ароматным товаром и поставил медные аптекарские весы для их взвешивания. Тут — спички из Европы, чай из Индии, ситец из России. Там — добротные английские ботинки, французский сахар-рафинад. И каждый продавец норовит нажиться на заезжих иностранцах-ференги. Приходится отчаянно торговаться за всякую мелочь. И главное — крепче держаться за карман, чтобы не стащили кошелек. Ибо базарные воришки совершенно не чтут святости города.

Внезапно, Николая дергает за полу френча невеста откуда взявшийся малорослый мальчишка.

— Эй, урус — хочешь поговорить с пиром? Он ответит тебе на все вопросы. Пир святой, он никого не боится. А мне пять кран дашь. —

Один кран — всего полкопейки.

— Хорошо — два крана, и пошли.

— Лязим, пойдет! — проявляет сговорчивость юный чичероне.

— Пошли, Аджи! — зовет Николай переводчика.

Мальчишка ужом скользит через толпу, взрослые еле поспевают за ним. Вот, наконец, они выходят к старому, песочного цвета мавзолею, приютившемуся под развесистой чинарой на окраине рынка.

Зарудный видит седого старца, восседающего на скамеечке у надгробия. Простая, но чистая одежда, выделяет его среди множества уважаемых персами

почтенных стариков. И только голубая чалма паломника, побывавшего у гробницы первого имама-мученика, халифа Али, в Кербеле, и янтарные четки в руках, выдают духовного пастыря мусульман. Николай пристально разглядывает его, и в выцветших глазах старца видит печаль знания. Он понимает, что этот человек способен многое объяснить ему в хитросплетениях местных религиозных сект.

— Это почтенный пир Ариф Кербели. Он согласен побеседовать с исайя, с христианином, — говорит мальчишка.

Николай без колебания задает мучающий его вопрос:

— Спроси почтенного пира, ждать ли мне, не допустившему убийства вали Хорасана, возмездия от аль-шейхия?

Старец задумался на несколько секунд, затем ответил:

— Если для достижения цели надо было бы устранить неверного, передо мной стоял бы живой мертвец. Но ты случайное орудие в руках Аллаха, желавшего испытать твердость аль-шейхия в их намерениях. Ты уйдешь дальше, и тебе нечего опасаться.

Не будучи слишком тверд в персидском, Зарудный, тем не менее, понял сказанное и вздохнул с немалым облегчением. Но пир продолжал говорить, и переводчик, обретший спокойствие, вдруг побледнел, и голос его стал ломким.

— Пир говорит, что аль-шейхия имеют многочисленные связи за пределами Персии. И эти связи могут послужить причиной к тому, чтобы уничтожить русского. Он советует не поворачиваться спиной ни к кому, носящему заплатанный дервишский плащ.

— Что же, спасибо ему за предостережение. Не на связи ли с британцами он намекает? Быть может. А

спроси его, чего добиваются шейхиты, стремясь свергнуть царствующую династию?

На этот раз пир заговорил медленно, чтобы речь его была достаточно понятна путешественнику.

— Знаешь ли ты, урус, о таком воителе — Тимурленге?

— Мало кто не слыхивал о нем. Самарканд, его столица, — нынче русский город.

— А известно ли тебе, что это шейхи, пользовавшиеся властью в Хорасане, заметили его и помогли в борьбе с поработившими Туркестан монголами. Они послали людей, чтобы выгнать их из Самарканда. А затем передали город в руки Тимура. И шейхи долго поддерживали Тимурленга, пока не стер он улус Чагатая с лица земли! Подлый Али Муайяд изменил шейхам и перебил их. Но тотчас испуганно сложил он власть над Хорасаном к ногам разгневанного Тимура. И край наш был опорой завоевателя, когда он сокрушил монгольские династии! Аль-шейхия помнят все это, они гордятся своим прошлым, и ждут нового Тамерлана, которого могли бы посадить на трон и верно ему служить.

— В Средней Азии русские стоят крепко. Откуда может появиться новый Железный Хромец?

— Они говорят: «власть неверных не бывает крепка». Пускай гяуры сокрушают порок и шаткость в вере. Они считают: новый Тимур придет из Индии, оттуда, где чтят ислам.

— Из британской Индии? Ну, теперь знаем, откуда великий завоеватель обрушится нам на голову! А долго ли ждать?

— Аль-шейхия ждали века, они могут потерпеть еще немного.

— Скажи, а слышал ли ты что-нибудь о «кладе Тимура»?

— Многие рассказывают о том, что часть своих сокровищ Тимур доверил земле. Умирая в Туркестане, послал он верного нукера в Герат, к любимому сыну Шахруху, поведать ему эту тайну. Но люди злобного Мираншаха перехватили посланца, и тот умер под пыткой. Он не выдал тайны, предназначенной брату его палача. Однако Шахрух не смог продолжить войну с монголами, и сын его Улугбек не удержался у власти. А затем кочевые узбеки низвергли тимуридов. Но не пытайся коснуться непопавшего, ибо аль-шейхия думают что Тимуром сокрыты богатства, собранные сарбадарами, «висельниками», владевшими Хорасаном, и сами хотят их найти!

— Скажи пиру, что мы ему благодарны. Вот мой дар на обновление мавзолея!—

Николай положил в руку старца три тумана — весьма приличные деньги. Затем они с Аджи покинули мавзолей. Мальчишке, ожидавшему своего бакшиша, были вручены его драгоценные краны, и он растворился в толпе.

— Предупрежден — значит вооружен, — пробормотал Николай. — Тянуть не будем, выходим завтра.

Между тем, если бы тем же вечером мог он заглянуть под крышу британского консульства, то был бы обеспокоен еще больше, чем после разговора с пиром. В своем кабинете прохаживался из угла в угол Мистер Тренч, в одной рубашке, заложив пальцы за пояс. Возле самой стены стоял неподвижно человек в длинной афганской рубахе и жилетке, с узким, смуглым лицом. Человек, умеющий определять племенную принадлежность пуштунов, сказал бы, что это выходец из племени попользаев, живущего к северу от Кандагара.

— Ты должен запомнить: урус-джасус — русский шпион, — Зарудни — мой главный враг! — говорил с на-

жимом, точно вбивая гвозди, консул. — Он направляется в сторону моря. Его сопровождают фотограф, повар и переводчик — азербайджанский турок. Все они исполнители, и без начальника ничего собою не представляют. Зарудни надо ликвидировать, или хотя бы помешать продолжать поездку. Хорошо, конечно, если этим займутся разбойники-белуджи — те самые, которые нападают и на британскую территорию. Яр-ахмадзай вполне могли бы сделать эту работу. Можно их всех убрать. Тогда на нас не падут подозрения.

— Во сколько оценить их труд?

— За голову Зарудни я дам двести рупий. Кроме того, у него есть деньги, оружие и припасы, которые они смогут забрать себе. К морю он не должен дойти как и вернуться назад. Это понятно?

— Да, Тренч-сагиб. Я передам все это в Тренч-абаде, в Сеистане. И навещу яр-ахмадзай. Но как же ваши святые друзья?

— К сожалению, из-за того что хорасанский вали изрядно их потрепал, здесь они не располагают достаточным количеством людей. Конечно, я могу подкинуть нашим фанатичным друзьям идею, насчет того, что урус хочет похитить пресловутое «сокровище Тамерлана». И, если ты не сумеешь справиться с заданием раньше, то на юге...

— Я?!

— Не обижайся. Вот тебе на расходы, — консул подал афганцу вынутый из секретера мешочек, в котором звякнули серебряные рупии.

— Еще одно, Тренч-сагиб: вы обещали мне хороший револьвер.

— Да, конечно. Вот, держи, — выдвинув ящик стола, англичанин достал вороненый револьвер и, протянул его своему агенту. — А это — патроны, — из того же ящика он извлек пару тяжелых картонных коробок.

— Спасибо, Тренч-сагиб.

— Если ты решишь, что сам можешь справиться с Зарудни, помни — он хорошо стреляет. И быстр: ты слышал, как он отделал аль-шейхи на дарбаре у губернатора?

— Да, я слышал. Никто не успел — только он! Это достойный соперник! — глаза афганца сверкнули. — Я убью его в грудь, как мужчину!

— Только пускай это произойдет в пустыне, или в южных горах.

— Так и будет, Тренч-сагиб, клянусь честью моего рода!

Глава 6.

Встреча у аб-амбара.

Вдоль холмистых отрогов невысоких гор Кайен, близ афганской границы, движется караван. Шесть мулов-«катеров» и восемь ишаков-«бэндани» сопровождают трое ослиных погонщиков — червадаров. Зарудный только что закрыл целики ручной буссоли, и спрятав ее поглубже в карман, записывает результаты съемки.

Гермс торопливо зачехляет фотоаппарат, трогаясь следом. Чем дальше от Мешхедской котловины, тем пустынее ландшафт, реже — села, хуже — дорога. В предгорьях шли золотые поля отколосившейся пшеницы, орошаемые кяризами — тоннелями-водоводами. А дальше протянулась бесконечная щербистая равнина. Лишь кое-где виднелись зеленые поля и сады небольших оазисов.

День выдался жаркий, запасы воды таяли с угрозой быстрой. Гермс нагнал Зарудного:

— Николай Алексеевич, воды бы набрать: уже на дне бурдюков плещется.

Как раз в этот момент они перевалили небольшой холм.

— Вот, смотрите, — и аб-амбар встретился хороший! Михаил показал на купол возле дороги, окруженный несколькими пальмами. Он обозначал подземную цистерну.

Они подъехали к куполу высотой в полтора человеческих роста. Николай, решив размяться, снял ведро с выюка, и по узкой лестнице осторожно спустился вниз, в прохладный полумрак, где поблескивала черной гладью отстоявшаяся дождевая вода. Чуть передохнув от дневного пекла в прохладе, он зачерпнул воду, и стал неторопливо подниматься. Он достиг уже уровня земли. Внезапно, подземное эхо донесло до него отзвуки скачущих коней, и затем истошный крик персидски:

— Стоять! Не двигаться! —

Он осторожно выглянул сквозь одно из отверстий у подножия купола. Десяток всадников с винтовками наперевес, окружили караван. Командовал ими человек, одетый лучше других, вооруженный магазинной винтовкой:

— Кто из вас урус Зарудни? Я Насрулла, начальник всадников шах-заде Хафа. Сдайте мне оружие и поезжайте за мной!

— Среди нас нет Зарудного. — ответил Гермс, и Аджид перевел это, трясаясь от страха под дулом направленной на него винтовки.

— Ты лжешь! — воскликнул Насрулла.

— Он не лжет, — прозвучал голос, шедший точно из-под земли, и всадники изумленно оглянулись, прежде чем поняли, что он раздается из-под глинобитного купола.

— Я нахожусь рядом, Насрулла, и держу тебя на прицеле.

— Выходи, и отдай оружие, — не то пострадают твои люди! — откликнулся, не испугавшись, предводитель всадников.

— Насрулла, у меня десятизарядный пистолет. Я уложу всех вас, если хоть волос упадет с головы одного из моих людей, — ответил Зарудный.

— И пусть тот джигит, который подкрадывается позади купола, не дразнит мою стальную собачку! Итак, Насрулла: у меня есть проездные хукмы за подписью и печатью вали Хорасана. Я покажу их, но если тебе кажется, что его рука сюда не дотянется, мой ствол послужит ее продолжением.

— Хуб! Хорошо! Покажи мне эту грамоту. Я не могу доверять тебе, так как надежный человек от посланника английской королевы передал весть о том, что ты джасус, шпион.

— Мало ли, что тебе протягивал английский бульдог! Лучше повесь свою винтовку за спину и держи руки на холке коня, чтобы я мог передать тебе хукму принца Уд-Доулэ.

— Ладно! Уберите винтовки! — приказал Насрулла своим людям.

Тогда из полутьмы купола вышел Зарудный, опустив вниз руку с маузером, и протягивая вынутую из полевой сумки грамоту. Насрулла осторожно взял ее, и стал, нахмутив брови и шевеля губами, читать по слогам. Затем, тщательно осмотрел губернаторскую печать и саму грамоту со всех сторон.

— Да, это, кажется, подлинная хукма, за подписью и печатью вали, я ничего не могу сказать, — он нехотя протянул бумагу обратно. — Но я имею приказание от шах-заде доставить вас к нему.

— Разве я похож на собаку шах-заде, которая бежит на его свист? — резко ответил путешественник.

Прищурившись, он бросил взгляд на явно монго-

лоидные черты всадников и их предводителя.

— Разве вы, кочевые чор-аймаки, бежите на зов всякого, чей окрик показался вам достаточно грозен?

— Мы не просто чор-аймаки, — мы теймури, сахеб, — подчеркнул, со сдержанной гордостью, предводитель всадников.

— Значит, некогда вы не уstraшили даже самого Тамерлана! И только святой сейид, потомок Пророка, что укрыл вас в своей палатке, спас ваших предков от поголовного истребления!

— Да, это так — мы почитаем этого сейида прародителем.

— Но, знай, Насрулла, что нас, русских, Тамерлан также не испугал: он сам не решился идти в наши земли! И ты хочешь, чтобы я, получив хукму из рук самого шахского наместника, покорился приказаниям его подчиненного? Так не поступают мужчины, имеющие гордость!

— Да, ты прав, сахеб, — согласился начальник всадников. — Но, скажи теперь, когда мы договорились, неужели ты и вправду рассчитывал один справиться со всеми моими людьми? — возможно, он еще надеялся, что Зарудный передумает и согласиться поехать к шах-заде.

— У меня хороший пистолет, Насрулла. — мягко сказал Зарудный.

— Видишь, тот камешек? — он указал на красноватую гальку, увенчивавшую горку щебня шагах в двухстах от них. Быстро переставив планку прицела, Николай положил маузер на сгиб локтя, прищурился и, через секунду мягко надавил на спуск. Пистолет подпрыгнул и, красный камешек с визгом улетел с вершины горки. Всадники, похоже, еще не видели подобной стрельбы из пистолета. Однако, они не подали вида, что поражены.

— Счастливого пути, сахеб! — Наклонив голову, Насрулла дал знак своим людям поворачивать коней.
— Иншалла, все в его руках — и тебе доброй дороги, Насрулла!

Когда пелена пыли скрыла всадников, скачущих в обратном направлении, Зарудный обернулся к своим спутникам.

— Чор-аймаки все-таки очень вежливый народ: вначале спрашивают, а только потом стреляют. Между прочим, господа — никто из вас не сходит, для разминки, за водой? Ведерко осталось на середине лестницы, не облейтесь. — Александров кивнул, и отправился в аб-амбар.

— Насрулла — прямой потомок того самого сейида ата-теймури, сахеб, — сказал старшина червадаров.

— Я догадался об этом, Юсуф. Когда я упомянул о нем — Насрулла приосанился, — ответил Николай.

Глава 7. Свадьба по-персидски.

К вечеру караван подошел к большому персидскому селу, окруженному от набегов кочевников белой крепостной стеной. Из-за стены отчетливо доносились крики ишаков, скрип водяного колеса, и шум многоголосой толпы. Внезапно, раздались выстрелы, послышались крики. Путешественники насторожились, приведя в готовность оружие.

— Что там, черт возьми, происходит? — выругался Зарудный, которому не улыбалась стычка после долгого и утомительного пути.

— Должно быть, свадьба, сахеб! — сказал червадар Юсуф. Невесту повели в дом жениха! —

Действительно, не успел караван подойти к воротам крепости, как оттуда вывалила большая толпа

крестьян, по-праздничному, одетых. Взволнованно кричали женщины, громко перекликались мужчины. Среди толпы выделялась группа особо нарядных людей: жених с невестой, их родственники и друзья. Невесту закутывало с головы до ног светлое покрывало. Друзья торжественно несли подарок, — как выяснилось — завернутую в бумагу громадную голову русского сахара. Вокруг толпой шли музыканты: кто играл на зурне, кто бил в бубны, кто пел высокими голосами, и толпа вторила этим звукам.

— Эйде шама мубарак! — Да будет благословен ваш праздник! — Во всю мочь крикнул Николай, и это пожелание повторили его спутники, как только живописная процессия подошла вплотную. Но, лишь после того, как они произвели залп в честь новобрачных, свадебная толпа расступилась, чтобы пропустить их в ворота селения.

Караван-сарай располагался почти в середине деревни. Туда пришлось подниматься по кривой улочке.

— Хозяин, принимай гостей! — Николай просунул голову в ворота. — Ас-салам алейкум!

— Ва алейкум ас-салам! —

заторопился толстый перс, содержатель постоялого двора, открывая проход для каравана. Животных сразу загнали во двор, развьючили и задали им корму. Затем гостеприимный хозяин показал темное, низкое помещение для ночевки.

— Конечно, это мало подходящее место для таких сахебов, как вы, однако там вполне чисто.

Но, приют не внушал доверия Зарудному. Не спеша занимать место, он зажег спичку. При слабом, дрожащем огоньке стала видна застилающая пол почерневшая солома, шевелящаяся от обилия насекомых. Александров, поторопившийся войти, так и застыл с поднятой над порогом ногой.

– Тьфу, пропади пропадом такой ночлег! Пошли искать чайхану!

Червадары остались в караван-сараяе, чтобы сторожить животных и багаж. А четверо путешественников, спустившись узкой улочкой, сразу вышли к чайхане, находящейся у самых ворот. Сняв обувь, они поднялись на помост, застланный протертым до дыр ковриком, и сели по-турецки. Чайханщик – перс с большой бородой, в вышитой тюбетейке подал им чаю, весьма слабой заварки. Зарудный поморщился, но выбора не было. Терпеливо выдуд пару чайников, они договорились с хозяином, что переночуют, заплатив несколько кран.

– Куда путь держите, почтенные сахебы? – полюбопытствовал тот, понимая, что гостям некуда торопиться.

– Идем в Сеистан. – отвечал Николай.

– Говорят, там живет много ференги, исайя-инглизи. Слышно, что они строят новую казарму для лашкеро.

– На, баба? Да что вы? – кивал Зарудный.

– А разве вы не к ним направляетесь?

– Нет.

Когда окончательно стемнело, огонь задули. Путешественники застелили одеялами глинобитные дуканы вокруг помоста, и легли спать. Большие южные звезды горели над затихшим, белым, точно призрак, кишлаком.

– Не ту ли крепость строят англичане, о которой упоминал Куропаткин? – заворочался Николай. Не получив ответа, он задремал.

Однако спать им пришлось не слишком долго. Среди ночи вдруг раздались за стеной селения стук копыт, шум и выстрелы.

– Эй, Магомед-Юсуф, ты, шакал, просватал мою

сига, наложницу, за другого! Я, Шамсутдин-хан, вождь ширзаи, накажу тебя! – орал предводитель всадников.

– Она не твоя сига, а честная девушка! – раздался со стены голос старосты селения – кедхуды. – Ищи сига среди гуляющих женщин Кермана!

– Ах ты старый бачебаз (любитель мальчиков)! Вот, подпало вашу крысиную нору! Что будешь делать? А ну, открывай ворота и отдавай мою сигу! –

Через стену селения полетели факелы. Где-то занялся огонь, закричали испуганные женщины, заплакали дети. Внезапно со стены раздались выстрелы, еще и еще, раскатившиеся громом над темной степью. Всадники сдали назад коней, испугавшись низко просвистевших, хотя и не задев их пуль.

– Эй, Шамсутдин – правда ли, что ты так грозен? – послышался голос человека, говорившего на ломаном фарси.

– Я? Да кто ты такой, осмелившийся спросить меня об этом?!

– Я – Зарудный-урус, у меня люди и винтовки. Ты слышал, как они стреляют? Я здесь принят, как гость, и не хочу, чтобы хозяевам оказывали неуважение. Сегодня ты не будешь помехой моему сну. Ты понял, Шамсутдин? Или попросить пули громче пропеть песню для твоих ушей?

– Ладно, я наведаюсь позднее. А с тобой, урус, мы еще встретимся! –

и бешено рванув поводья, главарь увлек всадников за собою в ночь. Конский топот затих вдалеке.

– Совсем распоясались кочевники, ага. – Заискивая еще сказал кедхуда. – Этот Шамсутдин, сердар белуджей-ширзаи, воистину, главный «кир стоячий» Сеистана и всего Каината!

– Амба! Пошли спать! – сказал Николай. –

Однако заснуть оказалось не так легко, путники

беспокойно ворочались, Поняв, что сна не будет, Николай решил, не тратить времени даром, а поделиться со спутниками кое-какой полезной информацией.

— Мы идем в Сеистан господа: это необычный край с древней историей. Приозерная равнина, среди которой меж нынешних селений простерлись обширные развалины городов. Имена их стерлись из людской памяти. Но среди множества его историй, меня привлекает одна, не столь уж древняя. Ей примерно шестьдесят лет.

— Наверное, она касается исследователей-европейцев? — догадался Михаил.

— Да, это были британцы, проникшие туда еще во время первой англо-афганской войны. Первый из них — лейтенант Эдвард Конолли, военный топограф. Брат того Конолли, которого позднее казнил эмир Бухарский. Этот человек был одержим идеей найти так называемый «клад Тимура».

— Что за клад? — немедленно подал голос Александров.

— Как рассказали мне наши востоковеды, речь идет о тех сокровищах, которые разыскивал Тамирлан, вторгшийся сюда со своим войском по дороге в Индию, четыреста лет тому назад. О древнем кладе он узнал, якобы, лет за двадцать до того, когда сражался здесь командиром наемников, и, в конце концов, еле спасся, поссорившись с одним из правителей. Сокровища принадлежали едва ли не последнему персидскому царю Дарию, побежденному Александром Македонским. Царь заблаговременно послал по вероятным направлениям своего отступления караваны с сокровищами. Но во время бегства в Бактрию его убили, и сокровища исчезли: были спрятаны. На эту историю смутно намекает Фирдоуси в «Шахнамэ». Тимур брал город за городом, но сокровищ не находил, и в ярости при-

казывал все разрушить. Так, кажется, ничего и не нашел.

— А Конолли хотел его превзойти?

— Вопреки здравому смыслу, он верил в то, что среди этих сокровищ должен быть Святой Грааль, чаша, куда была собрана кровь Иисуса после казни. Откуда черпал он такую уверенность, бог его знает. Однако он вел расспросы, которые насторожили местного правителя, и, в конце-концов ему пришлось бежать, не закончив съемку. Но в том же году он погиб при штурме крепости Газни. А следующим пришел сюда доктор Форбс, с севера, со стороны Герата. Видимо, он также имел неосторожность спрашивать о чем-то местных князьков, ревниво относящихся к древним тайнам своего края. Он был ранен выстрелом в спину одним из белуджских вождей, а затем зарублен.

— Видимо англичане в то время получили какую-то информацию об этих сокровищах. Однако источник ее, наверное, потерян. В ту войну британцам повезло гораздо меньше, чем хивинскому отряду Перовского. Наши, потеряв много людей в буранах, возвратились в Оренбург. А из всей двадцатитысячной Кабульской колонны, отступавшей в Индию, лишь одному человеку удалось прорваться к своим через Хайберское ущелье! Возможно, какой-то свет на эту историю мог бы пролить Виткович, бывший тогда нашим посланцем в Кабуле, — если бы не его зловещая смерть, и таинственное исчезновение всех бумаг.

— А клад так и не найден?

— Да. Когда, после захвата нами Коканда, всплыл в Пешаваре Аму-Дарьинский клад, решили, что это и есть, наконец, то самое сокровище. Однако выяснилось, что он состоит из вещей эллинистического периода, который, как известно, наступил после завоеваний Александра. Повидимому, это содержимое сокровищ-

ницы одного из знаменитых бактрийских храмов, о которых упоминали античные писатели. Так что, молва о «кладе Тимура» по-прежнему будоражит умы как обывателей, так и обитателей ученых кабинетов. Однако давайте все же спать, господа!

На этот раз уже через пару минут, действительно, раздался дружный храп «господ».

Глава 8.

Орлы Сеистана.

Орел-ягнятник распростер крылья в бирюзовом небе. Он заметил движущуюся цепочку людей и животных. Они направлялись на юго-восток.

— Кажется, дошли, Николай Алексеич. — Александр указал вперед. За холмами простиралась равнина. На ней блестели голубые разливы озер, желтели обширные пространства камышей, золотились поля пшеницы. Среди них темнели пятна поселений, и кое-где поднимались карандашики сторожевых башен.

— Да, это Сеистан. Страна Рустама, господа! — Зарудный воодушевленно взмахнул рукой. — Разлив реки Гильменд, наподобие Арала. Озеро Хамун по-персидски значит — «Разлив». Некогда здесь раздавались воинственные кличи, звенели клинки и свистали стрелы, и звуки их донесли сквозь тысячи лет вдохновенные строки перса Фирдоуси!

— Все события «Шахнамэ» произошли здесь? — удивился Гермс. —

— Нет. Но Сеистан — родной край легендарного иранского богатыря. В древнем городке Заболе был дом рустамова отца, Золя Достана, белоголового как норманн, и оттого чуждого знатым персам. И здесь схватились в роковой битве два главных героя иранцев — Рустам и царевич Исфандияр.

— Предания кочевников-саков дали жизнь легендам о Рустаме. Сеистан, Сакастена — «страна саков». Две тысячи лет тому назад прорвались они из Средней Азии. Так пишет востоковед Бартольд.

— Там, над озером, что за гора? — спрашивает Зарудный у проводника.

— Кух-и-Ходжа. — отвечает смуглолицый Юсуф, старшина червадаров.

— Вот оно! Знаменитая Кух-и-Зур, «Гора Силы», Камень Рустама! А до нее ведь далеко, должно быть! Главная здешняя гора, господа, хотя в этом гранитном останце, всего сажень шестьдесят вышины.

— Что на той стороне Нейриза? Развалины? А, Юсуф? — Он поворачивается уже налево, поднося к глазам бинокль:

— Был тут очень древний город Баренг. Теперь там никто не живет.

— Странно, — заинтригованный Николай не сразу оторвался от бинокля.

— Мне кажется, что меж развалин заметны свежие работы. Я видел что-то напоминающее стены укрепления. Надо бы взглянуть поближе. Михаил!

— Да, Николай Алексеевич, — оборачивается Гермс.

— Стоит посмотреть: что такое строят возле главной переправы в Сеистан. И кто это делает. Ведите сами караван. А я съезжк туда, поохочусь, так сказать. Догоню на стоянке.

Зарудный оставил винтовку Михаилу, а сам взял дробовик, «тулку» 20-го калибра. Отделившись от отряда, он поехал на муле к видневшемуся на берегу пастушьему кочевью. Становище состояло из нескольких циночных шалашей-гасиров, полуцилиндрической формы. Их нищих обитателей, словно в насмешку, зовут мальдарами, что значит «богачи». Если, ко-

нечно, забыть, что скот — вправду, главное, по здешним понятиям, богатство.

— Салям! — поздоровался Николай с вышедшим навстречу худощавым хозяином шалаша.

— Хочу поохотиться в камышах на птиц. Есть ли лодка?

— Бале! Да! Вот тютюн! — мальдар показывает на лежащий близ шалашей плот, или камышовую лодку. Дно ее состоит из трех, слегка подгнивших плотных связок камыша-чекана. «Борта» образованы двумя короткими связками.

— Не маловат ли плотик? — с некоторым сомнением смотрит на это сооружение Николай.

— Нет, ты что! — смуглый почти дочерна мальдар показывает пальцем на Николая, затем на себя.

— Двое сядут, выдержит! —

— Сколько возьмешь?

— Э... Восемь кран, — обладатель сногшибательного плавсредства хитро глядит на Николая. Есть в этом прищуре извозчичья хитреца, хоть и запрашивает он всего-то шестнадцать копеек.

— Хуб. Хорошо. — Николай протягивает монетки; тютюнчи стягивает свой плот к воде, вооружается длинным шестом.

— Эй, заифе! Слабая! Иди, покарауль скотину! — кричит он в гасир. Оттуда вылезает женщина, прикрывая лицо рукавом: жена мальдара. Она берет мула под узцы и ведет в загон.

Николай присоединяется к лодочнику. Они отталиваются от берега и, тютюн, раздвигая тупым носом камыши, движется по озеру.

— Нейриз. — обводит тютюнчи рукой бескрайние колыхающиеся под ветром желтые камыши. Плотик подрагивает под ногами охотников. Но охотиться среди многолетних зарослей трудно.

— Плыви туда, поохочусь на берегу. — Николай указывает на виднеющийся обрыв.

Глинистый обрыв почти отвесно нависает над узенькой полоской суши. Они пристают к берегу. Высадившись, Николай осматривается: где подняться наверх? Внезапный шум над головой заставляет метнуться в сторону — и вовремя! Кусок галечного карниза обрушивается с грохотом на то место, где он только что стоял. Туча пыли рассеивается, но Зарудный еще долго отплеивается и отряхивает песок с волос и одежды.

Однако происшествие вовсе не расхолаживает его, а наоборот, подзадоривает. Закинув дробовик, он быстро карабкается наверх.

Сверху открывается весь Нейриз, желтый от камышей. Заодно, понятна и причина обвала, едва не ставшего роковым для Николая: черные глубокие трещины идут в земле параллельно обрыву. Достаточно сунуть палку, и нажать, как следует. Однако вокруг не видно никого, кто бы это мог сделать.

Развалины подступают почти к самому краю. Может быть, там кто-нибудь скрылся? Николай углубляется в лабиринт разрушенных глинобитных стен. От них исходит жар: солнце пригревает не по-весеннему.

Внезапно, развалины расступаются. Среди широкой расчищенной площадки возвышаются мощные, приземистые стены небольшой крепости. Зарудный подходит ближе и осматривается. Летняя резиденция правителя? Не похоже. Эта крепость — явно дело рук европейских инженеров. Прямо у его ног проходит глубокий ров. Он профессионально оценивает качество работ. Точно рассчитанными при помощи теодолита углами изломана линия рва и вала с аппаратами для наката орудий. Но гнетущая тишина царит над новым фортом. Кому он принадлежит? Николай захо-

дит в ворота. Внутри – ровное пространство. Лишь канавками намечены места погребов и казарм.

Что заставило забросить строительство? Он догадывается: бурская война. Велик соблазн – взглянуть на постройку со стены, – но, наверно будешь как на ладони. Опасно. Выйдя наружу, Николай обходит крепость по периметру. На листке блокнота быстро возникает шестигранник форта. С двух сторон руины пересекает нитка дороги.

– Почему же крепость стоит на отшибе, не господствуя над территорией? Она прикрывает подступы к Сеистану, причем, со стороны Персии? Тогда ясен ответ: для кого и чего она предназначалась. Но сразу еще вопрос – одна ли она в Сеистане? Она относительно невелика. Но, ведь в степи нужна линия фортов, или укрепленный район. Если так – сколько же войск планировалось разместить?

Внимание Николая привлекает в стороне едва выступающий над землей длинный свод какого-то подземного сооружения. Туда ведет темная прямоугольная дыра с поверхности. Не водохранилище ли это для снабжения крепости пресной водой? Вполне возможно. Но почему оно расположено снаружи нее, и в низинке, откуда не подашь воду самотеком? Он подходит: внутрь ведут ступени, наподобие спуска в абамбар. Николай достает из кармана огарок свечи, зажигает его и спускается вниз. В темноту уходит приплюснутый свод обширного подземного бассейна. Его дно покрыто толстым водонепроницаемым слоем глины, а свод – кирпичный. Для прочности его подпирают два ряда пилонов. В эту гигантскую цистерну вложена уйма работы. Вода в Нейзаре, конечно, солоноватая, но неподалеку должны быть речки, или колодцы, питаемые стоком с гор Каина. Глупо строить крепость в безводном месте.

Под сводом он замечает колодезное отверстие: однако оно кажется ему слишком маленьким – около фута в диаметре. Может быть, сюда предполагается спустить трубу насоса, чтобы качать воду помпой?

Николай вылезает наружу. Однако едва он появляется наверху, как из развалин гремит выстрел, и пуля жужжит над самым ухом. Зарудный падает на колено, маузер сам прыгает ему в руку, и он посылает две пули в ответ на одну. Ни звука не доносится из развалин. Не почудилось ли все это? Затем, из глубины руин взлетают несколько ворон. Кто-то быстро убегает через развалины. Похоже, неизвестный стрелок не рискует связываться с хорошо вооруженным пришельцем. Или он хотел лишь пугнуть его на первый раз? Николай отступает к обрыву, не теряя из виду развалины.

Быстро спускается вниз, и камешки с предательским шорохом выскальзывают из-под ног.

Зарудный забирается в тютюн, командуя испуганному лодочнику:

– Плыдем обратно!

К ночи он добирается до селения, где давно раскинули лагерь его спутники. Здесь, у костра его ждет сытный ужин.

– Ну, что-то обнаружили, Николай Алексеевич? – любопытствует Гермс. – Нашел целый земляной форт, правда, недостроенный. Он охраняет большую подземную цистерну, из которой можно разом напоить целую дивизию. Думаю, дело заброшено на время войны в Южной Африке. Затем вернутся, закончат стройку, поставят войска. Полагаю – сипаев. – Англичане? Территория-то персидская.

– Да ну? В стране – бардак. На юге – мятеж. Есть шанс прибрать к рукам житницу, которой является Сеистан – продовольственная база. Только глупец от этого откажется. Думаю, мы найдем еще несколько

укреплений. Гарнизон этой крепости был бы маловат для удержания всей области.

— Вы полагаете, хотят снабжать отсюда вечно голодную Индию?

— Не уверен, что этим идея ограничивается. Кстати, выяснилось, что за нами уже охотятся. Будем осмотрительнее. Но, давайте спать: утро вечера мудренее.

Глава 9.

Разведчик Виткович.

Кругом равнина, среди нее белеют селения. На западе, за желтыми камышами Нейриза, синее горная гряда Каина.

К полудню пришли в городок из глинобитных домов, окруженных пышными садами. Это Нусретабад, ставка сердара. Процветание ему приносят воды большого арыка. Серой громадиной поднимаются стены крепости. Зарудный кивает на них:

— Персы забрали Сеистан у афганцев треть века тому назад. «Под шумок» наших пушек, грохотавших у стен Ташкента. И соорудили тут свою цитадель.

Отряд подошел к одному из крайних домов, окруженному садом.

— Салам-алейкум! — поздоровался Николай с хозяином, персом — переселенцем. Более светлая кожа отливала его от смуглых белуджей.

— Хош амадад! — ответил тот приветливо.

Хозяина звали Кизим, и он охотно пригласил путников расположиться у него, в гостевой комнате. Те сходили на базар, за провизией. Вечером Зарудный и Гермс сели под абрикосовым деревом и сразились в «винт». Карточная игра перешла в достаточно откровенную беседу. Этому способствовала и припасенная заветная бутылочка «Смирновки».

— Чем мы здесь занимаемся, Николай Алексеевич? Исследованиями или разведкой?

— Да, и тем, и другим, Михаил. — Зарудный сдавал карту. — Все занимаемся «большой игрой». Каждая нация стремится утвердить свои интересы за рубежами. Англичане сели за этот табльдот раньше нас. Но и у нас Пржевальский был не первый: Карелин плавал к туркменам за полвека до штурма Геок-Тепе.

— И все же, сколько сил и средств приходится затрачивать для того, чтобы влезть в мелкие интриги местных князьков!

— Отнюдь! Откуда «растут уши» ферганских мятежей? Накопившееся народное недовольство, словно перестойный лес, поджигают извне. Из уделов «князьков». Наши руки связаны мятежом, и мы ничем не можем обуздать колониальные аппетиты англичан. И они шуруют себе, где-нибудь в бассейне Янцзы или в Сеистане, не оглядываясь на Белого царя. Но мы не лаптем щи хлебаем, и узнав, что такие действия имели место, получаем моральное право — поступить аналогично. И, в следующий раз наши недоброжелатели зарекутся от подобных гадостей. Был, говорят, ба-альшой «размен»: Кавказ, охваченный огнем во время Крымской войны — и, словно в отместку вспыхнувшее, «Сипайское восстание» в Индии! После того пришлось снизить накал страстей.

— Однако, это не игра! Тайная война, без скидок. Подстрекатели мятежей. Выстрелы из-за угла!

— Наめкаешь на вчерашнее? Так это только напугать хотели! — закончив партию выигрышем, Николай был доволен.

— Для меня своего рода классической представляется история храброго Виткевича. Точнее, был он Виткович, потому что родом что поляк, а серб. Эта история близка мне, ибо о нем я слышал еще в Оренбур-

ге, где он искупал участие в польском мятеже. Став исследователем Востока, он дважды ездил в Бухару, потом был резидентом в Кабуле. Там пользовался большим весом. Это было в 1838 году, при Дост-Мохамед-хане – том самом, что просил Николая I о подданстве – улавливаешь? Пишут, что вокруг Витковича англичане организовали интриги, фабрикацию подложных писем, подкупили эмирское окружение. И, в конце концов, якобы его поставили в такое положение, что он уничтожил свои бумаги и, пустил пулю в лоб. А вслед за этим последовало британское вторжение в Афганистан. Все, кроме последнего, – официальные враки.

– На самом деле, Витковича отозвали, и едва ли не от испуга наших властей от его удачи. Он вернулся с замечательными картами, словарями, документами. Приехал в Петербург, вызванный к самому государю для доклада. Но накануне приема был найден убитым в гостинице, а документы его исчезли. Не сам с собой покончил – его устранили англичане, подкупив, каких-то русских негодяев. С ним посчитались за то, что он выжил из Кабула британского резидента Александра Бернса – того, что позднее, во время войны, убили афганцы. И англичане завладели бумагами Витковича.

– Но им отплатили за это. Спустя два года, при дворе бухарского эмира, Насрулла-хана, появилось наше посольство майора Бутенева. Англичане, в противовес, послали полковника Стоддарда и с ним Александра Конноли, брата того, что впервые проник в Сеистан. Но тут подкуп им не удался. И они, не смотря на ходатайства турецкого султана и шерифа Мекки, были казнены на Регистане, главной площади Бухары. И так последовал расчет за Витковича, хотя нигде гласно об этом не упоминается. Тогда мы боро-

лись за Бухару. Нынче соперничаем за Персию. То было крутое время, и люди – железные. Я восхищаюсь ими, – он разлил оставшуюся водку.

– Давайте, выпьем, друзья, за доблесть храбрых первопроходцев – ибо это лучшие люди. И за возмездие подлецам, ударяющим их в спину!

Глава 10.

У сердара.

Утром Николая разбудил истошный рев ишака. Он выбрался из мазанки, где они провели ночь, в сад, и, щурясь, огляделся. У его ног, журча, бежал арык. Он наклонился, забрал горстью мутноватой воды, умыл лицо и вытерся застиранным рушником. Заглянул внутрь темной и низкой горницы:

– Гермс, Аджи! Поднимайтесь скорее – сегодня идем к сердару.

– Эх, зачем меня мать родила! – донесся изнутри голос Александрова, которому полагалось встать и с утра накормить всех людей. После вчерашнего подниматься никому не хотелось. Однако, Михаил с обычной педантичностью проделал мюллеровскую гимнастику и перебрал фотопринадлежности. Александров, ворча, принялся готовить завтрак.

По дороге в крепость путь русским перешла пара горбатых тощих коров-зебу. Нусретабад сам по себе ничем не отличался от большого кишлака. Лишь крепость – мощнейшая на востоке Персии – выделяла его.

Четырехсаженные глинобитные валы с башнями окружал водяной ров. Увидев, что неприступная крепость потрясла Михаила, Зарудный тут же подпортил произведенный эффект:

– Крепость рассчитана на ведение ружейного огня, только на угловых бастионах есть орудийные амбра-

зуры. С современной точки зрения, имеет множество уязвимых мест. Против вропейски выученных частей устоит недолго.

Створки ворот, окованных железными полосами и утыканных снаружи гвоздями, были полуоткрыты. Возле них переминался часовой со старой курковой винтовкой. Они прошествовали мимо него по пыльному плацу, окруженному складскими постройками, магазинами и казармами. В противоположном его углу, в пристроенной к валу цитадели, находилась резиденция сердара.

Несколько солдат-сарбазов в длинных рубахах и чалмах, слонялись по двору. Под навесом у стены стояли четыре заржавевших пушки на растрескавшихся лафетах и мортира на станке. Сотня ядер были сложены в кучу.

— Маловато у них артиллерии, — заметил Михаил.

— А зачем она здесь? Тут же арыки везде, к тому же обвалованные из-за того, что местность низменная. По хлипким мосточкам орудия не провезешь: надо спуски разрабатывать. Сюда хоть дорога проведена, а дальше, в дельте Гильменда может пройти только пехота, да еще, конница, если ног лошадиных не жалко.

Часовой у дверей цитадели пропустил визитеров, крикнув внутрь. Там их перенял гулям — темнокожий раб-телохранитель с саблей на боку.

— Сердар не может принять вас сейчас. У него гость. Подождите, я спрошу разрешения, —

— И, повернувшись, он исчез за внутренней дверью. Пришедшие остались в небольшой комнате. Как только резная створка за гулямом затворилась, Зарудный повел себя совершенно неблагородно. Он подкрался к двери, и приложил к ней ухо. Впрочем, то, что он услышал, извиняло подобное любопытство. До него ясно долетел приглушенный закрытой дверью резкий

голос европейца, говорившего на отвратительном фарси:

— Ваше превосходительство, мне стало известно, что в Тегеране намерены подрезать крылья бирджендскому вали, правителю Каината и вашему родственнику, за спиной которого вы чувствовали себя уверенно. Включая ваши «шалости» с содержанием шахского войска: Тегеран дает денег на тысячу солдат, а их в наличии — менее половины, и в чей карман оседает жалование остальных известно многим. Доходят сведения, что здесь собираются учредить таможенно во главе с европейцем, и делам вашим с откупщиком придет конец. Британцы же, как вы знаете, вас поддерживают, и сейчас могут быть вам весьма полезны. В свою очередь, я просил бы о небольшой услуге. Необходимо ограничить возможные передвижения приехавшего сюда русского агента Зарудни. В особенности нежелательно допускать его в низовья Гильменда — по известным нам с вами причинам. Есть веские подозрения, что он может подготовить взрыв нашего сооружения. В Баренге он уже побывал, подчеркнул гость.

Ответ сердара Николай не услышал, потому что уловив негромкие шаги возвращающегося гуляма, он, моментально отскочил на середину комнаты, и принялся разглядывать ее стены с весьма независимым видом. Дверь распахнулась, и, вышедший гулям объявил:

— Его превосходительство, Мир-Масум-хан примет вас через пять минут!

Через минутииз двери вышел европеец в песочного цвета френче, и, холодно взглянув на русских, прошел наружу. Поскольку гулям медлил с приглашением, Николай догадался, что цель этого — показать русским значительность фигуры сердара. Широко улыбнувшись, он резко шагнул к дверям и только когда ока-

зался в приемной услышал за спиной растерянное: «Вас просят пройти!».

На складном индийском кресле в красном углу залы сидел средних лет перс в английском френче и чалме вместо обыкновенной каракулевой шапки-кулаха. При виде русского, вошедшего преждевременно, брови его слегка нахмурились, он намеревался что-то сказать. Но сдержал себя, и только жестом предложил гостю присесть в такое же кресло, стоящее напротив.

— Салям алейкум, Мир-Масум-хан сердар! — поздоровался, садясь, Николай. — Я русский путешественник Зарудный. Вот мои хукмы от вали Хоросана, удостоверяющие право на поездки по всей стране.

Сердар озадачено заморгал. Он не ожидал увидеть у русского таких бумаг, и думал, что перед ним предстанет простой европейский авантюрист, которому можно будет дать незатейливо от ворот поворот. Но, оказалось, сделать это было неудобно.

— А вот лично от меня подарок вашему превосходительству: часы фирмы «Буре»! — сказал Николай, протянув сердару серебристую луковицу. Невольно, лицо хана озарила довольная ухмылка, он протянул руку за подарком. Затем, правда, ухмылка сползла, и он озадаченно почесал бороду.

— Зарудни-ага, вы, разумеется, можете ездить по моей провинции, согласно хукме его превосходительства Руки-уд-Доулэ, да продлятся его дни. Но, обстановка сейчас тревожная, провинция пограничная. Поэтому, я прошу вас воздержаться от поездок в населенные белуджами низовья реки Гильменд. Иначе — я говорю вполне серьезно, — у вас могут возникнуть трудности с наймом верблюдов и приобретением припасов на дальнейший путь.

— Ну, я понимаю все трудности положения вашего превосходительства и постараюсь не слишком долго

злоупотреблять вашим гостеприимством, — ответил, слегка усмехнувшись Николай:

— Я прошу только немного удовлетворить мою любознательность путешественника: что сооружено в Баренге?

— В Баренге? — хан слегка опешил от заданного в лоб вопроса.

— Там... Таможня его величества, шаха.

— Тогда понятно, — кивнул Николай, с выражением безоговорочного доверия на лице. — Я лишь хотел узнать, не ведутся ли подобные работы еще где-либо?

— Нет, — быстро сказал сердар. Поспешность ответа только подтвердила подозрения Зарудного. Слегка озлившись, сердар добавил:

— Это важные вопросы правительства его шахского величества. Я не советовал бы слишком глубоко вникать в них. Мне уже доложили, что вы успели побывать в Баренге. Еще раз предостерегаю от излишнего любопытства — оно может вам причинить лишние неприятности!

— Понятно, — ответил Николай. — Только должен, впрочем, сказать, что и сам стреляю неплохо. Но, разрешите же мне откланяться, дабы не тратить вашего драгоценного времени.

— Бале. Да, конечно, — хан приподнялся со своего кресла со вздохом, не скрывающим облегчения.

Покинув резиденцию сердара, Николай вышел на улицу.

— Нас не очень-то рады здесь видеть, — заметил сопровождавший его Гермс.

— Ничего, привыкнут, — спокойно отвечал Николай, обмахнувшись фуражкой и окинул взглядом пыльно-голубое небо.

— А денек-то будет жаркий! наших «друзей» — англичан надо благодарить за такую встречу. Прячут они

что-то здесь: может быть, еще какую-нибудь новенькую крепость? Давай-ка прогуляемся, до околицы — ты не возражаешь? В той стороне, кажется, у них миссия находится. Мне наш домохозяин доложил.

Выйдя из крепости, они зашагали неторопливой походкой вдоль пыльной улицы, ограниченной с одной стороны журчащим арыком. Навстречу попадались то белуджи в голубых чалмах и длинных рубашках, то персы, то носатые афганцы в длиннополых жилетках. Окраина оказалась недалеко. Оттуда можно было хорошо разглядеть стоящие посреди равнины новенькие двухэтажные здания англо-индийского типа. Среди них, немного нарушая гармонию, поднимался невысокий минарет.

— Может быть, подойдем? — русские шли не торопясь, сунув руки в карманы. Было видно, что за высоким дувалом, окружающим ближайшее строение, исчезают провода подходящей с юга телеграфной линии.

— Телеграфная станция, — промолвил Николай. — Линия проведена из британского Белуджистана.

В это время поднявшийся пыльный ветер швырнул к ногам Зарудного выброшенный кем-то почтовый конверт. Он ловко наступает на конверт сапогом, и, подняв его, читает адрес, медленно переводя с английского языка:

— «Сеистан-Каинат, Тренч-Абад, мистеру...» — ну, и где здесь сказано, что это Персия, а не часть англо-индийской империи? — задает он риторический вопрос своему спутнику.

В это время с минарета раздается призыв муэдзина на молитву.

— Не зайти ли нам в мечеть? — предлагает Зарудный. Втроем, вместе с нагнавшим их Аджи, они входят в большую новую мечеть. Сняв обувь, тихо присоединяются к мусульманам, собравшимся в молитвен-

ном зале. В большинстве своем молящиеся хорошо одеты по местным меркам: это служащие миссии и телеграфной компании. Они косятся на европейцев, но ничего не говорят. Под куполом разносится хорошо поставленный голос муллы, читающего проповедь:

— Да прославится благочестие исаи-инглизи, опекающих всех мусульман! Воистину, они употребляют свои богатства на праведные дела. Хочу сказать, что кярпердази эввель — главный консул инглизи, — друг всех мусульман. И да пребудет над ним благословение Аллаха!

— Аллаху-акбар! — отвечали молящиеся.

— И далее, помолимся же за наших братьев — мусульман, страдающих под гнетом урусов в Коканде, Бухаре и Мерве! Они подвергаются гонениям, от них требуют переменить веру, у них отбирают все имущество и силой изгоняют с их земель. Воистину, они несчастнейшие из людей, да смилостивится над ними Аллах!

— Аллаху-акбар!

— Это он при нас, мне кажется, старается выслужиться перед англичанами! — прошептал Гермс на ухо Николаю.

— Ну, так пойдем — зачем зря ахиною выслушивать! — и, пожав плечами, он первый направился к выходу.

На улице, со стороны главного здания миссии, к ним подошел сипай в форме британских колониальных войск.

— Прошу прощения, господи — вы откуда?

— Мы — русские путешественники, — ответили они. У сипая, кажется, отпала нижняя челюсть: возможно, он предположил, что на подходе войска Туркестанского округа.

— Пять минут спустя они уже выходили из Тренч-Абада.

– Ну, как – здорово они устроились? – спросил Зарудный Гермса по пути.

– Да уж, одно слово – сеттльмент! Как у себя дома.

Между тем, ветер, похоже, усиливался. Он гнал пыльные тучи по улицам, заставляя людей прятаться по домам.

Глава 11.

Следы завоевателя.

Русские вышли из Нусретабада. С ними шли двое червадаров с ишаками. Животные резво семенили по убитой дороге на север. Местами глинистая равнина была заботливо возделана, хотя, урожай пшеницы, и опийного мака – главных здешних богатств, уже сняли. Но между плодородных участков шли пустоши, покрытые бугристыми песками.

– Чем дальше, тем жарче! – вытирая потный лоб, пожаловался Сергей.

– Так ведь это в России – весна, а здесь-то уже лето началось! – отвечал Николай.

Сделали привал. Вдруг, издалека послышался конский топот. Приподнявшись, Зарудный увидел нескольких всадников, окутанных тучей пыли. На всякий случай, путешественники приготовили оружие. Подскакав, передний всадник выпалил из ружья в воздух. Но, увидев, что это не произвело впечатления, опустил его, и дождался приближения остальных. Главарь, белудж свирепого вида, подъехал и зарычал:

– Кто из вас урус Зарудни?

– Это я. – Николай выступил ему навстречу, небрежно зажав винтовку под мышкой.

– Я Шамсутдин, ты узнаешь меня? Вот мы и встречались! Испугался? – осклабился вновь прибывший.

– Как я могу узнать человека, который кричал из темноты, точно ночная сова у отхожего места? Что тебе нужно? – Николай только подкинул на локте винтовку. Видя презрение на лице русского, предводитель всадников слегка растерялся.

– Меня послал к тебе Мир-Масум-хан. – пробормотал он. – Сердар напоминает, что если ты нарушишь запрет идти в низовья, он накажет тебя. Мы знаем, что ты разыскиваешь, поэтому будем следить за тобой! У нас всюду свои люди, – с этими словами всадник тронул коня, и его лашкеры последовали за ним. Всадники перескочили небольшой арык, и с топотом исчезли в поднявшейся пыли.

– Ведь могут напакастить! – Николай раздосадованно швырнул винтовку на выюки.

– Что же делать? – он сел смотреть карту. – К северо-востоку обозначены развалины древнего города. Пойдем туда. Там за нами сложнее уследить. Разделимся и попытаемся проскользнуть незамеченными.

Серо-желтая полоса развалин видна издалека, и протянулась на необозримое пространство. Какой-то мальдар пас неподалеку зебу.

– Как называются эти развалины, ата? – спросил его Зарудный.

– Шар-и-Захедун, город Захедун. Они далеко тянутся, на много фарсахов, до руин города Пишаверуна, что на афганской стороне. Говорят, в прежние времена козы ходили туда по крышам, ни разу не спускаясь на землю!

– Как же погиб столь великий город?

– Садись, расскажу, – пригласил пастух. – Его разрушили воины Тимурленга. И вот как это произошло:

– Когда великий завоеватель пришел сюда, и увидел величие и богатство Захедуна, он решил, что в го-

роде скрыты огромные сокровища, и осадил его. Но долго не мог его взять, потому что подземный канал снабжал город водой и рыбой. Так продолжалось, пока дочь сердара не увидела Тимура и, не влюбилась в него. Она поведала в секретном послании Тимуру тайну живучести города: «сыпь в воду зерно и смотри, где течение увлечет его под землю». Тимур так и поступил. Он перегородил канал дамбой, остатки которой видны с другой стороны, и взял город измором. Но когда он ворвался внутрь, то приказал убить влюбленную в него девушку за то, что, отказавшись указать, где спрятаны сокровища, — пастух перевел дыхание.

— Хуб! — вознаградив его, за рассказ, Николай сделал знак двигаться.

— Вы верите в то, что рассказал пастух? — спросил Михаил.

— Скорее, был не один, а несколько разновременных городов. Вспомните огромные холмы мертвого домонгольского города рядом с Самаркандом! Это азиатская практика — переносить город на новое место. Однако то, что разрушитель Тимур — вполне вероятно.

Они вошли в разрушенный город. Казалось, развалинам не будет конца! Груды жженого кирпича; обвалившиеся глинобитные дома, многие из них были некогда двухэтажными; россыпи битой керамики и кучи осколков глазированного стекла. Все, казалось, вопиет об испепеляющем насилии! Даже скепсис николая поколебался. На поверхности голубела глазурь тимуридской эпохи. Значит, город действительно погиб в те времена. Сгусток тайны клубился над руинами, мерцающей дымкой окутывая изломы обрушенных стен.

— Как могла рука подняться на такой город! —

— Да, очень запросто! Ломать — не строить.

Вечером, на древней площади стали на ночевку,

— Николай Алексеич, может быть, поищем «Тимуров клад»? — нетерпеливо предлагают азартные соратники, коротая время у костра.

— Где? Завоеватель растоптал город. Вряд ли нашел сокровища: что его еще больше обозлило. Примите так же во внимание, что Конноли, располагавший некоей информацией, работал южнее. Случайно ли? И доктор Форбс также стремился на юг Сеистана. Возможно, что во время Александра Македонского, к которому относят клад, здесь еще плескалось озеро. Если, конечно, теория об усыхании Центральной Азии верна.

— Как незаметно разведать район, в который нас не хотят пускать? Что от нас хотят скрыть в окрестностях старой Гильмендской плотины? Вот над чем следует задуматься. Без проводника попасть туда невозможно — а, где его взять, не опасаясь предательства? Но на следующее утро удача сама пришла на выручку Зарудному. Прямоком из развалин, к стану путешественников, выбежал полуголый мальдар. Он чуть ли не в ноги упал Николаю:

— Помогите, сахеп — вы один последняя моя надежда! Даже муштегид, правозаконник, мне отказал!

Глава 12.

Пятка Шамсутдин-хана.

Крестьянин говорил так быстро, что Николай не понимал и половины сказанного.

— Говори медленнее, четче! Кого там захватили, толком скажи! Аджи, помоги перевести!

Азербайджанец приходит на помощь. Выясняется,

что Шамсутдин-хан, сердар белуджей-ширзаи, которому был отдан на откуп сбор налогов, забрал дочь мальдара в счет недоимки.

— Он сделает ее своей наложницей-сига, и никто не возьмет ее замуж! — причитал несчастный отец.

— Значит, опять отличился наш знакомец, Шамсутдин? Экие у него аппетиты! — усмехается Николай.

— Ладно! — машет он рукой. — Я освобожу его дочку: заплачу долг. Но за это пусть он отведет меня туда, куда мне нужно. Хуб?

— Хуб, хуб! — благодарно прикладывает руки к груди мальдар.

— Сергей, ты останешься с Аджи и червадарами, — обращается Николай к Александрову. — А мы, с Михаилом, сядем на ишаков, и двинемся за нашим проводником. Как тебя зовут?

— Хуршид.

— Михаил, возьми фотоаппарат и запас пластин. Винтовку не забудь: незваными гостями будем! Ну, пошли, Хуршид.

Они довольно долго пробирались пустынными развалинами. Зарудный уже стал опасаться ловушки. Наконец подошли к зарослям кур-гяза — тамариска, вечного спутника пустошей. Крестьянин повел их знакомой ему одному тропой сквозь чащу. В стороны, чуть не из под ног, разлетались птицы. Спустя пару верст на пути встретилась широкая и глубокая протока.

— Будем переправляться вплавь? — спрашивает Николай.

— Я притащу плот, — мальдар исчезает в зарослях.

Путников окутывает тишина. Но вот, через четверть часа раздался шорох, и на прогалине появились вначале сейяд — темнокожий озерный охотник, а за ним их проводник. На плечах они несли узкий тростнико-

вый плот из трех связок чекана, метра три в длину, с шестом для отталкивания. Оба запыхались: бежали всю дорогу.

— Четыре крана! — лодочник протягивает руку за платой. Николай отдает ему монеты, и тут же плот спускают на воду. Когда на него взбираются втроем мальдар, Гермс и Зарудный, то он сильно оседает. Хозяин плотика остается караулить ишаков, а мальдар отталкивается шестом от берега, и они благополучно переправляются через темную протоку. При этом шест лодочника погружается в воду наполовину. Выбравшись на берег, вытаскивают тютюн сохнуть.

— Вперед! — командует Зарудный. И они ныряют в камыши. Наконец, заросли расступаются, и впереди показывается деревня, а рядом, на холме, — небольшое укрепление.

— Это замок сердара, — шепчет мальдар. — Здесь он насилует наших женщин.

Он больше не успевает ничего добавить, как Николай, оглянувшись по сторонам, и не заметив опасности, решительным шагом направился к укреплению.

— Держи ворота под прицелом! — бросил он Михаилу.

Тишина нависла над глинобитными стенами белуджской крепости. Калитка полуоткрыта, но ее строжил вооруженный лашкер. Он замер, ошарашенный бесшумным появлением европейца с винтовкой. Зарудный многозначительно прикладывает палец к губам. В это время из глубины дома раздался приглушенный стеном женский крик. Николай поднял ствол вверх и, хлесткий выстрел раскатился эхом над укреплением. Спустя всего пару секунд из темной двери на двор выбежала молодая персиянка в разорванной рубашке, поддерживая руками спадающие без пояса шаль-

вары. За нею показался мрачный и разозленный белудж. Рука его лежала на пистолете, торчащем из-за кушака.

— Салам, Шамсутдин-хан! Ты узнаешь меня? Это я, урус Зарудный, заглянул к тебе в гости.

— Ты стреляешь в доме, пугаешь женщин. Так гости не поступают, — прорычал сердар ширзаи.

— Вай, афсус! Как жаль! — огорченно качает головой Николай. — Не хотел тебя беспокоить.

— Зачем пришел? Урусам нечего здесь делать. Скоро этим краем будут владеть инглизы: они не такие жадные, как урусы.

— Про то, где мне ходить, и что делать — не твоя забота: у меня на то есть хукма хорасанского вали. А кто из нас жадный — мы разберемся. Мне жаловались, что ты захватываешь людей, принадлежащих на земле лишь шаху, и Аллаху в небесах!

— Это кто же на меня посмел пожаловаться? —

— Отец этой девушки. Сколько он тебе задолжал? —

— Это его дочь? — Шамсутдин кивнул на прижавшуюся к стене довольно привлекательную девушку. — Тогда за нее мне положен выкуп в два тумана.

— Четыре рубля, по-нашему. Деньги не очень большие, но и не мелочь. Но за девицу — неплохая цена. У нас ведь тоже есть продажные женщины: какая — тридцатикопеешная, какая — рублевая. И дороже бывают. Но эту ты себе назначил в наложницы, не спросив у нее согласия — так ведь?

— Ну, и что? Он же мой должник.

— Так вот тебе два тумана, а деву я забираю к отцу. — Николай бросил монеты ширзаю, и тот инстинктивно поймал их на лету. Затем его лицо потемнело от злобы: во двор вышли несколько его людей — станут ли они соучастниками, или нежеланными свидетелями его позора? Возможно, лицо князька отразило его

колебания. Однако Зарудный не дал ему совершить опрометчивый поступок:

— Ребята, подайте голос! — громко крикнул он. Тут же, снаружи, раскатился винтовочный выстрел. Белудж в ярости закричал зубами.

— Думаю, ты не захочешь преломить со мной хлеб. Поэтому, разреши мне лично проводить тебя, чтобы потом никто не мог сказать, что я не уважаю гостей.

— Михаил, мы возвращаемся! — крикнул Николай.

— Понял! — раздалось снаружи.

Отправив девушку вперед, Зарудный пошел неторопливо, не оглядываясь, но ощущая спиной горящий взор белуджа. Сердар отправился следом, кликнув с собою только одного человека, правда весьма зловещего вида. Увидев, что русского сопровождает единственный вооруженный спутник, сердар пожалел, что так быстро сдался. Однако вся процессия прошла через заросли, пока не достигла переправы. Путешественники спустились на воду плот. Первыми переплыли на другой берег мальдар с дочкой и Михаил. Николай стоял лицом к ширзаюм, небрежно держа под мышкой винтовку. Затем мальдар вернулся за ним, и Николай, влезая на тютюн, повесил винтовку на спину.

— Салам, Шамсутдин! — сказал он на прощание, и лодочник оттолкнулся от берега.

— Иншалла! — откликнулся ширзаи. — На все воля Аллаха!

Когда плот был на середине протоки, на прямой линии между белуджем и вооруженным винтовкой Михаилом, ширзаи быстро вскинул свое ружье, и выстрелил. Пуля просвистела возле самого уха Зарудного, чудом не задев его. Но прежде чем белудж успел перезарядить оружие, в руках у русского оказался маузер. Он развернулся вполборота, сверкнул огонь и сердар, вскрикнув, схватился за пятку.

— Это тебе прощальный привет, Шамсутдин! Следующая — в голову! —

долетел с воды голос Николая. Ширзаи разразился бешеной руганью, потрясая кулаком, но стрелять больше не решился.

— Ты лезешь не в свои дела, урус, и тебе это не сойдет с рук! — выкрикнул он злобно, и, опершись на плечо своего подручного, хромая, исчез в зарослях.

— Да поможет тебе Аллах, храбрый урус! Ты спас нас! — поклонился Зарудному мальдар, собравшийся уже восояси, когда путешественник ухватил его за руку:

— Э, нет, Хуршид! У тебя, оказывается девичья память! Я за тебя долг заплатил — спас дочь! Теперь и ты выполни наш уговор. Веди-ка нас на север. А не то, Шамсутдина обратно позову! — припугнул он, видя нежелание мальдара.

— О, сахеб! — заныл крестьянин. — Там англизи! Они стреляют во всех, кто подходит! —

— Англизи — это интересно! Со мной можешь ничего не бояться. Мы сами, кого хошь, подстрелим! — «ободрил» его Николай.

— Хуб. Я отведу сахеба туда, где работают англизи. — сокрушенно вздохнул мальдар.

Глава 13.

В беде.

Теперь Хуршид повел их на северо-восток. Он выбрал самые заповедные тропы. Их шаги вспугивали гревшихся на солнце рогатых гадюк, а в зарослях шуршали кабаны.

— Мы пойдем за Нейзар. — сказал он.

— Но как? На тютюне? — Николай показал на плотик, навьюченный на ишаков.

— По кянгам, отмелям. Нынешней весной воды пришло мало, и отмели сохранились: почти везде можно перейти вброд, — объяснил мальдар.

Почти целый день они шли по заросшим камышами отмелям. Здесь только проводник мог выбрать верную тропу. Иногда виднелись коричневые спины и горбы зебу. Порой путь преграждали медленные, легко переходимые протоки. Лишь в одном месте открылся широкий мутный поток. Это был Гильменд.

Тут пришлось сгрузить тютюн на воду. Путники уселись на плот, и переправились, а животные переплыли следом.

По дороге подстрелили пару птиц. Выбравшись, наконец, из камышей, развели костер и поужинали дичью.

Рано утром двинулись дальше, по пустынной равнине на северо-восток. Зарудный иногда сверялся с картой. Они уже пересекли «линию Форсайта», и находились на афганской стороне. Однако никаких признаков афганской стражи, которая должна была бдительно охранять свои северные рубежи, здесь не было. Возможно, они не считали персов за серьезных соперников, или дело было в чем-то ином. А в чем — непонятно.

— Эй, смотрите, впероеди — кала! — показал мальдар небольшую возвышенность. Когда они приблизились, Николай увидел стены большой крепости. Он узнал строгую геометрию эскарпов.

— Да, это крепость приличного разера! — заметил Гермс.

— На бастионах — артплощадки. Здесь свободно разместится войсковая бригада.

Они переходили от бастиона к бастиону. —

— Что же это за крепость? Она гораздо больше ба-ренгской, кроме того, усилена предпольными укреп-

лениями. Они должны отражать атаки драгунской конницы. —

— Чьей?

— Да хотя бы наших казаков. — Николай сверился с картой. — Она стоит на прямой линии против нашей Кушкинской крепости! Цистерны здесь нет, так как имеется речка. Но что же она прикрывает, что у нее находится в тылу?

— Смотрите, дорога уходит на юго-восток.

— В район плотины?

— Похоже, — путники подходят к крепости и обходят вокруг. — Пусто — никого нет.

— Давай-ка, фотографируй Михаил!

— Кто это?! — внезапно, на одном из бастионов возникает темное пятно — Кажется, это чья-то голова?

— Англичанин?

— Нет, это была чалма! Наверное, афганец или бедуин.

— Откуда он тут взялся? — они бросаются вперед, вопреки предостерегающим крикам проводника. Внутрь крепости шаром покати. Однако, на земле сохранились ровики и ямки от палаточных колышков, валяются пустые гильзы и всякая дребедень. Здесь явно был разбит лагерь воинской части.

— Не меньше батальона тут размещалось. Довольно долго стояли. И наши об этом не ведали ни сном, ни духом. Гильзы английские, везде порядок: наверняка, колониальные части.

— Да, и если чужой подходил — стреляли! — добавляет Хуршид.

— Куда же делся человек, которого мы видели? Он не мог всем померещиться. Ладно, быстрее фотографируем и уходим.

— Сеистан в настоящем кольце фортов! Но для чего британцам здесь целый укрепленный район? Ведь это

распыляет силы. Им бы прикрыть кандагарское направление, Боланский проход в Индию?

— Ну, это на тот случай мы реанимируем бредовые планы Павла I: о захвате Индии. То, о чем пишут англичане в своих колониальных газетах, но чего вряд ли им стоит опасаться. Значит, здесь скрыто что-то другое. Но что? Ударную колонну с артиллерией тут не надолго удержишь. А вот против фланговых диверсий — отличная база.

— Что сие означает?

— Здесь — фланг. — А куда развернут фронт? Надо думать, на северо-запад, на Асхабад. Есть над чем поразмышлять, верно?

Через полчаса, обследовав укрепление, путники повернули назад, к облегчению мальдара, беспокойно озиравшегося вокруг.

— Хейли хуб, сахеб! — спешил тот укрыться в камышах от всевидящего ока британцев.

Но, не проделав обратно и мили, они наткнулись на двух всадников. Те, кажется, немало были удивлены встрече с европейцами. Однако, старший, в темной бороде которого уже серебрилась седина, как ни в чем не бывало, приветствовал путников:

— Салам-aleyкум!

— Алейкум ас-салам! — не без настороженности отвечал Николай.

— Я Иса-хан из племени исакзаи. Я не ожидал увидеть на этой дороге путешественников-ференги. Но я приглашаю вас уважить своим присутствием мой дом.

— Хуб! Благодарю за гостеприимство, мы с признательностью им воспользуемся, — ответил Зарудный.

Спустя полчаса они подошли к дому знатного исакзаи. Его окружала крепкая глинобитная ограда с узкими воротами и бойницами наверху. Само жилище было наполовину врыто в землю, и разделено на не-

сколько помещений, в которых царил полумрак. Исахан пригласил всех в гостевую комнату, подобие бухарской меймон-хоны. Внутри сохранилась приятная прохлада, особенно ощутимая после уличной жары.

— Хош амадад! Располагайтесь! — хозяин предложил им почетные места.

Рассадив всех по кругу, он протянул Николаю серебряный мундштук кальяна. Затем крикнул во двор, и дюжий малый внес и поставил перед ними низкую столешницу. Хозяин не успокоился, пока собственноручно не попотчевал каждого из миски горстью очищенного ореха. Потом он предложил разделить с ним трапезу. За обедом Исахан завел беседу:

— Благодаря Аллаху, жаркий «бад-и-сад и бист руз» — «стадвадцатидневный ветер» еще не задул с севера. Он приносит в Систан жар пустыни, так что в полдень все живое должно скрываться в тени. В последнее десятилетие с каждым годом становится все суше. К счастью, англизы собираются оросить сухие земли.

— Правда? Разве это не персидская территория?

— Э... э. Говорят, англизы на двадцать пять лет выкупили у эмира пустынные места Сеистана, и проведут на них работы. Главное, чтобы земле дали ожить. Огий, может быть, будут выращивать: благое дело, приносящее доход землевладельцам; или пшеницу на продажу. Все это угодно Аллаху. А вы, разве, не англизы?

— Нет, мы русские. — честно признался Михаил, не смотря на предостерегающий, но запоздалый знак Зарудного. Однако ничто не изменилось в лице исакзая. Несколько часов прошли в неторопливой беседе. Наконец, Николай настоял на уходе. Они вежливо распрощались. Но, глубокое сомнение в искренности этого гостеприимства пустило корни в сердце Зарудного, чем он и поделился с Михаилом:

— Он одобряет укрепление английского присутствия. И всадник ускакал с его двора на восток, сразу же по нашему прибытии. Интересно, кому он послал восточку о нас? —

Как путешественники ни торопились, однако, на знакомую тропу через заросли вышли лишь перед закатом. Мальдар предложил им переночевать на одном из островков-кянгов среди нейзара.

— Это вполне безопасно, охотники-сейяды часто устраивают там летовки, — сказал он. Пройдя несколько верст, они выбрали местечко повыше. Травяное кольцо и кострище, напоминали о сейядской летовке. Здесь они и раскинули лагерь. Чтобы спалось лучше, нарубили для постелей высохшего чекана. Развели также костер в ямке: ночные обитатели к огню не подойдут.

Николаю приснился длинный сон, о том, как он, на родной Полтавщине сидит под сенью ив на берегу тихой речки, прислушиваясь к журчанию серебристых струй. Какая-то мысль точила его во сне, но под ивами дремалось так хорошо, что не хотелось думать.

Проснулся он внезапно от легкого плеска и сразу же вскочил: его глазам предстала серебящаяся под луной поверхность быстро прибывающей воды. Она уже заливала почти всю отмель, вечером изрядно поднимавшуюся над водой.

— Подъем, наводнение! — закричал Зарудный, будя спутников.

— Мы погибли, Гильменд разливается! — запричитал проводник. — В прошлом году тридцать человек залило на летовке!

— Кто говорил нам, что здесь безопасно? Ну-ка, давайте сюда плот! — тут проснувшиеся ишаки тоже подали голос.

— Наш тютюн слишком мал — долго не продержим-

ся! Мы в самой середине нейзара! — действительно, пространство вокруг них стремительно превращалось в озеро.

— Ну-ка, вяжи в связки постели! — скомандовал Николай.

Они быстро собрали длинные пучки тростника, на которых спали. Получилась связка толщиной в человеческое туловище. Усевшись верхом на нее, вдвоем, за пять минут туго стянули ее при помощи веревок и ремней. Затем привязали к тютюну, увеличив его грузоподъемность. Стремительно прибывающая вода уже покрыла всю отмель. Ловя ревуших от страха ишаков, они приторачивали связки камыша к их бокам. Взяв животных в повод, погрузили пожитки на плот и, столкнули его на быстрину, запрыгнув на него в последнюю минуту.

Уродливая конструкция медленно двигалась вперед, то и дело застревая. Прибывающая вода все время старалась затолкать их в камыши. Однако связки оказались прочны. А протоки на глазах превращались в настоящие речки. Посередине одной из них, в глубь которой шест погружался больше, чем на человеческий рост, тростниковый «поплавок» отвязался от спины осла. Тот забил копытами по воде и, спустя полминуты, исчез под ее темной поверхностью. Гермс еле успел перерезать повод, грозивший увлечь следом его самого. Рассвет застал их в том же положении, на плоту, медленно плывущими на юг. Непросушенный тростник постепенно намокал, и тютюн погружался все ниже, а двигался медленнее. Они были близки к гибели, но не сдавались: сбросили с плотика практически все, кроме оружия и фотоаппарата. Николай и Михаил, работавшие шестом изо всех сил натерли на руках кровавые мозоли. Но эти усилия не пропали напрасно: ко второй половине дня им удалось, наконец, до-

стичь прибрежной полосы. С облегчением они подтянули плот. Кое-как, чавкая по грязи, выбрались на сушу. Отдыхались. Перекусили оставшимися продуктами.

Затем Николай обратился к мальдару:

— Ну, Хуршид, скажи-ка, отчего, по твоему, случилось это половодье, да еще так поздно весной?

— Иншалла!

— Может быть, и так. Но я думаю, что отгадку мы найдем, поднявшись прибрежными тугаями к загадочной гильмендской плотине, и убедившись: не прорвало ли ее? —

Мальдару ничего не оставалось делать, кроме как согласиться. Всю оставшуюся поклажу они навесили на единственного ишака. И до самого вечера пробирались пастушьими тропами через заросли тамариска. Наконец, проводник сделал знак соблюдать осторожность и не разговаривать. Оставив ишака в глубине зарослей, чтобы тот не выдал их ревом, они тихонько пошли вперед.

Внезапно, заросли кончились и перед ними показались очертания длинной, низкой серой громады, нависшей над речным плесом — новой плотины. По местным меркам она была огромна, и позволяла орошать громадные площади земель. Хотя, для британских инженеров, оседлавших великий Нил трехкилометровой дамбой у Асуана, было ее несложно построить. Ведь именно мундиры британских сипаев можно было еще различить на часовых в бинокль, несмотря на сумерки.

Щиты плотины были опущены, но пазы блестяли, указывая на то, что совсем недавно их поднимали.

— Благодаря этой плотине можно получить достаточное количество зерна, чтобы на месте обеспечить крупную армейскую группировку, — заметил Николай.

— В той или иной степени подготовлена вся инфраструктура: снабжение продовольствием, фланговое прикрытие плацдарма. Осталось решить лишь проблему транспортировки войск. Может быть, и узкоколейка Деконвилля сюда уже проложена? Как считаешь?

— Вряд ли, — так же негромко ответил Михаил. — Думаю, сейчас рельсы им нужнее в африканской саванне.

— Осталось понять, для чего им нужен здесь такой армейский кулак? Все время его ведь держать не станешь: и афганцы напрягутся, и мы спокойны не останемся.

Зарудный давно уже заметил смотрительский домик чуть выше плотины, в окнах которого горел свет. Он решил посмотреть его вблизи.

— Подожди-ка тут! — Оставив винтовку Михаилу, он, осторожно скользнул вперед, буквально стелясь по земле. Николай уже одолел половину расстояния, когда из домика вышли двое людей в пробковых топишлемах. Один из них, постарше, был, видимо, английский инженер. А, второй, моложе — похож был на техника. Обрывок их разговора, долетевший до ушей Зарудного, показался интересен:

— Совершенно дурацкое распоряжение начальства — о сбросе воды. Нам, конечно, пришлось его выполнять. Думаю, что при этом мы утопили нескольких туземцев и кучу скота. Помимо этого, потеряли часть воды на орошение, и предстоит, вероятно, объяснение с сержантом.

— Кажется, нашим нужно было избавиться от каких-то незваных гостей, в нейзаре. Надеюсь, вся эта идиотская возня была не зря...

— Зря, зря сволочи! Не получилось! — шептал про себя Николай.

— Эта идея — использовать воду в качестве оружия, — настоящая голландщина!

— Вы ошибаетесь, Расселл. Она не нова. Вы, наверное, слышали о знаменитом наводнении на Инде, 1841 года? Оно было вызвано той редкой причиной, что прорвало обвальное озеро, скапливавшее воды целый год в верховьях великой реки. Огромные водные массы хлынули вниз по долине, снося многолюдные селения. Но это бедствие оказалось благотельным для нас. Ибо разбушевавшиеся волны смыли враждебную нам двадцатитысячную сикхскую армию, расположившуюся у Аттокской теснины. В то время как британцы, стоявшие на высотах, уцелели.

— Вы хотите сказать...

— Что счастливая случайность чего-нибудь да стоит, только когда она хорошо подготовлена. И только раджи горных княжеств да гуркхские проводники знали, быть может, сколько боченков отличного артиллерийского пороха было перевезено караванами на север, через перевалы и уложено в тело гигантского оползня. Корпус военных инженеров и полвека назад мог творить чудеса! А далее — уже было дело связистов и наших людей в стане врага.

— Но ведь тогда в волнах нашли смерть десятки, если не сотни тысяч туземцев! Это гекатомба!

— Ну и что? Тогда на карту было поставлено очень многое: незыблемость нашего господства в Индии. Не забываете, это был год первой афганской войны. Мы потеряли Кабульскую колонну, двадцать тысяч штыков, и вера в непобедимость британских войск в Азии пошатнулась. Сикхи оставались самым опасным противником...

Николай, подслушавший эту беседу, бесшумно возвратился к своим.

На следующий день русские возвратились в лагерь. Николай перед этим переговорил с Гермсом:

— Я размышлял над тем, что мы видели вчера, и тем, что обнаружил прежде. Думаю, англичанами предполагается движение войск не с севера, а с юга.

— То есть?

— Они здесь собираются устроить плацдарм на пути к нашим среднеазиатским владениям, к Закаспийской области.

— Не слишком ли смелое предположение?

— Нет. Генштабы всегда разрабатывают упреждающие удары по соседям. Выйдя во фланг нашим крепостям, они перерезают Закаспийскую железную дорогу, блокируют войска Туркестанского округа. Из Сеистана отражают попытку контрудара по тылам. Но, главное-то в чем: все ведь шло к осуществлению этой операции! И если бы Южная Африка не оттянула их силы...

— Но! — это война! Тяжелая европейская война! Бред какой-то!

— Совершенно верно. Война. Однако, не обязательно — с Британией. А с другой страной. Стравят нас, например, с задиристой Германией. Британцы — мастера таких комбинаций, это их давний хлеб. Они умеют загребать жар чужими руками! И единственное, что во всем этом мне непонятно: зачем им далась наша Средняя Азия, чтобы так из-за нее ввязываться? Мало, им, что ли, индийского хлопка?

Не доходя Нусретабада, Зарудный, по совету Юсуфа, заглянул в селение белуджей-мухаммадзаев.

— Салям-алейкум! — поздоровался он с бедно одетыми поселянами. Немногословные мужчины окружили его, и Николай обратился к ним с предложением:

— Мне нужны верблюды и храбрые погонщики, на несколько месяцев. Я пойду с караваном на юг, к морю. Кто из вас согласится идти?

В результате длительных переговоров сошлись на дюжине верблюдов, принадлежащих пяти хозяевам, которые и вызвались пойти верблюжьими погонщиками-чотурдарами. Верблюды (чотур) на юге одногорбые, каждый способен иноходью нести от одиннадцати до шестнадцати пудов, со скоростью четыре версты в час. Среди заботливо отобранных животных, правда, не было ни одного высоко ценимого бегового верблюда — шотурбада, — «верблюда-ветра», — любимца шейхов и сердаров. Но Николаю не было причин спешить. Он выбрал среди белуджей того, кто явно пользовался наибольшим авторитетом:

— Амбал, я назначаю тебя главным над чотурдарами. Кроме двух кранов в день за верблюда, я плачу тебе жалование. Однако придется взять на себя печение хлеба. Наш Сергей умеет выпекать только подовый хлеб, в печи. Хуб?

— Хуб, хуб! — радостно заулыбался широкоплечий белудж.

Договорились, что через два дня белуджи придут в Нусретабад. За это время Зарудный должен был закупить в дорогу муку, а также верблюжьих седла: деревянные рамы с сидениями, одеваемые поверх горба.

Сразу по прибытии в Нусретабад, Николай отпустил обоих своих червадаров. Юсуфа он отозвал в сторону, и вручил ему, сверх обусловленной оплаты, еще двадцать кран и запечатанное письмо. Оно было шифрованным.

— Приедешь в Мешхед, отдай письмо господину русскому консулу. Только, смотри, чтобы письмо не заметили, а то украдут. Консул даст тебе еще денег. Хуб?

— Хуб. — согласно кивнул Юсуф.

Зарудный тогда не знал, что несколькими днями позднее проводника убьют в горах Кайна, на ночлеге, и разбойники похитят письмо, содержащее собранные путешественниками сведения. Оно будет доставлено к Тренч-сагибу.

После того, как были сделаны закупки на базаре для продолжения путешествия, содержимое кошелька Николая изрядно облегчилось. Тем не менее, когда на обратном пути он обнаружил, что кошелек исчез — это было неприятным сюрпризом. Заявлять о пропаже денег, разумеется, было бесполезно: не для того украли кошелек. И хотя в нем находились далеко не все финансы экспедиции, тем не менее, ее успешное завершение стало под угрозой.

— Как нам восполнить нехватку средств? — ломал голову Михаил.

— Поскольку сардар навряд ли пожертвует даже полушку, надо идти в Тренч-Абад, — ответил Николай.

— Но ведь они нас хотели утопить!

— Да, но если мы поставим на карту, и выиграем — джентльмены не откажутся платить.

Приодевшись для визита, Николай отправился знакомой дорожкой в Тренч-Абад. Несмотря на относительно малочисленность европейцев-служащих миссии, наличие клуба для джентльменов являлось столь же обязательным, сколь и мечети для мусульман. Клуб располагался посередине линии двухэтажных строений селтльмента. Войдя внутрь, он увидел собравшихся за несколькими столами британцев разного возраста.

— Как прикажете вас представить? — обратился к незнакомому джентльмену слуга-перс.

— Субколонель (подполковник) русской армии За-

рудный желал бы выпить за здоровье присутствующих, — торжественно объявил Николай.

Имя русского произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Возможно, некоторые из завсегдатаев клуба были осведомлены о том, что человека с этим именем сдуют числить в числе без вести пропавших. И вдруг, он явился собственной персоной! Для остальных шоком было простое появление русского путешественника. А Николай выпив в буфете стакан джина со льдом, обратил внимание на столик, покрытый зеленым ломберным сукном. Он целеустремленно направил туда свои стопы, и вежливо осведомился у играющих: не может ли он присоединиться к джентльменам в качестве партнера? Тут же он предъявил и бумажник с наличностью. Джентльменам нечего было возразить, и Зарудный сел вистовать. Возможно, опытные игроки-службисты искренно полагали, что сумеют быстро выпотрошить «русского гостя». Однако не на того напали.

Некоторое время игра шла по-малой, и, постепенно, перед Николаем стала расти кучка шиллингов и рупий. Его партнером был краснолицый джентльмен, весьма радовавшийся неожиданной удаче. Затем в клубе появился молодой человек, с хищным выражением лица, которому один из партнеров поспешил уступить место.

— Благодарю вас, Джонсон! — несколько небрежно кивнул тот.

— Эрл Роналдшо, младший вице-консул в Систане! — представился он Зарудному, пронзив его орлиным взором. И тот понял, что перед ним нынешний глава миссии в Тренч-Абаде. Вновь пришедший предложил увеличить ставки — и, проиграл. Это его слегка разочаровало. Он предложил сменить игру на более рискованную:

– Во время путешествия по горным княжествам Читрала, мы частенько играли вечерами в американский покер. Не хотите попробовать свои силы в этой игре, колонель? –

Николай не стал возражать. Открыли новую колоду, однако это не помогло: Зарудный обыграл соперника и в покер. – Проклятье! Даже когда мне не удалось подняться на гору Нанга-Парбат, с которой стекает Инд, я не испытывал такого разочарования! – сказал эрл Роналдшо, расплачиваясь с явной досадой.

Николай мог бы рассказать об отчаянных картежных баталиях, которые служат почти единственным развлечением тысячам русских офицеров, запертых почти в полной изоляции в глухих пограничных гарнизонах. Но кого это, собственно, здесь интересовало? Он, не торопясь, собрал выигрыш, составивший порядка двухсот рупий, и пожелал всем доброго вечера.

– Как, вы не дадите нам отыгаться? – не без некоторого вызова спросил один из игроков.

– Джентльмены, я вовсе не имел желания очищать ваши карманы. Мне просто понадобилась некоторая сумма на продолжение экспедиции. Я благодарен вам, за то, что вы ссудили русского путешественника таким благородным способом. А теперь, разрешите откланяться! – И, Николай по-джентльменски покинул клуб.

Глава 15.

Коварство в зурхане.

На следующий день к русским пришел гулям, слуга сердара:

– Сердар Мир-Масум-хан зовет уруса Зарудного и его людей посмотреть на соревнования борцов в зурхане! – передал он приглашение хозяина.

– Спасибо, мы сейчас же идем! – поблагодарил Николай. Ему нужно было только натянуть сапоги. Вместе с ним отправился Михаил, интересовавшийся восточными видами борьбы, и, восторгавшийся древними героями «Саги о Нибелунгах». Миновав пару кварталов, они подошли к углубленному в землю строению и, открыли низкую дверь. После чего очутились в своеобразном гимнастическом зале, который и носил звучное имя «дома богатейрей».

Центральную часть просторного помещения занимала углубленная в земле овальная арена с хорошо утоптаным полом.

«Гоуд!» – назвал ее гулям: «ристалище». Большинство глубоких ниш вокруг арены, предназначенных для зрителей, уже было занято сердаром и его прихлебателями. Правитель, небрежно кивнул в ответ на приветствие. По его знаку тут же освободили для русских гостей пару удобных мест, расположенных ближе к арене.

– Хош амадад, располагайтесь, Зарудни-ага! Я слышал, вас обокрали?

– Да, так оно и есть.

– «А не тобой ли и подослан был тот вор?» – подумал, между тем, Николай.

– Надеюсь, что вы восполните эту потерю благодарностью находкам, сделанным в развалинах Шар-и-Захедун?

– Если вам верно все доносили, ваше превосходительство, вы знаете, что я отыскал там лишь груды старых черепков. А деньги я нашел совсем в другом месте, в Тренч-Абаде, за зеленым столом: за что спасибо любезным игрокам-британцам!

После этих слов Николая лицо сердара приобрело слегка ошеломленное выражение. Затем он сделал знак тренеру-мияндару, и тот громким голосом объявил соревнование открытым.

Первыми вышли ноуча – новички, обнаженные по пояс. Они держали в руках тяжелые конические палицы на ремешках. Дробные удары в тэбль – небольшой барабан, возвестили о начале представления. Ноуче, поклонившись, стали быстро крутить палицы, так, что над головами появились словно сверкающие ореолы. Затем они стали перекидывать их в руках. Барабан звучал все громче, лица и тела атлетов покрылись потом. Наконец, тэбль замолк. Уставшие ноуча удалились.

Началось то, в ожидании чего нетерпеливо ерзал на своем месте сердар: вышли борцы-пехлевоны. Вот первая пара обнаженных до пояса, с блестящими от масла телами, борцов угрожающе наклонилась друг к другу. Мияндар крикнул, застучал барабан, и борцы схватились. Их руки обхватили корпус противника, послышалось тяжелое сопение и глухие удары тел о ковер. Наконец, одному удалось оторвать другого от пола, и бросить оземь так, что загудела арена. Тут же он прижал соперника коленом. Увлеченный схваткой сердар в восторге бил ладонью по коленке. Победитель милостиво отпустил побежденного, и тот, тяжело поднявшись, захромал к выходу.

Следом сошлась еще одна пара, снова прокричал тренер-мияндар, опять послышалось кряхтение сцепившихся силачей, которые никак не могли одолеть друг друга. Наконец, одному из пехлевонов удалось захватить в блок шею другого, лицо того тут же побагровело. Он еще пытался бороться, но затем колени его подломились, и через минуту рухнул под тяжестью своего противника. Сердар был в полном восторге!

Наконец, вышел еще один борец: легче и стройнее предыдущих, но от этого он казался опытному зрителю едва ли не более опасным. Обведя всю публику глазами, он вдруг вытянул руку:

– Не желают ли гости показать свою силу и удаль? – взгляд его остановился на Николае. – Храбрый френги не хочет вступить в состязание со мной, Казимом Бирджендским?

– А что! – подначивал сердар. – Офицера-инглизи, кулачного бойца – «боксэра» он уже побил. Может быть, и не стоит выказывать храбрость зря? Ставлю двадцать туманов, что вам не продержаться и двух минут, ага!

– Согласен, принимаю!

Николай решительно встает с места, и спрыгивает на арену. Он скидывает френч и рубашку, демонстрируя перекатывающиеся под белой кожей мускулы. Его нельзя назвать атлетически сложным человеком, но он достаточно силен и ловок. Он старательно разминает перед схваткой мышцы рук, ног, шеи. Мияндар удовлетворяется поверхностным осмотром новоявленного борца, выражая согласие кивком головы. Соперники становятся друг против друга, и Николай видит, насколько непросто ему одолеть перса. Он понимает, что вызов был спровоцирован, дабы унижить уруса. Но он надеется, что юношеское увлечение борьбой в юнкерском училище, и любительские схватки, в которых он участвовал для поддержания спортивной формы, позволят ему выстоять в единоборстве. Раздается крик мияндара, удар барабана – и, они схватились! Светлокожий европеец с более темнокожим иранцем. Противник пытается свалить Николая, а тот стремится вывести соперника на бросок через бедро. Но ни тому, ни другому это не удастся. Затем, левая рука борца летит вниз – но, натывается на ладонь Николая. Противник давит массой, однако, Зарудному внезапно удается провести бросок через себя, и перс летит на арену. Однако зафиксировать падение соперника на лопатки не удается, и, через секунду оба тяже-

ло дышащих врага вновь оказываются на ногах. Каждый имеет преимущества: европейская школа Николая отточнее, зато на стороне его соперника – ежедневные, тяжелые тренировки. Внезапно, Николай ощущает на шее стальной захват, и чувствует, как его голову начинают гнуть к земле. Глаза застилает красная пелена, и он чувствует – еще минута, и придется просить «пардону». Но внезапный свистящий шепот сверлит ухо: – «Урус – марг!», – «Русскому – смерть!», и, он остро понимает: пощады не будет! Это был не вызов на поединок, а подстроенная ловушка, которая должна привести к его «случайной» смерти во время борьбы!

– Не-ет, вр-решь! –

Рыча, Николай вывертывается из захвата с неожиданной силой, которую придает ему отчаяние, и всем телом припечатывает противника к коврику. Оглушенный борец не пытается сопротивляться.

– Схватка кончена! Куш! Свернуть себе шею, как куренку, я не дам! Это у вас не борец, почтенный сердар, а наемный душитель, убийца, – заявляет, тяжело дыша, Николай.

Прыжком он выскакивает с арены наверх. Сердар, кажется, разочарован таким исходом, однако он говорит:

– Бале! Да! Я разберусь во всем. Обвинение очень серьезное. Наверное, наш пахлавон слишком увлекся, и переоценил вашу силу, Зарудни-ага! – в ответ Николай только криво ухмыляется.

– Продержался ли я две минуты, ваше превосходительство?

Однако сердар делает вид, что не понял намека, и расслабиваться не торопится.

– «И черт с тобой!» – думает Зарудный.

Глава 16.

В английской миссии.

На следующее утро пришли чотурдары с верблюдами. Николай, не тратя времени понапрасну, навьючил животных, и вышел из Нусретабада. Он не хотел задерживаться поблизости от недружественно настроенного сердара. Пожалуй, он бы заторопился еще больше, услышь речи, которые велись в английской миссии в Тренч-Абаде.

– Джентльмены, прошу собраться в клубе! – созвал всех сотрудников-европейцев молодой начальник, эрл Роналдшо, недавно переведенный из Индии. Там он принадлежал к кружку сподвижников вице-короля, лорда Керзона, к тому же, был аристократом, и совершил путешествие в Гималаи. Все это предполагало повышенное внимание со стороны окружающих. Неудивительно, что речь свою он начал с теоретической части, демонстрирующей широту его кругозора:

– Джентльмены! Как показывают новейшие исследования, Сеистан – сердцевина возникновения древней арийской цивилизации. Главная наследница ее – Британия. И так как именно из Сеистана было совершено первое завоевание Индии народом ариев, понятна его ключевая роль. Овладение им – важнейший шаг по объединению древних арийских земель. И мы не должны ни в коем случае допустить проникновения сюда враждебных нам сил! – с горящими глазами вещал молодой лорд.

– Молодой Роналдшо, похоже, поклонник Конан-Дойла и Роулинсона! – прошептал сдоусый джентльмен с кирпичного цвета лицом на ухо своему столь же симпатичному соседу.

– Вы это тоже заметили? – ответил тот. – Он просто начитался Кипплинга, и пытается скрыть досаду на то, что проигрался русскому.

– Если следовать теории Гобино, его череп не тянет на арийский. Не родственник ли он еще и Ротшильда?

– Не говорите ему этого, он сильно обидится.

Между тем, Роналдшо продолжал:

– Представителем сил противника является русский шпион Зарудни, о появлении которого мы были заблаговременно предупреждены из Мешхеда. Но мы так ничего и не сумели предпринять для его эффективной нейтрализации! Джентльмены! Империя напрягает свои силы в Южной Африке, пуштуны восстают в Пограничных провинциях, и мы, как патриоты, должны противостоять русской экспансии. А у нас под носом разгуливает легальный русский агент!

– Далее. Есть подозрение, что за этой акцией стоит союз сил, враждебных Альбиону! Вам известно, что Германия пробивает строительство Багдадской железной дороги через весь Ближний Восток! А под видом экспедиции через Персию русские шпионы разведывают трассы для новых железных дорог! Совершенно ясно, что это происходит на германские деньги: у царя нет ни средств, ни рельсов, ни техники, чтобы строить дороги одновременно с экспансией в Манчжурии. Монстры германской промышленности тянут шупальца в мягкое подбрюшье Империи! Это их передовые части – русские «серые шинели», о которых предупреждает нас Киплинг. Проникновение казаков по железной дороге через Иран нанесет непоправимый удар во фланг нашей обороны, которая держит горные проходы через Афганистан.

– Сэр, но зачем же тогда мы сами строили здесь... – раздается голос.

– Тихо, Джонсон! – обращает лектор ледяной взор к молодому чиновнику. – Война с бурскими мятежниками окончится. Войска вернутся к местам дислокации. Представьте, что Россия, как раз в это время, по

своему обычаю вступит в схватку с другим колониальным хищником. И ее захватническая армия будет основательно потрепана, как это было во время войны с турками. Тогда интересы обороны потребуют взять под наш контроль районы, ранее захваченные русскими: в частности, Закаспийскую область... Сделанные приготовления позволят сделать это быстрее и эффективнее.

– Сэр, вернемся к нашим баранам, то есть, к русскому агенту, – вмешался кирпичнолицый джентльмен, партнер Зарудного по удачной игре в вист. – Наши меры по его нейтрализации результатов не дали, а напрямую убрать его было бы сейчас неосмотрительно.

– Так предоставим это сделать разбойникам, безводной пустыне, местным сердарам, наконец.

– Вы предлагаете нанять местных белуджей-наруи?

– Нет, полуоседлые недостаточно поворотливы: Мир-Масуму ведь сразу намекнули, что Зарудни разыскивает «клад Тамерлана», но они не справились. Пускай ширзай послужат хотя бы в качестве загонщиков. Может быть, этот разбойник, сердар яр-ахмадзаев, Джиан-Хан, сумеет достичь цели?

– Отпетый негодяй, проб негде ставить!

– Вот-вот. Пускай агент этим и займется. И отправьте предупреждение всем нашим пунктам: гнать русских выстрелами.

– Будет сделано, сэр!

Глава 17. Кух-и-Зур – гора магов.

Пламя костра колыхалось от ночного ветра. Регим-дад, старший из чотурдаров, борода с проседью, вел свой рассказ:

– На плоской горе Кух-и-Ходжа – Гора Святого, иначе называемой Кух-и-Зур – могила Рустама. Там лежит великий богатырь уже три тысячи лет, в своих доспехах и с палицей в руках. Многие силачи пытались отыскать его могилу, завладеть легендарной палицей в виде бычьей головы – но никто не сумел этого сделать.

– Поэтому гора зовется Кух-и-Зур – Гора Силы? – спрашивает Николай.

– Нет! Не поэтому. Говорят, в ту пору, когда Хамун был как море, на окруженной водами горе жили сорок пери, дев-волшебниц! Они обладали удивительной и страшной силой: стоило им собраться вместе, обернуться в одном направлении и хлопнуть в ладоши, как в той стороне села и города обрушивались от землетрясения, и развалины их заливали наводнения. Люди страдали. Но одна женщина из селения Лютек имела красивого и ловкого сына, к которому воспылал страстью могучий волшебник. Был он бачебаз, любитель мальчиков, как и многие колдуны. И через сына она сумела выпытать, что роковая сила волшебниц заключается в их девственности.

– Тогда она на тютюне привезла своего сына, переодетого в женское платье, к пери, и, предложила им «дочь» в услужение. Затем стала убеждать девиц, что мужчина увеличит их силу. Пери спросили: «Где же нам его взять?» Тут женщина привязала барана, и, отмерив от него расстояние, сказала: которая девушка до него допрыгнет, та и превратится в мужчину. Конечно, удалось это лишь ее «дочери». После этого парень обратил девиц в свою веру, но, как только пери родили, они потеряли свою силу. В отчаянии они побросали новорожденных в море. Там, на юге, течение прибило детские трупы к берегу, и люди назвали это место Хак-и-Тельфа – «земли младенцев»...

– Занятная легенда! Откуда только пери эти взялись? Принцессы, запертые в замке, есть и в наших сказках. Опять же, нравы амазонок известны от древних греков. Да, и число сорок – не случайно. Скалы «замок Сорока дев» есть на Вахше. Легенда о сорока девицах бытует в древнебулгарских сказаниях. Должно быть, это отголоски древних обрядов культа плодородия? Не миновать и нам, Михаил – палицу рустамову искать на Кух-и-Зур?

– Обязательно, Николай Алексеевич. Тем более, нам нужна панорамная съемка с господствующей точки.

На следующий день трое человек проехали вдоль берега Хамуна. И перед ними навис семидесятиметровый базальтовый обрыв.

– Говорил, посуху проедем! – сказал Регимдад.

– Все верно, – ответил Николай.

Михаил двигался последним. Караван оставили час назад.

Узкую протоку объехали под самым обрывом. На южной стороне природный монолит охватывала цепь древних разрушенных крепостных башен. Развалины поднимались по скалистым уступам.

Привязав верблюдов, пошли наверх. Одно из древних зданий привлекало внимание размерами. Обвалившаяся арка вела в обширный двор, по бокам которого сохранились высокие сводчатые ниши-айваны.

– Дворец правителя? Он много древнее, беднее и проще тимуридских построек Самарканда. Но чей он? – Николай задумчиво окинул взглядом руины.

– Не одна ли это из тех крепостей, что заложил Александр Македонский? Он ведь прошел здесь, – предположил Гермс.

– Говорят, здесь жил Рустам, – сказал Регимдад.

– Вряд ли Александр строил здесь так капитально.

Не знаю, как Рустам – но, есть предположение: со времен Парфянского царства – соперника римлян, Сеистан был вотчиной одного из знатнейших иранских родов – Суренов. Из него выходили полководцы, возглавлявшие персидскую армию. Один из них разгромил знаменитого Марка Красса, победителя Спартака. Воспоминания о них, возможно, смешались с легендами о Рустаме. Не подвигами ли Суренов живы предания рустевого цикла?! Это мог быть их дворец, где праздновали победы, строили планы переворотов и заговоров. Отсюда – и легенды о нисходившем с горы могуществе, и о «сорока девах», в которых сохранились воспоминания о запретных княжеских гаремах. Но, в конце концов, и сюда пришли войска арабских халифов. Может такое быть, а, Михаил?

– Наверное, – теперь уже Гермс неуверенно пожимает плечами.

Шаги по древней тропе, пробитой в камнях, вспугивали греющихся на солнце ящериц. Справа от них было заброшенное кладбище: десятки обвалившихся купольных могил. Идя вдоль отвесного ущелья, они залобовались эффектно поднимающимися на другой стороне развалинами замка.

– Вот она, Калеи-чихиль-кинджи – «Крепость сорока дев»! – показал Регимдад на руины. Правда, попасть туда было невозможно. Мост, который некогда вел через ущелье, давно исчез. Они вышли на плато. Ветер свистел среди старых могил и кустарников. Вдали, над обрывом, виднелся купол небольшого мавзолея святого ходжи. Подойдя ближе, с обрыва они увидели открывшейся всю страну: ближе – виднелось море желтоватых камышей с голубыми пятнами воды; дальше на западе – синели горы. На равнине белели поселения, связанные темными ниточками арыков. Михаил приступил к панорамному фотографирова-

нию. Николай достал буссоль, и принялся за съемку азимутов. Он заносил их в блокнот, страницы которого трепал ветер.

– Черт! Дымка: визировать плохо, – выругался он. – Эх, хотел бы я знать: какие миражи видел отсюда первопроходец Эдвард Конноли? – сказал он, занимаясь своим прозаическим делом.

Затем повернулся на юг. Взяв азимут, и, бросив взгляд в сторону, вдруг заметил вдалеке, на востоке, среди желтой равнины облачко пыли. Похоже, что это облачко поднял отряд скачущих всадников. Быстро наведя бинокль, он различил крошечные блестящие солнца, сверкающие на ружейных стволах.

– Зараза! Не за нами ли они скачут? – выругался Николай. – Несколько часов – и, они будут здесь. Пора спускаться.

– Как же рустамова могила? – спросил Гермс.

– Я думаю, Михаил, что омусульманивание большинства населения привело к разрушению прежних памятников. Богатырская могила должна находится всегда над обрывом, на орлином месте. Там, где нынче стоит мавзолей ходжи.

От раскалившегося камня струилась знойная духота. Спустившись к дворцовым руинам, Николай заметил человека, копавшегося позади них. Прежде там стояло квадратное строение, окруженное галереей. На одной стороне его сохранились остатки рухнувшего купола.

– Хасте набаши! «Да не устанешь!» – поздоровался Зарудный на фарси.

При виде чужих людей, незнакомец в крестьянской одежде испугался. Однако, узнав европейцев, успокоился.

– Салам, – буркнул он.

– Что это ты тут делаешь, почтенный? – спросил его Николай.

— Камень ищу для постройки, — невнятно отвечал тот.

— Ты не желаешь разделить с нами обед? —

— Благодарю, сагиб — я не голоден. —

отвечал он, направляясь в глубь развалин. Пожав плечами, Зарудный присоединился к товарищам, раскладывавшим уже припасы. Однако, какая-то мысль не давала ему покоя.

— Персы говорят европейцам «сахеб», твердое «сагиб» произносят только в Индии. Ты видел, Михаил, какие у него руки? Это — руки горожанина.

Минут через десять, тихонько поднявшись с места, Николай неслышно прокрался в развалины. Незнакомец сидел на корточках и что-то ел, доставая из развернутого узелка. Одним прыжком путешественник оказался подле него, схватил за горло и ткнул в ребра ствол пистолета:

— Твое имя! — резко крикнул он ему в ухо.

— Джа... Абдуллах! — выкрикнул тот, замешкавшись от неожиданности.

— Почему ты сказал, что сыт, а сам принялся есть? Ты замыслиаешь нас предать и не хочешь брать нашего хлеба?

— Вовсе нет, сагиб! Ислам запрещает мне...

— Ты лжешь, ислам ничего не запрещает! —

Зарудный поспешно похлопал его по бокам в поисках оружия, однако, рука его нащупала лишь нечто наподобие веревки, обернутой вокруг поясицы. Догадка молнией сверкнула в мозгу Николая! Отступив, он заговорил по-английски:

— Ты солгал, ты не мусульманин! Ты парс, зороастриец, которому запрещено есть оскверненную дыханием неверных пищу! Под рубашкой у тебя кустик, пояс посвящения. И зовут тебя не Абдуллах, а Джамшид. Ты британский агент, посланный следить за нами

из Тренч-Абада. Говори, что замыслили англичане — или я убью тебя!

Человек был поражен, как быстро его раскусили, и от страха онемел. Он заморгал глазами, и, слегка опомнившись, запинаясь, произнес:

— Меня зовут Джамасп. Но я не шпион, хотя мои братья вынуждены помогать англичанам: ведь они — наша опора среди мусульман и хинду. Я послан в Сеистан анджоманом, советом парсов Бомбея.

— Зачем? Что нужно бомбейским парсам в здешних тростниках? —

требовательно спросил Зарудный, убирая пистолет. Парс колебался рассказывать дальше.

— Вряд ли ты разыскиваешь в одиночку пресловутый «клад Тамерлана». Но местные жители могут подумать, что ты ищешь золото, если им намекнуть на это. Тогда, не достигнув цели, придется тебе скрываться в Тренч-Абаде. Однако не за рустамовой палицей ты ведь пришел?

— Нет... — сказал молодой парс. — Ты, конечно, можешь мне не верить. Но, как человек, признающий святых пророков, не сочтешь ложью предание о древних святынях. Ибо, наверное, это оно, переданное невежественными людьми, возбудило алчность страшного завоевателя. Но даже найдя их, он прошел бы мимо, не поняв истинной ценности этих предметов. Смотри! Озеро это — Кансаоя, о котором упоминается в «Гатах», самой древней части священной книги «Авесты». Здесь были вотчины древнего царя Виштаспы. Тут проповедовал вдохновленный благим духом Ахура Маздой великий пророк Заратуштра, и был здесь же погребен. Из его семени должны возродиться Саошьянты — грядущие спасители мира. На этом освященном издревле месте, где мы сейчас находимся, две тысячи лет тому назад царями Парфии, был возо-

жжен священный огонь, именуемый Каркой. Один из четырех святых огней Ирана. Вот развалины этого храма, — парс показал на остатки купола.

— Постой, но ты толковал о Заратуштре, а он жил чуть ли не тысячелетием раньше? Ты не путаешь ничего?

— Нет. И мне поручили забрать святыни древних жрецов Священного Огня — мобедов. Они не успели уйти, когда пятьсот лет тому назад сюда пришел Тимур. Завоеватель мстил: еще молодым он воевал тут, был ранен и охромел. Вихрь разграбления смел все в Сеистане. Язычников же, коими считал Тамерлан верующих в Ахура Мазду, он не щадил, и истреблял как мог. И его наставляли в этом суровые шейхи, с которыми он свел тесное знакомство в дни своей молодости.

— Почему вы раньше не попытались отыскать эти святыни?

— Почти все здешние маздаяснийцы, верующие в Ахура Мазду были истреблены воинами Тимура. Упоминания о священных предметах обнаружили лишь лет шестьдесят тому назад братья, побывавшие в общине Йезда, во внутренней Персии. Там живет и сейчас несколько тысяч наших единоверцев. Но вскоре произошло восстание бабидов, спровоцированное шейхитами — многие из единоверцев по неразумию примкнули к нему, и затем — погибли. Два поколения о древних святынях не вспоминали. И только теперь, когда здесь англичане, стало возможным использовать найденные в архиве документы.

— Скажи, Джамасп, — внезапно осенило Николая. — А твои собратья не рассказывали об этих святынях англичанам сразу после того, как узнали о них?

— Да, ведь и в Персию они ездили не только по собственным нуждам, но и в интересах англичан. Когда те

вошли в Афганистан, они решились рассказать об утерянных святынях некоторым пандит-сагибам, ученым, рисующим карты.

— Не было ли среди них людей с фамилиями Конноли и Форбс?

— Точно не знаю. Но я слышал, что всех их убили афганцы. И аль-шейхийя, кажется, были как-то причастны к их смерти. Ведь они верят, что «клад Тимура» — это золото.

— Скажи, а можешь ли ты объяснить, почему Конноли хотел тут отыскать Святой Грааль, чашу, в которую была собрана кровь Христа?

Джамасп как-то странно глянул на Николая:

— У многих народов есть предания о святых чашах, связанных с личностью Пророка. Возможно, братья сознательно ввели того человека в заблуждение, используя легенду христиан, дабы побудить англичан к действию. Но, увы, — их расчет не привел к успеху.

Зарудный обвел взглядом нагромождение камней:

— Да, тебе не позавидуешь — работы тут непочатый край.

— Ты ошибаешься. Смотри! — парс подошел к выкопанной им яме, почти метровой глубины. На дне ее виднелась массивная прямоугольная плита.

— Здесь был алтарь, под ним — тайник. Я нашел его, но не знаю, как поднять плиту, которая его закрывает — одному мне не справиться.

— Ты хочешь, чтобы мы помогли тебе?

— Конечно.

— Ну, что же — я не возражаю. Даже любопытно посмотреть на святыни.

Он кликнул Михаила и Регимдада, и они подсунули под плиту толстые тамарисковые палки.

— Ну-ка, взяли! — и они втроем налегли на импро-

визированные рычаги. Со скрежетом, приподнялась пятипудовая плита, и встала на попа.

— Ну, и что? — спросил Гермс.

Джамасп потрясенно молчал. Затем он спрыгнул в яму и принялся разглядывать несколько черепков, одиноко лежавших на ее дне.

— Может быть, есть ниша в стенке? — предположил он неуверенно.

Гермс молча и педантично счищал землю и пыль, прилипшую к внутренней стороне плиты. Внезапно, протрупили полустершиеся письмена.

— Смотри, Михаил, — по-моему, это древнегреческая надпись?! воскликнул Зарудный. — Прочитай, если сможешь: я не был силен в этом языке в пору юнкерства.

— Да, и вправду, написано по древнегречески! Но откуда она здесь?! —

Михаил очистил плиту, и прочитал по слогам:

— «Год семидесятый. Поднялись на севере мятежные парты и саки. Оставив Фар, я укрепил гарнизон тремя тысячами воинов и десять лет держал эту крепость во славу государя Селевка. Стратег Поликет».

— Вот оно что! — хлопнул себя по лбу Николай. — Видимо, год обозначает Селевкидскую эру, установленную наследниками Селевка Никатора. Именно этот полководец Александра Великого отхватил самый крупный кусок наследства. Теперь понятно, отчего парфянам пришлось тут разжигать новый священный огонь! Здесь была греческая провинция, со столицей в Фарахе, на афганской стороне. А когда гарнизон греков, наконец, ушел, после того как верх одержали «парты», парфяне — потребовалось заново освящать это древнее место. Храм же построили лишь тогда, когда саки, кочевники, приняли официальную религию персов. Од-

нако что же выбито в самом низу? Какие-то арамейские закорючки?

— Это пехлевийское письмо, — язык же — авестийский. — вмешался Джамасп, обтряхивая землю с неровной, в спешке выбитой надписи концом чалмы.

— Тут сказано: « Кто ищет святыню праведности, да обретет ее в храме Хомадара».

— И что это значит?

— Хомадар, «город священного напитка хаомы». Так назывался город, лежащий на юге, главное поселение верующих в заветы Заратуштры. Ведь большая часть сеистанцев уже тогда была мусульманами. Развалины этого города ныне называют Хоуздар.

— Хоуздар? Ну, что же — нам туда по пути. Предлагаю ехать вместе с нами, Джамасп. Кстати, сверху мы видели скачущий в нашу сторону вооруженный отряд. А вдруг он имеет к нам отношение? Думаю, нам стоит поторопиться!

Глава 18.

Погибельный Хоуздар.

Верблюды связаны в цепочки по шесть голов шерстяными поводьями, протернутыми сквозь ноздри. У переднего на шее висит колокол, с бренчащими внутри маленькими колокольчиками. Раздается монотонная белуджская песня, с постоянным рефреном: «Эмм! Гмм!», которую, понукая животных, поют погонщики.

— О чем они поют? — спрашивает Зарудный Амбала.

— Зовут горбатых «братцами», лаялз, хвалят их, и просят поспешить.

Караван приблизился к южному окончанию Хамуна: все меньше становится селений, окружающая местность пустынна. Вместе с караваном идет Джамасп. Когда они вчетвером вернулись с Кух-и-Зур, Аджи

пересказал им беспокоящие его слухи о том, что восстание на юге продолжается.

— Давайте, я вернусь в Асхабад? — предложил он Николаю. Но тот показал ему кулак, и сказал:

— Взятся за гуж — не говори, что не дюж!

День поднимается жаркий, но воды у них достаточно, а впереди находятся колодцы.

— Смотрите, видите башню? —

оживляется Джамасп, указывая вперед. Вдалеке одиноко торчит среди глиняной равнины осевшая башня.

— Это Ахор-и-асп Рустем — ясли коня Рустема, исполнинского Рахша, из которых он ел, — говорит Регимдад.

— Это большая дахма, «башня молчания», место погребения зороастрийцев, которые населяли древний город, — возражает Джамасп.

Они подъезжают ближе к небольшому, покрытому галькой островку-останцу: на нем еще на пару саженей поднимается плосковерхая башня. Общая высота ее — метров двенадцать. Она обнесена отвесным валом, обрушенным с одной стороны.

— Смотрите, ее возвели среди воды, — объясняет Джамасп. — Чтобы скверна не достигла суши. Говорят, что раньше, до появления мусульман, башни не строили, а клали покойников на скалах или возвышенностях: их клевали птицы, а кости высушивало солнце. Стены башни теперь должны укрывать мертвых от взоров мусульман, дабы не раздражать их.

Зарудный и Джамасп поднялись на останец. В разрыве рва, кольцом окружавшего башню, виднелись многочисленные кости и обломки средневековой эмалированной посуды.

— Их сбрасывали с башни, освобождая место для новых тел.

Николай попытался поднять косточку — она рассыпалась в прах.

— Давно здесь нет захоронений?

— Пятьсот лет, с тех пор, как пал Хоуздар. Вон его руины!

Парс указал видневшиеся вдалеке развалины. Зарудный молча вскарабкался по осыпающейся стенке на башню, оттуда огляделся вокруг. В бинокль, в той стороне, откуда шли, заметил далекое облачко пыли, словно поднятое скачущими всадниками. Тот ли это отряд, который он видел с вершины Кух-и-Ходжа? Станные люди следовали за ними, не стараясь приблизиться. Кажется, этот отряд был достаточно велик, чтобы предпринять попытку нападения на русских — но не делал этого. Опасался ли его предводитель убийственной стрельбы русских винтовок? Или его задачей была только слежка за русскими до границы провинции? А может быть он ждал неведомого сигнала? Как бы хотел Николай знать это! Молча он спустился вниз, и караван продолжил путь.

Время пощадило Хоуздар более других развалин Сеистана. Должно быть, засушливый климат юга был тому причиной. Крепко стояли стены древнего города, а некоторые здания даже неплохо сохранились. Но везде царил безлюдье, и лишь ветер гулял среди них, да ползучие гады селились в их тени.

— Если бы я продолжал верить в существование «клада Тамерлана», я бы искал его здесь! — проронил Николай.

Но, с некоторых пор, люди, кажется, вспомнили о мертвом Хоуздаре.

— Смотри — новый колодец! — Амбал показал в заплывшем городском рву свежерытый колодец. —

— Это англизы копали. Говорят, в прошлом году

они искали работников: восстанавливать некоторые дома.

— Похоже, они хотели устроить здесь свой пост, или почтовую станцию, — предположил Гермс.

— Лагерь в развалинах не будем разбивать: напоят ночью всякие гады и ядовитые членистоногие, — распорядился Зарудный. — Расположимся возле рва.

— А мы; Джамасп, не теряя времени, отправимся отыскивать твои святыни. Лаял, Регимдад — пошли с нами, — заработаете по паре лишних кранов! — зовет он чотурдаров. — Михаил, и ты тоже собирайся.

Ветер шуршит, кружит пыль среди безмолвных стен, будит шипящее эхо.

— Долгой осады города, по-видимому, не было: он сдался, или был захвачен внезапно! Впрочем, этот факт ничего не говорит о судьбе его жителей: ведь они были зороастрийцы, то есть — язычники в глазах Тимура. А язычников он не жаловал: сто тысяч пленных, которых он велел перебить перед сражением за Дели — пример этого. Так ведь, Джамасп? — обратился Николай к спутнику.

— Все верно, — отвечал парс. — Он совершил клятвopепреступление, не считаясь с обещанием, данным язычникам.

От мертвых глинобитных стен пышет жаром. Пятёро путешественников, с кетменями подходят к полуразрушенному зданию в юго-восточной части города.

— Это храм Огня, и святыни должны были скрыть в тайнике под алтарем. Вряд ли их успели унести отсюда, — говорит парс.

Они пробираются в центр здания, спугнув с камня гюрзу. Джамасп осматривается и показывает место, где нужно копать. Люди принимаются за дело. Вскоре, кетмень Лаяла заскрежетал о камень: появляется трехступенчатый каменный постамент.

— Это основание алтаря Огня. Тайник под ним, или рядом, — говорит Джамасп.

Вновь разгребают кетменями сцементировавшиеся за века обломки. Пыль скрежещет на зубах, когда люди пьют воду. Наконец, часа через три, достигают широкой известняковой плиты, на которой выбито изображение языков пламени. Джамасп и Лаял поддевают ее лопатами, и переворачивают. Открывается узкий колодец, уходящий глубоко вниз. Лезть в темноту никому не хочется. Наконец, Джамасп обвязывается толстой веревкой, которую держат чотурдары и Николай. Парс зажигает небольшой масляный светильник, и, лезет в колодец, опираясь ногами о вьетки в кирпичной кладке. Постепенно он все дальше уходит вниз, унося с собой мерцающий огонек. Наконец, из глубины колодца доносится возглас: «Куш, довольно!» Затем веревка дергается, и наверху начинают вытягивать на ней парса. И вот он появляется над краем колодца и выбирается наружу. Его рука сжимает окаменевший от времени кожаный сверток. Освободившись от веревки, он хватается лопату, и поспешно разламывает затвердевшую кожу ее лезвием. И вот на свет появляются несколько странных, но весьма древних на вид предметов. Все разглядывают позеленевшую медную бычью голову с рогами: навершие жезла.

— Это жезл великого мобеда Кирдара, который правил больше полутора тысяч лет тому назад, при жизни нескольких сасанидских царей. При нем вера Заратустры не знала соперников на земле Ирана и достигла наибольшего могущества.

За навершием следует полусферическая чаша из тяжелого зеленоватого камня, похожего на железную руду, размером с половинку апельсина. Джамасп нетерпеливо хватается чашу:

— Это сосуд для выжимания священного напитка, хаомы, которым пользовался сам Заратуштра!

— Позволь взглянуть поближе! —

Николай бережно принимает чашу, разглядывая странный волнистый рисунок на ее кромке — словно след пилы, которой разделяли камень надвое. Затем отдает обратно Джамаспу.

— Кажется, я понимаю, почему именно легенда о Граале была избрана твоими собратьями, чтобы вдохновить на поиски сагиба Конноли.

Третьим извлекается черный обсидиановый нож.

— Это жертвенный нож, которым приносил жертву на берегу озера Кансаоя царь Кави Виштаспа, поклонившийся Ахура Мазде, и первым признавший великого Пророка.

Белуджи, стремившиеся найти золото, были разочарованы. Но Николай ожидал находки изготовлены из драгоценных материалов, потому они и пережили десятки поколений.

— Жаль расставаться с золотым видением «Тимурова сокровища».

Джамасп спрятал священные предметы в специальную сумку из толстой хлопчатобумажной ткани, и одел ее через плечо.

— Эти предметы мобеды спасли от завоевателей-арабов во время последнего, злосчастного сасанида Йездигерда. — сказал он. — Да пребудет со мной благословение предков — фраоршей! У ближайшей британской станции, в Робате, я расстанусь с вами, и отправлюсь в Бомбей, чтобы отчитаться перед своими братьями.

Николай первым шел из развалин, его голова мелькнула над стеной. Но он на секунду замешкался, и наружу мимо него шагнул парс. В этот миг звук одинокого выстрела пронесся над руинами. Джамасп пошат-

нулся и упал на землю. На его груди появилось кровавое пятно.

— Отчет моим братьям... — прошелестели его губы.

Зарудный сразу же рванулся на улицу, с винтовкой в руке. Однако сколько он не оглядывался, стрелка нигде не было видно. Гермс, склонившийся на колено над упавшим, выпрямился и помотал головой:

— Убит наповал. Винтовочная пуля, судя по всему. Еще одна жертва призрачного «клада Тимура»?

— Кто же стрелял?

— Стрелок бил хоть издалека, но метко. И следов его не видно! Вероятно, меня думал убить. Давно следил, наверное. Но подозрение в убийстве парса как раз падет на нас! Убит британский подданный. Есть повод задержать экспедицию! —

Зарудный забрался на развалины повыше, и увидел вдалеке пыльный шлейф.

— И, кто-то скачет сюда: не за нами ли?

— Мы скажем, что не убивали, — сказал Регимдад.

— Много ли стоит в глазах англичан слово туземца? Да захотят ли верить? Им ведь надо нас остановить!

— Лаял, Регимдад, возьмите тело несчастного, опустите в тайник, а сверху положите плиту и присыпьте камнями. Это не по его вере, да нам сейчас не до церемоний. Если трупа не найдут, у них повода не будет нас задерживать.

Николай, сняв с убитого сумку, надевает ее через плечо. Чотурдары поспешно спускают парса на веревке в колодец, задвигают вход плитой и засыпают камнями. Зарудный снимает фуражку, поспешно крепится и вновь одевает ее.

— Чтобы обмануть шпионов, нам придется уходить через пустыню, на юг, минуя аванпосты британского

форта Робат, так как туда они могут телеграфировать. По дороге есть колодцы?

— Да, сертип, должны быть, если не пересохли, — Регимдад отряхивает руки.

— Неважно; впереди нас может ждать засада, так что иного выхода нет, а вода, хоть на несколько переходов, у нас имеется...

Выбежав из развалин, и насторожено оглядываясь в поисках неведомых стрелков, они бегут в сторону лагеря. Зарудный издали машет рукой своим людям:

— Александров, сворачивай лагерь! Срочно уходим!

Начинающийся ветер вздымает по равнине клубы сухой пыли.

Глава 19.

Через мертвую пустыню.

Все в экспедиции уже знали о трагической гибели Джамаспа. Но, караван собран и должен отправляться в путь.

— Точно ли есть колодцы на юге, по пути к Чагайским горам? — еще раз уточнял Зарудный у каравановожатого.

— Я знаю, что они есть! Свидетельствую перед Аллахом, что приведу тебя к ним! — клянется Регимдад.

— Эх, замел бы ветер наши следы, как следует! Ладно, в путь! — Николай отдает приказ каравану поспешно покинуть руины Хоуздары.

Пересеченную местность сменили плоские глинистые такыры. Чем дальше, тем она безжизненнее: исчезли тамарисковые кусты, вдалеке вьются небольшие пыльные смерчи. Хочется пить. Несколько часов спустя у Зарудного опустела фляга.

— Хлебцу, свежего, не хотите, Николай Алексее-

вич? — догоняет его Александров. Развернув тряпку, в которую, для сохранения тепла завернуты свежие лепешки, протягивает одну.

— Давай, а то и вправду — без обеда, голод одолел. —

Он отломил кусочек еще теплой лепешки. —

— Хорошо бы водички подлить во флягу. —

Его взгляд скользит по меху для воды: тот совсем сморщился.

— Воду для хлеба брали из турсука?

— Да.

— А свежую набрали?

— Н-нет, — отставной солдат понимает свою роковую оплошность.

— Я собрался, было, набрать. А тут вы прибежали, сказали, мол, перс убит, давай скоренько. Я и забыл!

— Эх, мать твою, туды-сюды! Убить тебя, Александров, мало! Что же, я, среди кучи мужиков, один обо всем должен думать?! Если Регимдад нас к колодцам не выведет, мы все в песках останемся!

— Может, мне вернуться?

— Нельзя, стемнеет скоро! Хочешь, чтобы и тебя ухлопали? Авось, пронесет.

Они продолжают идти, пока солнце не скрывается за горизонтом. С наступлением темноты, измотанные за день, останавливаются лагерем среди бугров. Заварив чай и разлив его поровну по кружкам, обессиленные люди валяются спать. Засыпая, Зарудный подумал: хорошо, чтобы преследователи потеряли их следы.

К полудню следующего дня проводник выводит их к старым колодцам. У путников вырывается вздох разочарования. В ямах, вырытых посреди потрескавшегося такыра, стоит шоколадно-бурая, вонючая, горько-соленая вода — для питья она абсолютно не годится.

— Вычерпывать ее надо, тогда новая набежит! —

предложил длинноволосый Лаял, тот самый, что ходил на раскопки в Хоуздаре. Примерно с час они осушали глубокую яму. Затем, на дне показалась новая вода – прозрачная, как слеза. Все вздохнули с облегчением. Гермс не выдержал, зачерпнул чашкой, проглотил – и, тут же, закашлявшись, выплюнул:

– Соленая, черт побери!

А пить страшно хочется. Но приходится идти дальше.

– Клянусь бородой, я найду воду! – Регимдад ожесточенно дергает себя за бороду.

Раскаленное солнце жарит с безоблачного неба. Проходит час за часом. Язык шуршит во рту, как бумажный, в глазах стоят огненные круги. Рот и глотка пересохли.

– Зачем мучаться и идти дальше? Мы все равно умрем! – раздался голос одного из чотурдаров. Регимдад уже не клянется и молчит. Не дожидаясь заката, Николай приказывает раскинуть лагерь. Обессиленные люди еле натягивают палатку, залезают под навес.

– Что будем делать? – Николай смотрит на Михаила, Амбала, Регимдада. Его спутники почернели, похудели, машинально слизывают кровь с растрескавшихся губ. Слышно, как всхлипывает несчастный Аджиди.

– Надо отдохнуть, и идти ночью, – подает голос Амбал, самый жилистый и выносливый из караванщиков.

– Ладно, ложимся на пару часов – может, хоть во сне напьемся?

Зарудный проваливается в черную яму. Но, спокойно отдохнуть не удастся. Проходит немногим более получаса, и его из забытья вырывает истошный, хриплый крик Лаяла:

– Дуз! Дуз! Воры! –

Он выскакивает с винтовкой наружу. В свете больших, южных звезд видит несколько фигур белуджей, которые молча пытаются угнать животных. Слышны удары палок, которыми они лупят ревуших верблюдов. Воры, оказывается, все время крались по следам изнемогающих от жажды путников, дожидаясь, когда они окончательно ослабеют. Но, не на тех напали!

– Стой, стреляю! – кричит Николай, перезаряжая винтовку.

В это время, сбоку, налетает всадник на беговом шотур-баде. Яркая вспышка, но, Регимдад успел прикрыть собой начальника, – и падает с развороченной грудью. Он расплатился своей жизнью за то, что невольно поставил всех на край гибели. Николай успевает вскинуть «трехлинейку»: выстрел, и темная фигура опрокидывается на верблюжий горб. Пуля, пущенная с другой стороны, сбивает с него фуражку. Не опуская винтовки, он разворачивается, шелкает затвором и всаживает пулю в летящего на него наездника. Несколько ответных выстрелов грохочут из темноты. Николай успевает прицелиться на одну из вспышек, давит на спуск и слышит издали крик. Рядом все звуки вдруг заглушает грохот винтовок Гермса и Александрова. Они проснулись, и поддерживают начальника своим огнем.

– Сергей, Амбал! За мной, надо отбить верблюдов! Их угнали!

Рукой он указывает направление, в котором скрылись воры.

– Михаил, Лаял! Останетесь охранять лагерь.

Амбал успел осмотреть Регимдада, и бросить взгляд на убитого налетчика:

– Регимдада взял Аллах! Разбойник – яр-ахмедзай, опасный противник!

— Справимся! — Николай на ходу дозаряжает магазин.

Они бегут через холмы, впереди уже слышны топот верблюдов, и крики погонщиков. Еще минута, и они должны настичь воров. Однако, стук подкованной европейской обуви выдает молчаливых преследователей. Впереди вдруг вспыхивает огонек и, пуля жужжит над головой Зарудного. Затем — новый выстрел, и еще, и еще, и еще! Приходится перебегать под огнем.

— А-ах! Шайтан! — кричит Амбал: кажется, его задело пулей.

На восьмом выстреле противник замолкает.

— Восьмизарядный Ли-Метфорд, британская армейская винтовка,

отмечает Николай. Противник почти невидим, но улавливается движение по склону холма.

— Огонь! — шепотом командует Зарудный.

Грохочет винтовочный залп, и белудж с диким криком подскакивает, и тут же падает, убитый наповал. Амбал подбирает его отброшенную винтовку, и снимает патронташ. Видны уже, на фоне неба и улелепывающие с животными разбойники.

— Дуз — марг! Дуз — марг! — Ворам — смерть! Ворам — смерть!

Кричат преследователи, и стреляют над их головами, чтобы не задеть верблюдов. Похитители скота бросают добычу, и бросаются врассыпную.

— Держи их! — забыв про раненое плечо, упоенно вопит Амбал, сажая из винтовки в звездное небо.

— Заворачивай верблюдов! — кричит Николай.

Они хватают волочащиеся по земле поводья, и гонят животных обратно. Однако, волнение стихает, усталость и жажда берут свое. Подходя к лагерю, они бредут, едва переставляя ноги.

Регимдад уже лежит в неглубокой яме, вырытой его обессиленными товарищами. Сверху его засыпают землей, рядом с могилой втыкают шест, обозначающий могилу шахида — погибшего в сражении. Амбал читает молитву. Русские, сняв фуражки, крестят лбы.

— Несчастный Регимдад! Будем помнить о нем! — говорит Николай. Но следует позаботиться и о живых:

— Каков молодец, Лаял! Услыхал воров! Если бы этой сволочи удалось увести скотину — нам крышка! Пришлось бы все бросить: оружие, припасы, инструменты — бери нас голыми руками! — продолжает он. — Ну, мы их далеко прогнали. Сейчас передохнем немного — и в путь!

Глава 20.

Станция смерти.

Спустя два часа, при свете звезд, отряд возобновил движение. Увы, среди них нет Регимдада, самого опытного среди проводников. Теперь можно рассчитывать лишь на то, что двигаясь по прямой, они, рано или поздно, должны выйти к воде. Идут точно в трансе, час за часом, шатаясь от усталости. Начало светать, и время от времени, взбираясь на бугры, люди пытались разглядеть впереди воду. Внезапно, один из верблюдов зашатался и рухнул, как подкошенный. Никакие уговоры, тычки и пинки не в силах были теперь его поднять. Крупные слезы текли из его глаз, предвещая скорую смерть.

— Часть вещей придется бросить, — сказал Николай.

Большую часть ноши перегрузили на других верблюдов. Килограммов шестьдесят разных припасов оставили на разграбление.

Караван растянулся по безводной равнине. Самые

слабые, постепенно, отстают. Солнце поднимается все выше, наступают полуденные жаркие часы. Идти дальше самоубийственно. Кое-как установили палатку, почерневшие и похудевшие люди с трудом залезли внутрь. Спустя некоторое время притащились оставшиеся белуджи и Аджи. Они бросились на землю и затихли. Только Ахмедов время от времени поскуливал, да Сергей в полузабытьи пускал матерные словечки. Должно быть, ему мерещилось, что он на учебном марше через Оренбургскую степь.

— Мы... умираем, Николай Алексеич? — Гермс произнес это ослабевшим голосом.

— Нет! — Зарудный до хруста сжал оба кулака. — В крайнем случае будем пить верблюжью кровь: при одной мысли, о теплой вонючей жидкости к горлу подступила тошнота.

— Сегодня мы найдем воду. Найдем.

Он тоже стал забываться, как вдруг, услышал над ухом голос нагнувшегося к нему Амбала:

— Сахэб, не бойся, ты умираешь вместе с мусульманами, и я буду просить бога и его пророков, чтобы ты попал в рай.

Николаю становится стыдно, что он проявил малодушие. Он сжал кулак, и с силой ударил по земле:

— Врешь, не сдохнем! Выйдем!

Когда жара несколько спала, выяснилось, что идти могут только Николай, Гермс, жилистый Амбал, хотя и ослабевший от раны, и, Лаял.

— Мы с Лаялом пойдем вперед, постараемся выйти к воде, и вернуться. Возьмем двух верблюдов и турсуки для воды, — говорит Николай.

Русский и белудж бредут через все еще горячую равнину. В Николая проносятся картины отцовского дома в Полтавской губернии, усадьбы, реки, журчащей в тени плакучих ив, белых крестьянских мазанок,

тополей. Вода мерещится недостижимым, манящим счастьем.

Спустя несколько часов, когда позади уже верст пятнадцать пройденного, перед ними, точно видение бреда, предстает тамарисковая рощица. И далекая полоска гор видна на горизонте. Тамариск — явный признак воды. Действительно, за холмом обнаруживается пыльный квадрат одноэтажной станции, обнесенной глинобитной оградой. Нет, это не мираж! Но какой прием ждет их? Кто там внутри — друг или недруг?

— Останешься здесь с верблюдом, — говорит Николай Лаялу.

Белудж кивает, хотя на его смуглом лице отражается напряженное ожидание. Оставив его под прикрытием деревьев, и отдав ему винтовку, Зарудный идет к ограде. Внезапно, во дворе показывается человек. Тут же раздается крик:

— Урус! Урус! — и, во двор вываливается пятеро афганцев с винтовками.

— Боро, урус! Прочь! — кричит старший из них.

— Мне нужна вода! Я возьму воду и уйду! — хриплым надтреснутым голосом кричит Николай.

— У нас хукма Тренч-сагиба: гнать тебя прочь! Боро, боро, урус!

Афганец внезапно вскидывает винтовку, и дымок выстрела расплывается в воздухе. Зарудный успевает пригнуться, и перекачивается за кочку, выхватывая маузер. Афганцы издевательски хохочут: им нравится унижение европейца. Пускай он целует землю, которую они топчут ногами. А потом они убьют его, или он сам сдохнет от жажды, хотя колодец всего в трех шагах от него.

На карте сейчас самая высокая ставка — жизни людей экспедиции, против жизней этих пятерых. Афган-

цы с винтовками притаились за дувалом. Николай чуть высовывается, и пуля тут же срезает ветку тамариска в двух вершках от его головы. Трехфунтовый пистолет отягощает ослабевшую руку, она дрожит, лишая возможности точно прицелиться. Зарудный вцепляется в руку зубами, пока боль не возвращает ему силы. Он снимает с головы фуражку, и, надев ее на сухую палку, высовывает сбоку. Совсем немного, как если бы он невольно выдвинул макушку.

Одна пуля с силой взбивает землю, другая сшибает фуражку прочь. В то мгновение, когда противники лягают затворами, перезаряжая винтовки, он стремительно высовывается над холмиком. Третья, коварная пуля свистнула над ухом, но он успевает поймать на мушку чью-то голову, ствол подпрыгивает, и голова исчезает. Следующая пуля выбивает пыль из дувала там, где только что торчала другая «тыква». В ответ раздается залп проклятий. Николай стремительным рывком кидается вперед, падая за новым прикрытием. Пули врагов ложатся вокруг, лишь бессильно взбывая пыль, одна случайно выбивает камешек у самой его подметки, и он поспешно подтягивает ноги. Зарудный снимает кобуру маузера, и, выстрелив вслепую, швыряет ее в сторону. Противники снова «купились», и опять он выигрывает стремительным броском пару шагов. Но долго так продолжаться не может: жажда высосала все силы.

Он стреляет и делает новый бросок. Ствол вражеской винтовки смотрит прямо на него, но афганец ошеломлен прямолинейной атакой, он ожидал какой-то хитрости. Зарудный успевает нажать «собачку» первым, пробежать несколько шагов и упасть за укрытием. Кажется, он снова попал: был слышен крик, и враг упал за ограду. Но теперь пули сыплются градом. До дувала остался десяток шагов, и непонятно: как их

преодолеть человеку, скорчившемуся за холмиком, то и дело вздрагивающим от попадания пуль?

Внезапно, где-то сбоку хлестко ударяет трехлинейная винтовка – раз, другой, третий, отвлекая внимание обороняющихся. Николай стремительно несется к дувалу, делая зигзаги. Одинокая пуля визжит рядом, но второго выстрела не последовало: заело патрон, или враг не заметил, как опустошил магазин. Когда Зарудный добежал до дувала, его противник успел зарядить винтовку, но было уже поздно: гремит выстрел, и он падает навзничь. Теперь враги видны Николаю как на ладони. Поняв, что прежняя линия обороны для них уже бесполезна, они бросаются под защиту строевой станции – но почерневший от солнца и жажды человек и его маузер не ведают жалости. Ствол пистолета лежит на ограде, он подпрыгивает, и люди во дворе падают, кружась, точно слепые, роняя винтовки. Последний упал на самом пороге. Он скребет ногами, пытаясь заползти внутрь. Собачка маузера клацает впустую – магазин опустел. Зарудный, дрожащей рукой, пытается перезарядить пистолет, но патроны падают на землю. Раненый уже затих: он умер. Только тут Николай замечает, что солнце садится.

– Лаял! – кричит он, напрягая пересохшую глотку.

Тотчас из-за тамариска появляется белудж, пошатываясь, с винтовкой на плече. С суевренным изумлением смотрит он на открывшуюся ему картину бойни:

– Ты один положил пятерых?!

– Что делать, Лаял: или они, или мы. Им надо было выбрать другого хозяина. Афганцы – верные люди, их трудно напугать. А нас запугать невозможно. Значит, кто-то из нас должен был умереть. Факт. Но, теперь главное – нам надо набрать воды.

Они входят во двор, Зарудный идет к колодцу, зак-

рытому глинобитным куполом. Он опускает на веревке кожаный хурджин в его темное отверстие, пока внизу не раздастся плеск. Вдвоем вытягивают они наполненный доверху мешок, и Николай, запрокинув голову, делает несколько больших глотков. Вода течет по его щекам, он чувствует, как живительная влага разливается внутри, и, сдерживая жадность, передает хурджин Лаялу, нетерпеливо ждущему своей очереди. Когда оба они, наконец, напиваются, Николай короткими словами обрисовывает план действий:

– Верблюдов надо напоить. Набрать воды. Оттащить трупы в кусты, чтобы зверье не набежало на станцию. И скорее назад, в лагерь, пока наши еще живы.

Они берут убитых за руки и за ноги, и волоком оттаскивают трупы в кустарник. Вернувшись, они смогут схоронить их надежнее. Винтовки Зарудный прячет, чтобы не достались случайным бродягам. Нагрузив верблюдов турсуками с водой, они поспешно выступают обратно.

Долго бредут в темноте. Внезапно впереди показывается мерцающий огонек. Но чей он? Костер в лагере экспедиции, или становище преследователей? Вода вернула присущую путникам осторожность.

– Как бы мы своих не проскочили? Далеко ведь прошли уже.

Вместо ответа, Лаял раскладывает на бугре костерок из сухих веток. Вскоре, верстах в двух, загорается ответный огонь.

– Наши? Подадим-ка им сигнал – как уговаривались.

Николай снимает с плеча винтовку, и в пустыне раскатывается гулкий выстрел. Звук ответного выстрела долетает из темноты.

– Наши! Пошли, – идут они в направлении огня.

Через полчаса победители уже у костра, который

поддерживает на вершине холма Гермс. Со слезами на глазах он принимает из рук Зарудного хурджин с водой. Они возвращаются к основному лагерю, у которого тлеет небольшой огонь, замеченный прежде Николаем. Здесь к ним присоединяется Амбал, затем вода оживляет обессилевших. Люди плачут и целуются от избытка чувств. Они остались живы!

– Наконец-то! Наконец-то! Водичка! – шепчет Александров.

Жажда совсем подкосила его.

– Поднимайте животных! – командует Николай.

Верблюдам дают понемногу воды, они режут и ускоренным шагом двигаются за проводниками. Животные чувствуют, что скоро напьются вволю. Идут по компасу, время от времени его подсвечивая. Спустя три или четыре часа, еще только посерело небо на востоке, как они выходят к темному строению станции. Лаял сумел отыскать его каким-то нюхом, присущим жителям пустыни.

Гермс и Александров, вместе с остальными, удивляются тому, что обжитая станция оказалась заброшенной.

– Пойдемте со мной! – зовет их Николай в заросли, и показывает уже истерзанные ночными хищниками трупы.

– Вот какой ценой заплачено за эту воду! – говорит он.

Животным наливают воду в поильный желоб. Амбал печет хлеб. Остальные поспешно и молча копают могилу, и, зарывая в ней останки афганцев. Место захоронения заравнивают. Следы крови присыпают землей, гильзы сметают со двора. Затем, подкрепившись и набрав воды, они выступают в юго-западном направлении. Путники будут двигаться к перевалу через горы Кух-и-Малик Сиах, в Белуджистан. За-

мыкающий каравана волочит огромную метелку из сухих веток, которая должна скрыть от преследователей их следы.

Глава 21.

Мишуа ловушку.

— Гурмук? — Николай указывает на жалкое глинобитное строение. Это рабат, караван-сарай, окруженный чахлой зеленью. Вокруг него бьют несколько родников, которым он обязан своим существованием.

— Хормек, Хормек! — подтверждает охотно Амбал. Караван останавливается на отдых. Они поднимались к перевалу, забираясь все выше.

— Смотри, в стороне заката виднеется пустынная гора Кух-и-Малик-Сия, — объясняет Амбал. — Она названа так в честь нашего святого, чей мазар — у самого перевала. А, к востоку — горы Лар-Кух. Самая высокая вершина там: Кух-и-Робат, Гора рабата, караван-сарая, который издавна стоит возле нее. Его построили афганцы.

— Но это — не афганский караван-сарай. —

Николай разглядывает в бинокль белые крепостные стены на юге. —

— Судя по всему, это английский форт Робат, недавно построенный, — объясняет он Гермсу. — Эта крепость венчает острие британского Белуджистана, врезающегося в иранскую территорию. На Кух-и-Робат сходятся рубежи трех стран. И форт контролирует главный проход на юг, в горную страну Серхед и в персидский Белуджистан. Думаю, что две бригады там могут разместиться. Хотя, сейчас вряд ли стоит более батальона: места отдаленные, а войска в случае необходимости можно легко перебросить по Нушкинской железной дороге, недавно проложенной за этими горами.

— Неужели это белое пятнышко — мощная крепость? — С сомнением щурится Гермс.

— Посмотрите в бинокль. Можете не сомневаться, — «при восьми комнатах и шестнадцати дверях», как образно характеризуют персы количество новеньких казарм.

— Что же, он не уступает нашим Керкам или Термезу?

— Что построят в будущем — не знаю. Но сегодня в них располагаются лишь гарнизоны мирного времени, и, без сомнения, Робат их не слабее. Эта крепость — тыловая база для Сеистанского узла.

— Эй, сертип, смотри: с юга идет караван! — Амбал привлекает внимание к цепочке людей и навьюченных верблюдов.

— Кажется, караван мирный. Но на всякий случай — приготовить винтовки.

Через полчаса караван подходит. Выясняется, что он вез пожитки персидских купцов, спасавшихся от восстания белуджей, и, груз ранних фиников.

— Салам алейкум! — здоровается Николай с проводником каравана, бритоголовым белуджем в круглой тибетейке южанина.

— Алейкум-ассалам!

— Далеко ли нам еще до мазара Малик-Сия?

— Фарсаха полтора.

— Значит, верст восемь-девять.

— А вы кто, ференги? — интересуется тот.

— Нет, мы — русские!

— А, вот значит вы кто — урусы! То-то, я смотрю, маленький у вас караван. Инглизы такими маленькими отрядами не ходят. Наверное, вы, урусы, — отчаянные люди!

— А кого нам бояться? Мы плохого никому не сделали.

— А, вон, оружие есть — дорогое, наверное?

— Ну, так наши винтовки даром никому не достаются: мы стреляем быстро и метко.

— Да, урусы, видно, смелый народ. Мы шли от Безмана, куда уже заходят отряды мятежников, но нас миловал Аллах. Мы двигались вдоль западного склона гор, через Галуган. Возле колодцев Гальчах, перед самым ущельем стоят лашкеры. Не мятежники, но и не мирные. Яр-ахмедзаи. Они сторожат кого-то, идущего с севера. Уж не вас ли?

— И большой это отряд?

— Лашкеров тридцать-сорок. Караульные фитили жгут. Нас не тронули, но пригрозили, чтобы о них никому не рассказывали.

— А что же, тогда, ты рассказал?

— Люблю смелых людей. Потом, что нищий лашкер даст? А урус храбрый, но щедрый, наверное? Правильно я говорю?

— Ты не ошибся, почтенный. —

Николай достает два серебряных тумана и вручает караван-баши. Затем он возвращается к своему костру, отзывает Гермса в сторонку.

— Судя по карте, равнины лежат по обе стороны меридианального хребта Серхед. Хорошую дорогу, значит, можно прокладывать и там, и здесь. Но сейчас меня предупредили, что на западной дороге нас поджидает засада. Вопрос: почему именно там?

— Может быть, именно та дорога в жаркое время года предпочтительнее? Она пролегает выше над уровнем моря, чем восточная, проходящая через котловину Машкель. На нагорье летние температуры ниже. Потом, вдоль восточной равнины тянется граница британского Белуджистана, что мало благоприятно для нас.

— Вероятно, такими рассуждениями могут руковод-

ствоваться и наши враги. Значит, придется двинуться по восточной дороге, — делает вывод Зарудный.

— И, вот что, Гермс-ага.

— Да?

— Если в Робате о нас узнают, то ближайший отрезок пути становится самым опасным. В горном ущелье нас легче перхватить. Лучше пройти эти версты ночью. А за перевалом можно выбрать любую дорогу. Тогда ищи ветра в поле!

— А, отчего бы им не посадить засаду лашкеров прямо здесь?

— Ну, да! Под носом у британского гарнизона? Убийство будет шито такими белыми нитками, что Форин офису сажи не хватит! Амбал, навьючивай скорее верблюдов! —

И через полчаса, под аккомпанемент ворчания Аджи и громогласных зевков Александрова, караван трогается в путь. Все соблюдают тишину. Кажется, даже верблюды поняли серьезность момента. Лишь шуршат камешки под ногами. Темно. Впрочем, восходящая луна позволяет двигаться почти с той же уверенностью, что и днем.

— Э, смотри, зиарет! — Амбал указывает на темную, широкую могильную насыпь, вчетверо больше обычной. В изголовье торчат шесты, украшенные рогами диких козлов. Печально журчащий родник дополняет картину святого места. Каждый из чотурдаров, подойдя, покачал шест, и положил приношение святому — какую-нибудь ненужную вещь. Русские кинули по медяку.

Ущелье миновали к утру. Теперь британский форт оказался по другую сторону горы, но уже позади них.

— Они занимают удобную седловину: недаром границу проводил британец Дюранд. К счастью, тут не памирские хребты — можно их и обойти, — заметил Николай.

— Святой Малик-Сия укрыл нас полой незримого плаща от глаз врагов! — убежденно говорит Амбал.

Шли весь день. И лишь на следующей стоянке, к вечеру, подъехали к их костру пятеро всадников, как видно, отправленные вдогонку. Все они были в новой британской форме, цвета хаки. Один из них — индус, младший офицер сипайских войск, в белом топи-шлеме. Двое других — усатые сикхи в фиолетовых тюрбанах, с унтер-офицерскими нашивками. Остальные — рядовые. Офицер, не здороваясь, строго спросил:

— Кто вы такие и по чьему разрешению здесь находитесь?

— Подполковник Зарудный, русский путешественник. Нахожусь здесь по дозволению его превосходительства, вали Хорасана. Не угодно ли вам, милостивый государь, спешиться для продолжения беседы? — Николай продолжал спокойно сидеть.

Колониальный офицер соскочил с лошади и напористо представился:

— Джамаджи, лейтенант 65-й уланской бригады соваров Ее Величества, Джамаджи. Вы, я вижу, занимаетесь съемкой местности? Кто вам позволил это делать? —

Офицер протягивает руку к планшету, лежащему на земле рядом с Зарудным. Но, поднявшись во весь рост, Николай наступает на него ногой.

— Точно так, господин поручик! А что в этом такого? — он разворачивает перед индусом британскую карту и тычет в нее пальцем.

— Извольте. Вот, здесь находимся мы, а тут проходит граница, от коей вы, господин поручик, отклонились примерно на десять английских миль, в глубь владений Его Величества шаха!

— Это граница приблизительная, на самом деле она проходит много западнее.

— Да ведь эта карта-то британская, поручик!

— Ну, и что? Впереди вас области, охваченные мятежом. Никто не гарантирует вам безопасность. Вы должны проехать со мной в форт Робат, а по выяснении личности, возвратиться в Сеистан.

— Гарантій я никаких не прошу: мне надо продвигаться вперед, я и иду.

— Так вы поедете со мной?

— Нет, конечно.

— Тогда, я вынужден... — рука индуса дернулась к кобуре, но он не успел даже отстегнуть клапан, как маузер Николая был уже наполовину вытащен из кобурки. Он выжидательно смотрел на лейтенанта. А сикхи, чьи руки, потянувшись к карабинам, так же не стали форсировать события. Потому, что винтовки были под рукой и у русских.

— Вынуждены что? Грозить силой? Я не стал бы этого делать, на вашем месте, — пальцы Зарудного, обхватившие пистолетную рукоятку, застыли, в незаконченном движении, точно изваянные из камня. — Напрасно ваши британские сагибы учат вас говорить с русскими путешественниками тоном надсмотрщика. Это к добру не приведет, — Даже в свете костра была заметна сероватая бледность, покрывшая щеки индуса.

— А если попытаете прибегнуть к оружию...

— Good. Я все понял, — выдавил лейтенант, судорожно убирая руку с кобуры.

— Вы не хотите слушать доброго совета — вам же хуже. Мы телеграфируем на станцию Мирджаве, и последствия будут весьма неприятны для вас, — с этой туманной угрозой, лейтенант вскочил на коня, и вскоре стук конских копыт доложил об отступлении его маленького конвоя.

— Намек на станцию Мирджаве — еще одна по-

пытка взять на испуг, и толкнуть нас головой в белуджскую ловушку. — Зарудный загнал пистолет в кобуру.

Глава 22. Странная станция Мирджаве.

— Что это — Мирджаве?

— Конечный пункт нушкинской «железки» на персидской границе. Только, уверен: там строительство приостановилось лишь до конца Бурской войны.

На следующий день вышли к маленькому селу на предгорной равнине. Первому, на пути после Сеистана.

— Урочище Дуз-аб, «воровская вода» — так, кажется, это переводится? —

Николай оторвался от карты. И показал Гермсу пирамиду, на самом высоком из окружающих холмов:

— А вон там — британский геодезический знак. Линия уходит на восток, в сторону станции Мирджаве. До нее добрая сотня верст, если судить по карте. Может быть здесь действительный конечный пункт дороги? Так они создают плацдарм, под прикрытием форта Робат. Отсюда войска, развернутые походной колонной, могут быстро выдвинуться на Сеистан, минуя афганское «осиное гнездо». Железку сюда можно дотянуть за какие-то три месяца.

К началу Первой мировой войны железная дорога действительно была протянута на Дуз-аб. Пройдут еще десятилетия, и вырастет на этом месте крупный город Захедан...

— Странно еще вот что: — продолжал Николай. — Вы заметили: последние два дня вдоль дороги тянулись какие-то странные каменные кучи, насыпанные с немецкой регулярностью, через каждые десять сажен.

На «шалости» персидских властей не похоже, но и для железной дороги они не годятся.

— Может быть, предполагается зацементировать опоры, и пустить монорельсовые вагонетки для доставки припасов?

— Бог их знает...

Пару дней спустя они услышали отдаленный паровозный свисток, нарушивший девственную тишину древней равнины.

— Никак, поезд, Михаил Михалыч?

— Да, и не более чем верстах в десяти, Николай Алексеевич.

— Думаю, там и находится пресловутая станция Мирджаве, кончик железного щупальца британской колониальной системы.

— Не подъехать ли, и не полюбопытствовать: что за пассажиров он привез?

— Почему бы и нет!

Гермс согласно кивнул.

— Сергей, остаешься в караване старшим. Мы едем в гости к господам британцам!

Поскольку все пространство вокруг станции, видимо, находилось под наблюдением, русские путешественники отправились туда пешком и налегке. Одна винтовка на двоих, фотоаппарат, бинокль, флаги с водой. Приходится, конечно, пройти пару часов по камням. Однако, вот и станционные здания, видимые за несколько верст. С востока подходит сверкающая на солнце нить железной дороги. Разумеется, радиус примерно километра все вокруг вычищено от скудных зарослей, чтобы помешать незаметному приближению лашкеров. Однако двенадцатикратный морской «цейсс» подполковника позволяет с приличного расстояния обозреть подробности станционной дислокации, внутрь которой, иначе,

как под крепким караулом русскому офицеру не дано попасть.

Расположившись между двух камней, Николай не торопясь обзвевает само укрепленное станционное здание, казармы охраны, пагдаузы, навесы для защиты от солнца выгрузившихся войск и пассажиров, депо, водокачку, дома станционных служащих, наблюдательные вышки часовых. На станции, возле путей, копошатся рабочие в чалмах. Поезд, повидимому, ушел. Однако какой-то состав стоит на запасных путях.

— Батюшки мои, зачем это они сюда эти цистерны пригнали? — длиннющий «хвост» из нескольких десятков совершенно замызганных цистерн вытянулся на путях.

— Привозная вода на станции не нужна: вон, речка блестит. Да и пить из таких ржавых цистерн — только с большой жажды.

Под одним из погрузочных навесов видна целая куча толстенных водопроводных труб. Видимо, англичане решили как следует благоустроиться. Судя по характерному блеску, это стальные трубы. Это не обычно для расчётливых англичан: такие трубы дороже чугунных.

Гермс делает пару снимков станции. Внезапно, переводя бинокль с объекта на объект, Зарудный замечает группу из десятка вооруженных всадников, едущих на расстоянии менее версты от них. Вероятно, это уланский патруль объезжает окрестности станции. Встреча с ним не сулит ничего хорошего.

— Пригнись! —

оба они ложатся на землю и спокойно пережидают, пока патруль спокойно не проезжает мимо менее чем в полуверсте от них.

— Пора возвращаться!

Стараясь остаться незамеченными, они отходят в сторону своего каравана, и часа через три оказываются в точке встречи.

Не успевают они немного отъехать, как далекий звук паровозного свистка раздается со стороны Мирджаве.

— Мне кажется, нам рано торопиться на этот поезд. У нас есть еще здесь кое-какие дела, — сказал Николай.

...

Между тем, этим вечером в урочище Дуз-аб встретились двое всадников на беговых верблюдах шотурбадах. На одном была патанская безрукавка и чалма, на другом — длинная рубаха и круглая тюбетейка белуджа-южанина.

— Ты сделал, что я просил? — задал вопрос афганец.

— Нет, — отвечал белудж. — Мы настигли их в пустыне. Но, жажда была урису нипочем. Он был подобен Азраилу, ангелу Смерти. Люди Шамсутдина были поражены этим, и убежали. Потом мы вышли на их след возле Инглизи-чах — английского колодца. Нас удивило, что русские не были встречены, как предполагалось. Но потом мой человек нашел гильзы — несколько маленьких, пистолетных, — и винтовочные, от английских ружей. А затем мы нашли могилу. Урус прошел сквозь них, как нож сквозь масло, через пятёрых метких патанов. И перебил их всех в открытом бою. И, тогда, мы, оробев, отступили снова.

— Плохо иметь дело с трусами. Ну, ладно: я сам займусь ими. А ты поезжай к грозному сердару яр-ахмедзаев, и предложи ему идти следом за ними. Он найдет себе там добычу! Но только не рассказывай ему про тот клад, из-за которого убит неверный огнепоклонник!

— А что там могло быть?

— Люди почти всегда убивают друг-друга из-за золота, глупец! И, я хочу заполучить его. А ты мне в этом поможешь!

С этими словами афганец погнал своего бегового верблюда вперед, а собеседник в одиночестве раздумывал над происшедшими событиями.

Глава 23.

Сады Ладиса.

— Дуптан! Дуптан! — белуджи, оживленно жестикулируя, показывают на виднеющуюся далеко на юге громадную гору. Раздвоенная вершина ее все еще запорошена снегом, несмотря на позднюю весну.

— Что это за гора? — спрашивает Гермс.

— Это Тефтан, самый крупный вулкан Восточной Персии. Более четырех тысяч метров. Белуджи зовут его Дуптан, от слова «дуть», то есть — «дым».

— Красивая горка!

Караван неторопливо спустился в живописную долину горной реки. Среди рощ и полей виднеются три или четыре селения.

— Это урочище Ладис? — сверился с картой Николай.

— Да. Здесь живут несколько белуджских племен, но ладизи — кочевые персы — самые главные, — отвечает Амбал. — Говорят, их сердару платят англичане: неподалеку станция Мирджаве.

— Надо купить продовольствия: муки, масла, мяса — иначе, скоро оголодаем.

Они подходят к селению.

— Салям-алейкум!

— Ва алейкум ассалям!

— Мы хотим купить у вас еду, — говорят они хозяину. Но тот красноречиво разводит руками:

— Я бы продал, но сердар получил приказ англичан: никому ничего не продавать без их дозволения.

— Вот так, да? А как зовут сердара, и где он живет?

— Сердар Ма-Риза-хан, он живет там, в своем селении Миркух, — крестьянин показывает вверх по долине. В бинокль, сквозь зелень, видны серые стены укрепления.

— Отлично, — говорит Николай.

Они останавливаются у следующего дома, и снова неудача. Наконец, тихонько пошептавшись с хозяином жилища на окраине, Лаял возвращается, и подмигивает Зарудному:

— Сертип, можешь ли ты дать человеку полтумана за барана?

— Сколько, повтори?! Впрочем, скажи — согласен.

— Давай. —

Через минуту Лаял появляется, держа на плечах связанного барана, и воровато оглядываясь по сторонам. Стан они разбивают в стороне, у реки. Разжигают костер, и, от аппетитного запаха жарящегося мяса у всех набегают слюнки. После еды настроение усталых путешественников улучшается. Однако, Николай хмурится, обгладывая «золотое» баранье ребрышко.

— Так невозможно, нам не хватит денег и на половину пути! Надо... вести переговоры.

На следующее утро он, Лаял и, Александров идут вверх по долине, в сторону селения Миркух. По дороге они встречают баранье стадо.

— За сколько продашь пару? — спрашивает он пастуха.

— Не велено продавать чужим, — хмуро отвечает тот.

Николай спокойно берет из рук Лаяла двустолку: «Бах! Бах!» — два убитых барана валяются на тропе. Затем он достает из кармана деньги и расплачивается с ошеломленным пастухом по обычной цене.

— Передай Ма-Риза-хану, если увидишь его, что урус Зарудный готов с ним договориться о расценках, — он делает своим знак поднять баранов, и путешественники уносят добычу в лагерь.

Вечером к их стану подъезжают на шотур-бадах двое мужчин: средних лет бородач в полосатой курдской чалме, и юноша в тубетейке.

— Салам алейкум! — поприветствовали они путешественников.

— Ва алейкум ассалам! — отвечали им. — Присаживайтесь к костру, отведайте нашего чаю.

Оба всадника слезли с верблюдов, и старший присел, положив охотничье ружье на колени.

— Я вижу, вы едете издалека? — спросил он.

— Да, мы русские путешественники.

— Я — Ма-Риза-хан, сердар этих мест. Я курд, потомок воинов Шах-Аббаса. Храбрые персы-ладици — мои люди. Они передали, что вы охотитесь в наших краях?

— Да. Я ждал вас, Ма-Риза-хан, и считаю, что настало время для разговора.

— Инглизи Уор-Уоппер со станции Мирджаве вас не любит. Зачем вы пришли сюда?

— Кто такой этот Вор Уоппер? Он, разве, персидский шах, чтобы решать: где нам можно ходить, а где нет? Он всего лишь начальник околотка. У меня хукма от хорасанского вали, разрешившего проезд через страну. Вот кинжал, который он мне подарил за спасение своей жизни.

— Вы смелые люди! Кому платит подать ваша страна? Персам Каджарам, или королеве инглизи? —

Зарудный расхохотался в ответ и попросил Александра:

— Сергей, будь другом: принеси, пожалуйста, берданку.

Когда винтовка оказалась в его руках, он показал

сердару клеймо Тульского завода, и спросил:

— Скажи, Ма-Риза-хан: бывает ли, чтобы страна, производящая такие винтовки, платила кому-то дань?

— Нет, такого быть не может, — убежденно ответил тот, с воодушевлением рассматривая винтовку — новинку русско-турецкой войны.

— Сейчас, как и англичане, русские солдаты-аскеры вооружены многозарядными винтовками. А вот эта — моя, личная. И я дарю ее и сотню патронов к ней, вам, Ма-Риза-хан, чтобы вы имели оружие, достойное Вас.

Сказал Зарудный, и вручил хану берданку.

Тот ухватил ее за приклад, с восторгом заглядывая в дуло, и, точно игрушкой, щелкая затвором.

— Воистину, ты мой друг, и можешь просить чего хочешь!

— У меня небольшая просьба: нужно продовольствие для отряда.

— Все будет привезено в избытке и по самым низким ценам!

— Благодарю, и верю, что вы сдержите свое слово! — сказал русский, и они скрепили договоренность, удалив по рукам.

— Да, вот еще что. Человек от Уор-Уоппера передал, что с юга может появиться ференги-ханум, тоже путешественница. Инглизи ждут ее. Но я пока не имею о ней никаких известий.

— Спасибо, сердар, — они обнялись, на прощание, с Ма-Риза-ханом, который отныне стал лучшим другом Николая.

На следующее утро, множество белуджей и персов, принесли продукты. Путешественники успешно закупили все, что им было необходимо, и, разложив припасы по верблюжьим выюкам, стали готовиться к отъезду. В это время к ним подъехал на лысом шотур-

баде еще один человек, по виду – афганец. За поясом у него торчал пистолет, на боку висела широкая сабля, а через плечо был заброшен старый английский карабин.

– Салям-алейкум! – обратился он к Николаю, в котором сразу опознал старшего.

– Я Пир-Мухаммед, афгани из Кандагара, иду на хадж в Мекку. Вы едете на юг?

– Да.

– А не нужен ли вам еще один опытный проводник? Я с удовольствием заработал бы у вас немного денег, потому, что, говорят, плата за перевоз в Аравию повысилась.

– Ну, что же... Я слышал, здесь пошаливают разбойники. Лишний человек в пути не помешает, если, конечно, ты их не боишься.

– Я?! – поднял оскорбленно брови Пир-Мухаммед.

– Я храбр, как лев!

– Тогда, присоединяйся к каравану.

Караван двинулся на юго-восток, вдоль долины реки Талаб, впадающей в громадный солончак Машкель. Русло резко выделялось зелеными берегами среди безжизненной равнины. С каждым часом жара усиливалась.

– Отличная местность для строительства «железки»: покатая равнина, наподобие Закаспийской, – говорит Николай и прячет буссоль и планшет.

– Однако будущим строителям не позавидуешь.

– Ну, летом – жара, это понятно, – сказал Гермс и вытер взмокший под шляпой лоб. – Но, можно ведь вести строительство зимой.

– Правильно. И, как раз вместе с зимней прохладой, из горных урочищ спускаются разбойные яр-ахмедзай. Им равнина принадлежит до самого Машке-ля. Амбал!

– Да, сертип. – подходит старшина чотурдаров.

– Кто сейчас сердар у яр-ахмадзаев?

– Джиан-хан. Это страшный человек. Он главный разбойник, не раз совершавший набеги на Афганистан, и на Келат. Он захватывает других белуджей, и продает их в рабство афганцам.

– Будем надеяться, что нам не придется отбиваться от него.

Равнина спускается вниз, расширяется, песок сменяет камень. Появляются барханы.

К вечеру истомленные жарой путешественники разбили лагерь. Через некоторое время Николай заметил, что Александров, задумавшись, присел в стороне.

– Что задумался, Сергей? – спросил подходя к нему Зарудный.

– Да, вот, взгрустнулось, чего-то, Николай Алексеич. Брата вспомнил. Аккурат, перед нашей отправкой письмо от него получил. Он служит в войсках манчжурской дороги, носит форму с желтым кантом. Вот, написал, что их двигают на подавление «боксерского восстания». Думаю, вот: кабы, не погиб!

– Ничего, не пропадет. Восстание-то не против русских – а, главным образом, против других колониальных наций. Вернемся в цивилизованные места – напишешь ему. Нам бы самим головы сберечь!

Пир-Мухаммед неожиданно хватается Николая за плечо и показывает на северо-запад, откуда они пришли:

– Смотри! – и тот замечает промелькнувшие вдалеке фигуры.

– Дуз! – Воры! – убежденно говорит афганец.

– Но, ничего, сертип – я их напугаю!

Он быстро забирается на ближайший бугор, и вскоре оттуда слышится его истошный крик:

— Я афгани — поपालзай! Люди вокруг, не подходите близко: убью! Если вы украдете верблюда, или еще что-нибудь, берегитесь: я отыщу вас, куда-бы вы не скрылись! В Кача-Кух, в Кух-и-Газу, или, даже, в жерле Кух-и-Тефтан!

— Я не сеистани, трусливый земледелец! Я не таджик — бачебаз, любитель мальчиков-бядчей! Я не мохамедзаи, шотурдар! Я дуррани! Я смелее яр-ахмадзаи! Берегитесь, я слышу, как лиса крадется вночи, и вижу ее глазом леопарда! Берегитесь, и не мешайте мне спать, вы, имевшие собственных матерей на чреслах убитых вами отцов!

На этом выступление Пир-Мухаммеда закончилось, и он спустился в лагерь:

— Ну, как, сертип? Теперь ты видишь, какая от меня польза?! Ночь можешь спать спокойно: все воры убежали! Я их напугал.

— Точно? — искренне смеясь спросил Зарудный.

— Точно, точно! Шакалы. Они услышали рык льва и трепещут!

Ночь прошла спокойно.

Глава 24.

Схватка в Гурани.

Нешадно палило солнце. Дорога шла между бугристых песков, лишь кое-где были видны высохшие кустики. На глинистых такырах рассыпаны желтые «камешки»: сера, кристаллизованная из выбросов Тефтана. Кажется, что путь ведет в преисподнюю.

И тут показалась блестящая поверхность речной воды. Николай хотел направиться туда. Но, Амбал качает головой:

— Шур-аб! — Здесь вода соленая, пить нельзя. А на том берегу — Келатский Белуджистан.

Внезапно, впереди показываются — человек пять пеших людей с четырьмя верблюдами. При виде отря-

да они быстро скрываются за извилиной яра. Через минуту, наверху явились четыре головы, блеснули ружейные стволы и, потянувшись к небу дымом фитилей.

— Эй, салам! Мир! — закричал Николай. — Мы адмиралы, русские! Мы не причиним вам зла!

Прятавшиеся за обрывом загасили фитили, и встали. Однако они еще несколько минут разглядывали караван экспедиции, прежде чем вступить в переговоры.

— Вы кто будете? — крикнул им Николай.

— Мы — белуджи-рики! — отвечал каравановожатый в грязной чалме вместо обыкновенной расписной тюбетейки.

— Отчего вы такие пугливые? Золото везете?

— Нет. Но за финики тоже могут убить. Приходится быть осторожными. Нынче бежали из урочища Гурани. Там сильно стреляли. Наверное, кто-то напал на яр-ахмедзаев: им принадлежат тамошние финиковые рощи, — поведаль один из белуджей, и они отпрявили дальше.

В бинокль Николай разглядел еще один встречный караван, состоявший из вооруженных наездников. Двигался он быстро, и к удивлению Зарудного обминул русских вдалеке.

С понижением местности грунт стал мягче, и верблюды оставляли следы.

— Смотри, Гурани! — Амбал указывал вперед, на дрожащий в далеком мареве, обширный пальмовый оазис. Он манил путников. Все ближе и ближе становились зеленые кроны.

Обширную низину покрывал почти одичавший разреженный пальмовый лес. Нижние засохшие вайи пальм свисали уродливыми пучками.

— Михаил, Сергей — со мной! Остальные останутся на опушке, — командует Николай.

— Я пойду с тобой, сертип! — говорит Пир-Мухамед.

— И я тоже! — прибавляет Амбал, снимая свой «Литфорд» с верблюда.

— Соблюдаем осторожность, оружие наизготовку! — предупреждает Зарудный.

Путники вступают в лес, протянувшийся широкой полосой. Подлеска нет. Сквозь пальмы видны очертания каких-то строений. Они приближаются. Это пустые глинобитные блокаузы.

Внезапно, раздается выстрел! Пуля проходит над головой Зарудного, не задев его лишь потому, что он резко нагнулся подтянуть голенище. Вторую пулю получает в ногу Александров — и, со стоном, приседает.

— Ах, собаки! — Николай, Гермс, и остальные разряжают винтовки в направлении выстрелов.

— За мной! — кричит Зарудный, пригибаясь, и щелкает затвором.

Впереди возникает какое-то движение, и Николай моментально стреляет. С боков он слышит звуки пальбы своих товарищей. Только вперед — на открытом месте их быстро перебеют, уж не говоря о такой удобной мишени, как оставленный за спиной караван! Грохочут ружья и пистолеты, визжат пули.

— Нас, кажется, обходят! — прорывается крик Михаила.

Выстрелы гремят со всех сторон, пули сшибают вайи с пальм, и с чмоканием входят в мягкие стволы. Вот прогалина среди деревьев. На ней — блокауз, остатки прошлогодних шалашей, и два десятка мертвых белуджей, лежащих в разных позах. Судя по всему, их убили недавно. Несколько белуджей отстреливаются за пальмами. Николай, нажав спусковой крючок, сваливает ближайшего противника; щелкает затвором,

целясь в другого: осечка! Он забыл дозарядить обойму. Белудж радостно скалится и вскидывает пистолет. Николай видит черное дуло, вспышку — но, пуля пролетела мимо. Белудж выхватывает саблю и кидается на Зарудного. Хладнокровно, отработанным еще в юнкерском училище движением, Николай подставляет ствол, отбивает удар и, делает выпад. И только тут он понимает, что штыка нет, и, хотя противник согнулся от боли, но через секунду придет в себя, и достанет его. Однако он успевает перевернуть винтовку и бьет белуджа прикладом по голове. Подставленная сабля лишь ослабляет удар — окровавленный противник оседает, и инстинктивно ползет куда-то под пальмы.

Николай вспоминает про пистолет, забытый им в пылу схватки. Он бросает винтовку, и, выхватив оружие, успевает застрелить белуджа, целившегося прямо ему в грудь. Пуля сбивает с его головы фуражку, он стреляет в белуджа, высунувшегося из-за пальмы. Противник дергается, падает ничком, выронив дымящийся пистолет — и, тут Зарудный с ужасом видит светлые волосы застреленного.

«Александров, брат! Неужели не узнал в горячке?!» — молнией проносится в голове. Но нет, убитый одет, как и другие белуджи.

«Слава Богу, ошибся!» Николай продолжает стрелять, укрываясь за углом блокауза. Среди пальм мелькает белая фуражка Михаила, и, тотчас пуля сшибает там пальмовую ветку. Зарудный стреляет на вспышку. Внезапно, выстрел раздается рядом, пуля визжит над ухом. Полуобернувшись, Николай посылает назад веером последние пули, чтобы достать подкравшегося врага. Однако, безрезультатно, — кто-то кидается прочь из ближайших пальм.

Он быстро перезаряжает маузер. За пальмами слышна ожесточенная пальба — раскатистые выстре-

лы винтовок и редкие трескучие хлопки белуджских ружей. Впереди, как из-под земли, возникают еще двое или трое белуджей, которые пытаются поднять и, унести светловолосого. Кажется, это их предводитель. Пуля Зарудного сражает одного из них. Двое других одновременно вскидывают ружья – залп! Голову буд-то огнем обожгло! Что-то липкое течет по щеке. Но, не обращая на это внимания, он стреляет снова, и, еще один противник оседает на землю. Третий скрывается за пальмами.

Убедившись, что рана не опасна: пуля лишь сорвала клочок кожи, – Николай бросается вперед, зигзагом бежит через поляну. За то время, пока он добежал до пальм, не прозвучало ни одного выстрела. Внезапно, прямо перед ним вырастает белудж, они одновременно вскидывают оружие – но, Зарудный успевает выстрелить раньше, и, пуля противника бесцельно ricoшетит от пальмы. В тот же момент Николай замечает под пальмой еще одного белуджа. Вскинув оружие, он, видит, что тот привязан к стволу. Это длинноволосый человек с резкими чертами лица, и бородой, в которой проступала обильная седина. Только сейчас Николай вспоминает, что все его противники, кроме светловолосого вождя, были бритоголовые, как и положено белуджам-южанам.

Похоже, «битва под пальмами» закончилась – выстрелов больше не было.

– Ты кто? – спросил он у связанного человека.

– Я – Хан-Магомед, брат Жиан-хана, сердара ярахмадзаи! – С достоинством ответил пленник. – Освободи меня.

– Знатное имя! – сказал Зарудный, и, подобрав саблю, разрезал на нем веревки.

– А эти кто? – указал он на убитых.

Они оба садятся на землю: Николай – передохнуть

после схватки, а белудж – потому, что его плохо держали ноги.

– Собаки – гамшадзаи, люди Мир-Абдуллы-хана из Джалка, пса англизи!

– Ты хочешь сказать, что этот Мир-Абдулла получает английскую субсидию?

– Именно так!

– А кто тот, светловолосый? Инглизи?

– Нет, это Мир-Лал-хан, один из приближенных Мир-Абдуллы.

– Что здесь произошло, и как ты оказался в плену?

– До меня дошло известие о том, что с юга, из Келата, сюда едет какая-то ференги-ханум. Я пришел с несколькими людьми, чтобы предложить ей охрану. Но, здесь ее, оказывается, уже поджидали люди Мир-Абдуллы: правитель Сиба, подлый Гулям Рассул-хан, и Мир-Лал-хан с гамшадзаями. Они перестреляли южан-мекрани, которые шли с ней. Затем, вступили в схватку со мной, и убили пятерых моих людей, которые дрались как львы! Меня они хотели оставить здесь – но, ты избавил меня от его участи! – Хан-Магомед кивнул в чашу, и Николай разглядел там привязанный, высохший на жару труп.

– Они не хотели брать на себя мою кровь, думали – это избавит их от мщения Жиан-хана! – он презрительно плюнул.

– Значит, Гулям-Рассул захватил женщину-ференги?! Куда же они делись?!

– Гулям-Рассул хвалился, что, по просьбе англизи, Мир-Абдулла поручил ему устроить свидание одного уруса с его предками. Так он сказал. А затем объявил, что ференги-ханум ему пришлось по сердцу, и он возьмет ее своей сига, а может быть, даже и хатун хозяйкой дома. И, он отправился с нею на шотурбадах на запад: думаю, или к Мир-Абдулле, или в Без-

ман, где все это может проделать не торопясь и без помех. Ибо, если мой брат застигнет его здесь без штанов, они ему больше не понадобятся. — Хан-Магомед хихикнул.

— Мир-Лал-хана, с его лашкерами, он оставил дожидаться уруса, который, как ему сообщили, непременно должен здесь пройти.

— Мир-Лал-хан дождался меня, — заметил Николай, заряжая маузер.

— А, так ты и есть тот самый урус-джасус?! — с неподдельным интересом воскликнул Хан-Магомед.

— Ну, я не настаиваю на почетном титуле шпиона...

— Нет, я не хотел тебя обидеть! Просто, мой брат, Джиан-хан, тоже получил подобное предложение от англичан, и я не слышал, чтобы он собирался от него отказаться. Но, теперь он тебе не враг: я замолвлю перед братом за тебя словечко. Конечно, так как Гулям-Расул хан забрал с собой мое оружие, я бы сказал тебе «рахмат», если бы ты подарил мне такую же винтовку, как у тебя...

«Достойный брат разбойника!» — подумал Николай. — «Только его вынули из петли, а он уже ищет, где пожить!»

— Хуб, хорошо! — ответил он. — Над этим стоит подумать, если ты сможешь в поисках захваченной женщины. —

И, пожал руку еще одному новому другу, он отправился к своим. Собравшись на прогалине, они подвели итог схватки. Похоже они уложили четырнадцать человек. Половина была на счету самого Зарудного. Раненый Александров, который мог ходить с трудом, и прикрывал их тылы, тоже подстрелил одного. Гермс и Амбал уложили по два врага. Пир-Мухаммед хвастался, что подстрелил троих, многозначительно похлопывая по прикладу «англичанки» Мартини-Генри,

образца 1860 года. Николай усомнился, что он успел сделать три точных выстрела из старого карабина. Но окровавленная сабля, говорившая о добитых раненых, плюсовала итог душ, отправленных к Аллаху. Афганец и сам был ранен в плечо, однако отверстие было невелико, как от маленькой револьверной пули. Вероятно, ружье одного из белуджей было заряжено картечью? Стреляли, должно быть, в упор, но, промахнулись: попала единственная пуля, которая прошла на вылет.

В поисках укрывающихся врагов они прошли оазис до опушки. Дальше простиралась, уходя в бесконечность, плоская, глинистая равнина.

— Надо бы посмотреть что там, впереди? —

Довольно ловко, хотя, и обдирая локти, Николай забрался на высокую пальму. Оттуда был виден далеко на юге громадный белый солончак, напоминающий озеро.

— Амбал, что это там белеет? —

Крикнул он сверху. Пальма тут же начала сотрясаться: белудж лезет наверх. Затем раздается восторженный крик:

— Дель-и Машкиль! «Сердце Машкея!» — воскликнул Амбал, указывая на солончак.

Значит, это там самая глубокая часть впадины, которую они, наконец достигли. Там начинается занятый британцами Келатский Белуджистан, и стало быть, в этом месте исключена прокладка русской железной дороги.

— Возвращаемся! — скомандовал Зарудный.

Внезапно, из глубины рощи раздался громкий рев. Все сбегались на этот звук, и на поляне среди пальм, обнаружили четырех привязанных верблюдов. Принадлежали ли они шайке гамшадзаев, или каравану европейской путешественницы — уже не имело значения.

— Возьмем их, и используем для погони за Гулямом, — сказал Николай. И они поторопились возвратиться к своим. Однако, на том месте, где Зарудный бросил обоз, никого не было! И лишь через минуту он увидел плотно поставленных друг к другу верблюдов, из-за которых выглядывали головы трех чотурдаров с ружьями наизготовку. Только Ахмедов пропал.

— Эй, Аджи! — позвал Зарудный.

— Я здесь, Николай Алексеевич! — раздается откуда-то голос переводчика. — Вот, позаботился о том, чтобы сохранить караван!

Зайдя в тыл, Николай замечает ложемент из выюков, за которым отсиживался переводчик. Услышав стрельбу, он явно не растерялся.

— Забирайте верблюдов: идем к «шар-и-гурани» — «шалашному городу»! — сказал Николай.

Белуджи погнали верблюдов к широкой прогалине, на которой происходило сражение, однако животные, почуяв запах смерти, заупрямились. Люди подгоняли их палками, чтобы подвести к колодцу под пальмами.

— Приберите трупы! — приказал Зарудный чотурдарам.

Белуджи начали перетаскивать тела под пальмы. Внезапно, один из них призывно замахал рукой:

— Эй, иди сюда! Смотри, этот светловолосый — шайтанопоклонник! —

Действительно, на шее Мир-Лал-хана обнаружился странный талисман на гайтане. Это была вытертая до желтизны бронзовая фигурка обнаженного человека с венком на голове, и с палец величиной.

— Что это? Как сюда попал этот предмет? — удивленно произнес Николай, разглядывая фигурку. — Вещь не мусульманская: скорее, античной работы?

— Это же Дионис, бог винопития и веселья! — не ме-

нее удивленно говорит Гермс, заглядывая через его плечо.

— Да откуда он здесь?!

— Так ведь тут, южнее, армия самого Александра Македонского прошла, возвращаясь из Индии.

— Неужели с той поры уцелела? Впрочем, может быть, потому он и светловолосый, что его предком грек был? В древности среди них много светловолосых было, да и нынче немало осталось.

Глава 25.

Разбойник Джиан-хан.

Николай распаковал ящик, и, достал новенькую, еще в смазке, трехлинейку, и проверяет, хорошо ли смазан затвор. Затем, подошел к Хан-Магомеду, и спросил:

— Ты сможешь мне найти ференги-ханум?

— Клянусь своей бородой, что приложу для этого все силы!

— Тогда бери ее! — и он протягивает винтовку белуджу.

Несмотря на седину, Хан-Магомед затанцевал на месте, и трижды облобызал ружье. Его глаза вспыхнули молодым огнем.

— Ты знаешь, как ставить планку прицела, заряжать?

— Конечно! У Джиан-хана есть такие винтовки. Англичанин Уор-Уоппер подарил ему десять штук за то, что он не будет нападать на железную дорогу. А у меня была своя, однозарядная — но ее забрал Гулям-Рассул. Ты дай мне еще патроны!

Николай вручил ему коробку с сотней патронов, и показал, как снаряжать магазин при помощи обоймы. Хан-Магомед успокоился:

— Хочешь, я покажу тебе, как я умею стрелять? Ты увидишь, что твоя винтовка попала в хорошие руки! Пойдем на опушку.

Они вышли к окраине рощи, и белудж показал на камень, лежащий в трехстах шагах от пальм.

— Видишь, тот камень? Я попадаю в него. —

Он вскинул винтовку, долго целился, затем плавно нажал на спуск — грохнул выстрел, от камня взлетел дымок, донесся звук рикошета. Попав еще пару раз подряд, Хан-Магомед обернул исполненное неземного блаженства лицо к Николаю. Он поглаживал ложе винтовки, как гладят тело любимой женщины:

— Да-да за это оружие я найду тебе не то, что Гулям-Рассула, а самого Иблиса выну из ада! — от волнения он заикался.

В этот момент, на краю котловины показался отряд всадников, издали казавшихся игрушечными. Оттуда долетел звук выстрела.

— Эй, живее в блокгауз! — крикнул Николай своим.

— Амбал, верблюдов гоните в лес, туда, где нашли тех четырех! Мы укроемся в укреплении, и, посмотрим — кто едет!

Поднялась суматоха, трое чотурдаров погнали верблюдов вглубь пальмового леса. Остальные путешественники засели в блокгаузе, распределив позиции возле бойниц. В строении было затхло и темно. Александров, который из-за раны не мог сидеть на корточках, лежал и матерился. Зарудный и Хан-Магомед, пожелавший показать свое бесстрашие, оставались снаружи. Стало слышно, как тревожно перекликаются всадники, росло напряжение. Вот показались первые люди, ступившие на поляну с ружьями наперевес! И тут Хан-Магомед, как безумный, принялся размахивать руками:

— Это же я, Хан-Магомед! Посмотрите на меня!

жив! Здесь наши друзья!

Лашкеры приостановились, и из-за пальм появился еще один человек. Это был вождь, которого окружала целая свита вооруженных белуджей. Пригладевшись, он быстрыми шагами направился к блокгаузу, но на полпути остановился.

— Ака, ака! Брат! — бросился Хан-Магомед, почти что, на грудь ему.

Вблизи стало видно, что свита Джиян-хана — самого разбойничьего вида: лица в шрамах, обвешанные оружием с головы до ног — настоящие волки пустыни. А сам он был еще примечательнее: высокий, худощавый, с длинными волосами, спускавшимися до самой середины спины, и длинной редкой бородой. Лицо его было исполнено мрачной хищности, а взгляд, переходивший с Хан-Магомеда на Зарудного, был пристальным и жестоким, с сумасшедшим выражением. Из оружия при нем были только кинжал и, британский револьвер «уэбли» с прямоугольной рукояткой, торчащий за поясом.

— Это мой брат, сам Джиян-хан, великий вождь яр-ахмедзай! —

сказал Хан-Магомед. В это время белуджи заметили трупы, которые не успели закопать чотурдары, и, посылались угрожающие выкрики.

Хан-Магомед поспешил разрядить обстановку:

— Я рад, что ты, брат, поспешил мне на помощь! Но, к счастью, меня успели выручить люди этого храброго уруса. Они перебили всех жалких гамшадзаев во главе с Мир-Лал-ханом, которые предательски напали на меня и моих людей. Лишь я один остался жив.

— Я, даже, и не знал, что ты в беде! — раздался резкий голос Джиян-хана —

— Как, разве ты не перехватил отряд Гулям-Рассула хана? Ведь они вместе напали на меня.

– Нет, клянусь Аллахом! Мы видели вдалеке отряд верховых, примерно в одном переходе отсюда. Но, так как мы торопились, а они повернули в сторону гор, то я даже не разглядел их как следует. Мы спешили по другому делу. Ты говоришь, что тебя выручили адам-други?

– Да.

– Нет ли среди них Зарудни-уруса?

– Это я! – отвечал Николай, внутренне напрягшись перед возможной схваткой.

– Инглизи Уор-Уоппер, «раис-и-ра» железной дороги, хочет тебя арестовать, или, получить твою голову. Но, теперь я не могу, конечно, выполнить его просьбу – ведь ты спас моего брата от смерти? –

В глазах Джиан-хана читалось явное сожаление об упущенной выгоде.

– Он обещал за тебя двести рупий, от которых я буду вынужден отказаться. Ты можешь хотя бы частью возместить этот убыток?

– Я не пекусь о личном спокойствии. Однако желаю, чтобы ты, сердар, не таил на меня никакой обиды. И хочу, в знак дружбы подарить винтовку не хуже тех, что дали тебе англичане, и, немного рупий, поскольку не так богат, как мои недруги.

– Лязим! – «подходит!» – кивнул Джиан-хан.

– А для чего ты путешествуешь по нашей стране?

– Я изучаю ее. И, смотрю, какую выгоду можно получить от торговли с этим краем. Но, сейчас у меня новая забота. Гулям-Рассул хан захватил ханум, совершавшую странствие, чем нарушил как европейские законы, так и заветы Пророка. И я должен освободить женщину из его лап. Хан-Магомед взялся помочь мне в этом деле. Не желаешь ли ты принять в нем участие?

– Если это его отряд мы встретили по дороге, зна-

чит, он отправился в те края, где поднялся сейчас Гуссейн-хан – сердар племени наруи. Мы не друзья с ним, и отправиться туда для меня неосмотрительно. Однако я дам пару людей Хан-Магомеду.

Николай вручил Джиан-хану винтовку с патронами и двадцать рупий. (Он обменял на них туманы в Ладисе, так как на юге в ходу были серебряные индийские рупии). Получив подарок, Джиан-хан со своими людьми тут же собрался уезжать из оазиса. Он оставил двух лашкеров в распоряжение брата. Напоследок, оглядев отряд Зарудного, но, так и не увидев того, кого желал, негромко проронил Николаю:

– Слышал ли ты басню про скорпиона, ужалившего перевозившую его лягушку? Не будь лягушкой. К моему брату, как ты понимаешь, басня отношения не имеет.

Сделав это странное предупреждение, он погнал своего шотур-бада на север, и его разбойничий конвой запылил следом. Когда отряд белуджей исчез за уменьшающимся, по мере отдаления, облаком пыли, из блокауза показался Пир-Мухаммед.

– Слава Аллаху, этот человек не причинил вам вреда, сертип! – воскликнул он. – Но, я бдительно следил за каждым его движением, и выстрелил бы, возникни хоть малейшая опасность! Однако твою винтовку он использует для плохого дела.

– Пускай эти соображения волнуют англичан, которые подарили ему вдесятеро больше ружей! – ответил Николай.

Не прошло и часа, как караван вышел из Гурани, и спешно двинулся в направлении видневшейся вдалеке вершины Тефтана.

Они ехали быстро и к концу следующего дня достигли галечной равнины – рикзара. Равнина была безводна, но Хан-Магомед обещал на следующий день выйти к источникам в горах. Пока что воды в бурдюках хватало. Дорожную скуку рассеивали двое лашкеров, оставленные брату Джиян-ханом. Их рассказы были примечательны, поскольку оба разбойника побывали во многих переделках. И только выносливость, присущая белуджам, позволила им выжить. Один показал Николаю грудь, простреленную в области сердца.

Второй просто ткнул пальцем в зубы: пуля, войдя ему через правую скулу, вышла через верхнюю челюсть слева, пробив гортань. На следующий день вошли в ущелье, утесы которого отвечали на голоса людей раскатистым эхом.

– Горы Газу, – сказал Хан-Магомед. – Мы выедем к большому селению Камалабад, расположенному на реке. Кедхуда снабдит нас всем. Над ними простирается рука моего брата.

Действительно, вскоре открылась долина горной реки, и селение, окруженное зелеными садами.

Сопровождаемые лаем собак, всадники подъехали к дому старосты. Кедхуда, бородатый перс, вышел навстречу. Он поклонился Хан-Магомеду:

– Салям алейкум! Да продлятся твои дни, сердар! Однако, что это за люди с тобой? – голос его звучал глухо.

– Это урусы, они приехали с севера. Мы преследуем Гулям-Рассул хана, захватившего ференги-ханум.

– Гулям-Рассул-хан был вчера. Он взял для отряда продовольствие. Но мы не видели, везет ли он кого с собой, так как останавливался он за селением.

– Как, вы предоставили пищу негодяю, который на меня напал?! – возмутился Хан-Магомед.

– Чтобы искупить свой проступок, ты должен сказать, куда он направился отсюда!

– Но, сердар! – растерялся кедхуда. – Он пошел через горы, а там сто дорог открывается перед караваном в разные стороны: на север, на юг, на запад! И в каменистой пустыне не сыскать следов.

– Подожди, Хан-Магомед! – вмешался Николай.

– По ту сторону гор, как подсказывает мне карта, простерлась равнина.

– Бале, да! Вы правы, сахеб!

– Значит, идущий по ней отряд можно будет увидеть с вершины Кух-и-Тефтан!

– Как, ты собираешься туда подняться? – удивился Хан-Магомед.

– Это отнимет у тебя целый день!

– Мне все равно нужна буссольная съемка с вершины. Ты можешь дать мне проводника?

– Конечно, – сказал Хан-Магомед, окликнув того из белуджей, у которого была прострелена грудь. – Азим! Отведешь сертипа на вершину Дуптана. Понял? – лашкер кивнул.

– Я тоже пойду с тобой, сертип, чтобы охранять тебя! –

ударил себя в грудь Пир-Мухаммед. Червячок сомнения в правильности выбора спутников шевельнулся в душе Николая, но усыпляя его, он произнес:

– Хуб! Хорошо! Еще со мной пойдет Амбал. Михаил, принимай командование караваном! Будете ждать нас у селения Чаури-Талкаб.

– Есть, Николай Алексеевич! – сказал Гермс.

Четверо всадников отделились от отряда, и двинулись на север.

Стуча каблуками по верблюжьим бокам, Николай

понуждал «скакуна» резвее подниматься на цоколь Кух-и-Тефтана. Впереди по тропе двигался Азим, за ним — Зарудный, дальше — Пир-Мухаммед, и замыкал шествие Амбал. Ему Николай доверял более всего.

По настоянию яр-ахмедзая они набрали из речки полные бурдюки, так как наверху воды уже не будет. Подъем среди камней и глыб труден. Наконец, они на волнистой равнине, откуда открывается вид на окрестности. Над ней воздымается исполинский конус. Они подъезжают к огромной трещине, рассекающей склон вулкана: по ней предстояло подниматься дальше. Вниз уходила пропасть: малодоступное, угрюмое и глубокое ущелье. Однако уже смеркалось. Решено продолжать подъем на следующий день.

Люди развьючивают верблюдов, а Николай, отойдя, любуется открывающимся зрелищем. Окружающие горные хребты и плоскогорья, кажется, лежат под ногами. Из-за ближайшей вершины поднимается пар, словно тающий среди проступивших звезд. Пурпуровая заря гаснет на востоке, среди пыльной мглы, по мере того, как алые отблески солнца скрываются на закате. Тени востока и запада поднимаются, сливаясь в единую тьму, и, наступает тихая звездная ночь.

Теперь только слабый огонь костра разрывал темноту, окутавшую склоны горы. Возле огня прикорнули фигуры дремлющих путешественников. Холодало. Николай встал и отходит оправиться в холодную тьму. Он шел осторожно — можно слететь в ущелье, которое где-то рядом. — «Зря не взял посветить головешку», — подумал Зарудный. — И вдруг, уже застегивая штаны, он почувствовал, как что-то мягко, но сильно толкнуло его под ноги! Он стал скользить куда-то вниз, в бесконечность! Руки хватают пустоту. В последний миг он успевает левой рукой ухватиться за какую-то ветку, ладонь пронзила острая боль — но, все равно, он не

разжал пальцы, повиснув на одной руке над темной бездной!

— Эй, на помощь! На помощь! —

отчаянно закричал Зарудный, беспомощно болтаясь над пропастью. Затем, к счастью, нога его находит выступ на скале и, опираясь на него, он всем телом прижался к шершавой поверхности камня. Примерно через минуту, в ответ на его крики, наверху слышались звуки голосов, и над ним, на краю обрыва, возник огонь, освещавший человеческие лица.

— Это ты, сертип? Держись, сейчас выручим! —

что-то черное и длинное, как змея, скользнуло по его лицу. Николай схватился правой рукой, и это оказался кожаный ремень с узлом, завязанным на конце. Он ухватился и левой рукой, с трудом удержав крик боли. Она, почему-то скользила, он изо всей силы сжал пальцы. Его потянули вверх, он отталкивался от склона ногами. Наконец, Николай перевалился животом и, ломая ногти, вскарабкался на край обрыва. Несколько минут он полежал, хватая ртом воздух.

В круге света, отбрасываемый костром, Николай увидел, что его левая рука в крови, и в ней торчат застрявшие шипы: как видно, он схватился за колючую ветку кустарника. Лишь эта случайность и спасла его от почти неминуемой гибели. Похоже, кто-то из спутников толкнул его вниз! Кто, и почему? Азим? Но это ведь яр-ахмедзай, проявив смекалку бывшего горца, сбросил ему ремень с узлом, чтобы втащить наверх! Пир-Мухаммед? Он спал, и, последним присоединился к тянувшим. Амбал? Не может быть! Неразрешимая загадка! Николай занялся разодранной рукой. Ладонь была разрезана глубоко: ему пришлось, сжав зубы, промыть рану и зашить ее края прокаленной иглой. Затем наложив тугую повязку, он ненадолго смежил веки.

Едва первые лучи рассвета коснулись неба, замерзшие люди пробудились. Они наскоро разогрели чай и закусили холодным мясом. Перед подъемом, Николай отошел в сторону, и заглянул в пропасть. Ближайший выступ, на который он мог упасть, находился саженях в пяти – шести вниз. И если бы не удача, то сломанная нога была бы наименее неприятным для него исходом. Кто же столкнул его? Он решил быть в дальнейшем осторожнее.

Пир-Мухаммед остался сторожить верблюдов, а остальные двинулись вверх, по расщелине, заваленной крупными скальными обломками. Наконец, они одолели ущелье, добравшись до седловины, где земля парила, «благоухая» сернистым газом.

Восходители медленно взбирались выше, на усыпанную светлыми обломками западную верхушку вулкана. И вот перед ними – круглое отверстие, аршина полтора в диаметре. В глубине – яма, стены которой покрыты слоем желтых и белых кристаллов серы и нашатыря. Из недр со свистом и шумом выбрасывается густой белый пар с резким сернисто-аммиачным запахом. От него свербит в носу и слезятся глаза.

– Чувствуешь, как земля под ногами дрожит? – спрашивает яр-ахмедзай. Николай прислушивается, и различает клокотание в глубине природного котла. Земля действительно вибрирует.

– Зимой нашатырь вычерпывают, ковшами на длинных ручках. А летом никто не поднимается: если задержишься, заболеешь, будешь кашлять.

Воронкообразный древний кратер лежал между тремя вершинами Тефтана; к востоку они обрушивались в глубочайшие пропасти, откуда поднимался пар. С высоты горы во все стороны открывался бескрайний горизонт, целые хребты казались отсюда гривами и буграми, а широкие долины и котловины узеньки-

ми трещинами и пятнами. Николай оглянулся вокруг, поднес к глазам бинокль и медленно обвел линию горизонта:

– Наконец-то, вот он – отряд Гулям-Рассула! – воскликнул Николай, резко вытягивая левую руку и тут чертыхаясь от резанувшей боли. Далеко-далеко внизу, на юго-западе, он увидел крохотную черную цепочку, которая казалась неподвижной. Там, на самом горизонте, поднималась коническая вершина.

– Они идут в направлении вулкана Кух-и-Безман. До него, по карте, порядка ста двадцати верст. Движутся к проходу в горах Пиршоран.

говорит Николай, уткнувшись в карту, вырываемаую ветром из рук.

– Дай-ка эту штуку! – проводник взял у Зарудного бинокль, поднес его к глазам, и восторженно произнес:

– Ай, я все вижу! Я как орел! Какая замечательная вещь! Даже у Джиан-хана нет такой! Я знаю, отряд конечно идет в Безман. Тамошний каср, замок, у него в управлении. – Азим неохотно возвращает бинокль.

Зарудный берет азимут на караван. Затем он делает топографическую съемку, быстро засекая самые заметные вершины. Однако, сверяя результаты с английской картой, он пришел в ярость и пробормотал:

– Рукоуси! Где их хваленая точность! – наспех исправив самые крупные погрешности, он проверил показания барометра: высота вулкана была действительно около четырех километров.

– Живее вниз! – скомандовал Зарудный.

Спустя несколько часов они добрались до оставленных верблюдов и, поехали дальше на запад. Николай уже видел сверху свой караван. Но что это? По направлению к нему, с северо-востока приближалась еще одна цепочка всадников. Солнце искорками поскверкивает у них на ружейных стволах! Николай при-

казал быть настороже. Спускаясь, они миновали селение.

— Чаури-Талкаб! — говорит яр-ахмедзай.

Значит, караван должен ждать их где-то поблизости. Подножия горы достигли лишь в сумерки, и без лишнего шума поехали вперед, опасаясь столкновения с неизвестным отрядом. Но, вот уже мелькает впереди пламя разведенного костра, однако Николай обнаруживает, что не он первый пожаловал на огонек. Выстрел! Слышны громкие голоса, далеко разносящиеся в вечерней тишине: спорят по-английски.

При свете костра видно: русские путешественники окружены сикхскими и афганскими всадниками в британской форме, и с винтовками наперевес. Однако возглавлял их офицер-европеец:

— Что вы делаете в мятежной области близ британских владений? Вы должны отправиться с нами в Мирджаве без разговоров! — повелительно кричал английский лейтенант на безоружного Гермса.

— Иначе, применим оружие!

Внезапно, его внимание привлекла винтовка на плече Хан-Магомеда.

— А это что у тебя на плече? Русская винтовка? Это тебя вооружили русские? А ну-ка, отдай ее мне! —

англичанин протянул руку и схватил винтовку за цевье. Но, яр-ахмедзай, схватившись за ложе, оружие не отпустил.

— Вы вооружаете белуджей против нас, негодяи? Это вам тоже зачтется! Товсь! — отдал команду лейтенант, и раздалось угрожающее щелканье затворов.

— Вы хотите отобрать винтовку у брата Джиянхана. Оставьте его в покое — сказал Михаил.

— Ма-алчать! — истошно вопит англичанин.

Внезапно, из темноты, прямо за спинами сикхских

и афганских стрелков раздается щелчок взведенного курка и звучит голос:

— Я вижу, джентльмены затеяли серьезный разговор в отсутствие хозяина. Ну-ка, опустите оружие, пока я не продырявил вам головы!

— Ты кто?! — лейтенант выхватывает револьвер, но в это мгновение темная фигура стремительно скользит между всадников и стальной ствол больно упирается в лоб англичанину.

— Уберите револьвер — и, без резких движений, мистер! Иначе я прострелю вашу тупую башку! Велите также вашим людям опустить оружие! — холодно говорит Николай. Он появился, точно черт из табакерки. Офицер секунду медлит, но в тылу его отряда раздается предупреждающее щелканье затворов. Багровый от злобы, офицер отдает приказ опустить винтовки.

— Теперь я объясню вам, что мы здесь делаем, — спокойно продолжает Николай.

— Но в данный момент мы заняты другим. Мы преследуем разбойника, взявшего в плен белую леди, путешественницу из Европы. Ради этого мне пришлось даже поменять свой маршрут. Если у вас есть кураж, сэр, можете присоединиться ко мне, русскому подполковнику. Мы идем на Безман.

— Советую вам поехать в Мирджаве, если хотите дешево отделаться, — бурчит лейтенант.

— Превосходство на моей стороне. Убирайтесь в Мирджаве, и почитайте учебник по светскому поведению, если таковой там найдется. Попутного ветра вам, сэр! — произнес Николай. Англичанин, помедлив несколько секунд, вскочил на коня, и под прицелом «маузера» и винтовок, не оглядываясь, с руганью, ретировался, вместе со своими людьми.

— Хорошо, что вы вовремя пришли, Николай Алек-

сеич! – говорит Гермс. – По-моему, он искал повод пристрелить нас.

– Пустяки! Ведь все закончилось благополучно. Поднимайте караван, пойдём по звёздам: я засек направление, в котором улетает коршун с трепетной голубкой в когтях. Ночью больше пройдем.

– Сертип, Пир-Мухаммед хотел стрелять в инглиза: я еле поймал его за руку! – сказал негромко Амбал.

– Да, знатная была бы бойня! – заметил Николай.

Глава 27.

Перехват.

От скал и песка пышет зноем. Люди, едущие на верблюдах, от жары погружены в сонную истому. Скрылись даже ящерицы, испещрившие пески загадочной клинописью. А впереди все больше увеличивается в размерах исполинский конус Безмана.

– Ну, как, Миша – жив? – голос Зарудного хрипл.

– Жарковато немного, – Гермс отпивает глоток воды из фляжки.

Задеревенев в седле, седоки слезают, и идут пешком. Однако, суматошный пульс и вспыхивающие перед глазами огненные круги, вынуждают их снова влезать на верблюдов. Мертвенно тихо в горной пустыне. Только камни шуршат под копытами животных.

Подъезжает Хан-Магомед, и объясняет:

– Равнина приведет нас к деревне Безман. Замок в стороне, под самой горой, на холме. Приступить туда трудно. Однако там есть кяриз, сотворенный волей самого Аллаха: можно пробраться по нему, если соблюдать осторожность. До касра осталось менее пяти фарсахов (верст двадцать пять). Однако верблюды устали: лучше переждать жару.

– Хуб! – соглашается Николай, и они расставляют палатку.

Под утро они проходят лошину, выезжают на широкую каменистую равнину. Внезапно, появившись словно приведения из утренней дымки, их на конях и верблюдах окружают всадники в красном.

– Стойте! – властно командует высокий, мужественного вида молодой предводитель.

Окинув взглядом полсотни человек, нацеливших на них ружья и пистолеты, Николай понял, что сопротивление бесполезно.

– Кто вы такие? –

Спокойно, точно это к нему пожаловали гости, спрашивает Зарудный предводителя.

– Я – Байрам-хан, сердар племени баранзай! –

горделиво выпрямляется в седле всадник.

– Мы посланы Гуссейн-ханом, нашим вождем, спросить у вас, инглизи: почему вы не оказываете нам поддержку против Каджаров, как обещали?!

– Мы не инглизи. Мы – адам-руси.

– И что же вы здесь делаете? – слегка опешил сердар.

– Мы преследуем Гулям-Рассул хана, похитившего ференги-ханум.

– Теперь вы поедете со мной! Заберите у них оружие, отвезем их к Гуссейн-хану: он решит их судьбу!

– Постойте! Оружие мы не отдадим: оно у нас не для красоты, и пользоваться мы им умеем.

– Что?! – вспыхнувшие огнем глаза предводителя встречают твердый, как сталь, взгляд русского.

– И, потом, мы сами поедем к Гуссейн-хану. Может быть, он решит помочь нам? – Николай держал руку на маузере непринужденно, точно на подлокотнике кресла.

– Ну, я вижу, вы договорились. Тогда я вернусь, а

там, даст Аллах, свидимся! – вмешивается в разговор Хан-Магомед.

– То есть, как это – ты не поедешь? – резко разворачивается к нему Байрам-хан.

– Вряд ли Гуссейн-хан будет рад такому гостю. Еще меньше это понравится и Джиан-хану, моему брату.

– Ты – Хан-Магомед?

– Да, во имя Аллаха!

– Тогда лучше тебе не показываться на глаза Гуссейн-хану. Я знаю, что Джиан-хан отказался сражаться против каджаров!

– Они ему не слишком досаждали. А без пользы терять людей и тратить патроны – не в его обычае.

Баранзай возмущенно загомонили, но Байрам-хан движением руки успокоил их.

– Я не могу задерживать собрата, даже если он не участвует в общем деле. Возвращайся, или поезжай с нами – мне все равно.

– Тогда я вернусь, – и, яр-ахмедзай, махнув рукой на прощание, повернул верблюда. Николай лишь пожалел о подаренной винтовке.

Плененный караван повернул на юг. В отклонении от маршрута была своя польза. Наладить отношения с вождем восставших необходимо: иначе трудно продолжать путешествие. Конечно, спутников Зарудного толпа вооруженных белуджей нервировала. Но они не выказывали страха. Николай ехал рядом с молодым предводителем, и спрашивал его:

– Почему вы решили восстать, если, до сей поры, терпели персов?

– Каджары всех обобрали до последней нитки. Они требовали уплаты налогов независимо от урожая. Если денег не было – забирали девушек, оружие. Узнав, что старый Каджар убит, Гуссейн-хан потребовал снизить налог с одной трети до одной десятой урожая. Полу-

чив отказ, он собрал четыре тысячи человек, и двинул их на каджаров, на Бемпур. Мы осадили крепости.

– Но, друзья подводят: они не присылают пушек, и, осада главной твердыни бесплодна.

– Под друзьями ты имеешь в виду англизи?

– Да.

– От них был посланец перед восстанием?

– Точно не поручусь, но Гуссейн-хан осторожный и опытный предводитель. Он не стал бы действовать, не заручившись союзниками.

– Я разочарую тебя, вождь: племена пуштунов восстали, по всей границе с Индией, и, к тому же британцы ведут большую войну за морем, в Африке. Поэтому, вряд ли у них освободятся руки, чтобы помогать вам.

– Значит, ты считаешь, что мы обречены?

– Иншалла! Все в руках Божьих, как говорите вы, мусульмане, и как говорим мы, те, кого вы зовете «исаи»: христиане. Что подвигло лично тебя, Байрам-хан, примкнуть к Гуссейн-хану?

– Несправедливость. Прежний вали, за взятку, передал часть моих наследственных земель Мир-Абдулла хану.

– Тому, который служит англичанам? Значит, вы с врагом в одном лагере?

– Да, но что мне делать? Смирить честь и гордость? Что тогда останется от мужчины?

– Да, боюсь вы немного запутались, мой юный вождь.

На следующий день они спустились в безводную степь. Горы отступили вдаль. На западе желтеют дюны. Вот по сторонам дороги высятся два странных каменных кургана, точно руины ворот.

– Что это за камни? – спросил Николай. Ответ неожидан:

— Их насыпали лашкеры Искендера Зулькарнайна.

— Александра Двурогого? Но, ведь так звали Александра Македонского! Душа невольно дрогнула, соприкоснувшись со столь древней историей. Неужели курганы сохранились с той поры, когда идя из Индии через страшные пустыни царь сохранил едва половину войска? Может быть, именно здесь он перечел уцелевших?

Поднеся бинокль к глазам, Николай различил вдалеке холм, на вершине которого виднелись крепостные стены.

— Бемпур? — спросил он, и Байрам-хан согласно кивнул.

Две тысячи двести лет тому назад на холме располагалась Пура, главный город персидской провинции Гедрозии. Там обрели отдых уцелевшие солдаты Александра. Обнаружив запасы вина, они превратили марш смерти в пьяный поход. Ибо возвращались домой — на запад.

Не очень, это место походило на благословенный рай. Они вошли в лес из акаций и высоких кустарников, росших на бугристых песках. Поверхность их раскалиена так, что можно изжарить яичницу. Засыпаясь в износившиеся сапоги, песок обжигал ноги. Но вот лес поредел. Множество черных палаток и белуджских шалашей раскинулось под деревьями. Они усеивают вытоптанную опушку, окружающую холм. Наверху, над глинобитной крепостью изредка поднимаются дымки выстрелов. Это осада.

Глава 28. Мятажный вожь Гуссейн-Хан.

Отряд направляется туда, где шатры теснились у большого шалаша-ягтыкана. Он покрыт пальмовыми

вайями, бурьяном, тамариском, колючкой, на которые караульный время от времени выплескивает ведро воды. Благодаря этому внутри резиденции вождя царит прохлада.

Как назвать чувство, возникающее под жадными взглядами сотен людей, готовых по первому знаку наброситься и убить тебя, чтобы завладеть твоей поклажей? Однако путешественники хладнокровно проехали через лагерь мятежников. Николай даже прикинул, что белуджей, иногда одетых лишь в штаны и лапти-«совазы» из пальмовых листьев, да еще в тюбетейки на бритых головах — раза в три меньше, чем говорил Байрам-хан. Продолжительная осада, чувствовалось, истощила силы восставших.

У входа в ягтыкан караулили белуджи с английскими магазинными винтовками. Спешившись, в сопровождении Байрам-хана, русские прошли в тенистую прохладу шатра.

— Салям-алейкум! — Николай слегка поклонился сидящему на коврике седобородому белуджу, не избегая его хитрого пристального взгляда.

— Ва алейкум-ассалам! Хош амадад! Садись! —

старый белуджский вожь показывает место напротив. По его знаку подают кальян, и Зарудный первым тянет горьковатый дым из серебрянного мундштука, передавая его соседу. Во всей фигуре Гашим-хана чувствуется былая неукротимая энергия. В разговоре он сразу же берет «быка за рога»:

— Я вижу, ты не англизи.

— Да, я русский.

— Это хорошо, потому что, если бы ты был англизи, я прямо бы спросил тебя: «Где обещанные пушки, которые нужны мне для взятия Бемпура?» Там, в крепости, у осажденных имеются глубокие колодцы с хорошей питьевой водой, и триста или четыреста сарба-

зов с ружьями. Поэтому они не сдаются уже больше полугода, и на штурм я тоже не могу пойти с моими людьми. Они не трусы, но, и не муштрованные солдаты-сарбазы.

— Значит, сердар, вы полагаете, что англичане — плохие друзья? Зачем же тогда вы пошли у них на поводу, подняли восстание?

— Зачем, зачем! Вай, афсус! Каджары всех обобрали, требовали уплаты подати, невзирая на недород. Затем, желая еще больше денег, они обманом захватили моего сына, Сеид-хана, и, обвиняя в мятеже, держали в тюрьме, пока за него не был уплачен выкуп. И вот, до меня долетела весть, что Насреддин-хан, великий Каджар, убит. Тогда я собрал людей и послал сказать вали Кермана, что народ не в состоянии уплачивать в казну третью часть своих доходов, а может давать только десятую!

— Когда же мне ответили: «Нет!», — я тогда сказал: «Хорошо! У белуджей есть сильные друзья, есть ружья, сабли, верблюды. Они сумеют жить не для Каджаров, а для себя!» И я собрал четыре тысячи человек, и осадил Бемпур, а также другие гарнизоны Каджаров. Мы разбили отряд лашкеров, высланный из Кермана. Но так как нет пушек, то мы стоим бессильные у стен крепости.

— Думаю, англизи не смогут помочь. У них здесь мало сил. Вы знаете, что пуштуны поднялись в тех провинциях, которые они хотят присоединить к Индии? Они также ведут тяжелую войну за морем.

— Я думаю, англизи белуджи не нужны. И даже, не нужна наша бесплодная земля. А нужно им, чтобы не было тут урусов. Раз каджары готовы пропустить урусов, значит, англизи нужно свергнуть их власть. А я каджаров не люблю — я их ненавижу! И поэтому, ничего не поделаешь — принимаю помощь от англизи.

— А разве дружба России не дала бы вам больше, чем обещания англичан?

— Я знаю, что урусы сильны, и знаю, что они сделали в Туркестане, Бухаре, Хиве, в землях туркмен! Они построили там дороги и улучшили торговлю, дали закон и прижали ростовщиков. Но, Урусия слишком далеко от нас! А англизи — рядом. И, хуже чем под каджарами, с англизи нам не будет. Но я не хочу вреда Урусии! — сердар слегка понижает тон, точно заговорщик: — Я покажу тебе сейчас письмо, которое послали мне из Келата? Инглизи диктовали его Мираб-хану, я уверен! Эта бумага оскорбила меня: если я живу в горах, то это совсем не значит, что я джина — дурак! Я воин, а не разбойник! — хлопает он ладонью по колену. Затем, повернувшись, достает из небольшого резного ларца лист шуршащей голубой бумаги. Она покрыта персидскими письменами, и хан читает вслух:

— «Сердару Хуссейн-хану Сербазскому с благожелательным приветом от Мираб-хана Келатского!

Сердар Хуссейн-хан, сертип! Во-первых, дай Вам Аллах доброго здоровья. Если вы пожелаете узнать о моем здоровье, то, слава Аллаху, я здоров, чего и Вам желаю.

Сообщаю Вам, что по моим сведениям, русские люди придут с севера в страну белуджей. Мне говорили, что, помимо шпионажа, у них есть также цель, согласованная с тегеранским диваном, а именно: побудить к взрыву огненные горы Тефтан, Безман и Гиранриг, дабы сотрясти землю народа белуджей, и причинить тем самым невиданные бедствия и разрушения. Мы хотели бы этого избежать.

Вы всегда высказывали желание служить генерал-губернатору Британского Белуджистана. Мне вы постоянно пишете, что считаете меня таким же близким человеком, как своего сына, Сеид-Хана, а что каса-

ется меня, то я всегда готов выполнять Ваши приказания.

Я нижайше прошу, чтобы вы от чистого сердца оказали мне помощь и услугу. Пошлите тайно доверенных людей навстречу русским, дабы они навсегда остались в горах. Это послужит Вашей доброй славе и выгоде. Люди один раз сделают какое-либо хорошее дело, а выгода от этого будет и для их детей.

Прошу Вас, приложите в этом деле полное старание. Вам, конечно, не нужно давать подробных инструкций, ибо Вы, видевший много на своем веку, опыжнее и умнее меня в этих делах.

Год хиджры 1317.»

— Разве я не понимаю, что только Аллах может взорвать огненные горы, молчащие сотни лет? Боятся вас, наверное, англизи, если не хотят, чтобы вы знали Белуджистан также хорошо, как они сами, и поэтому пытаются закрыть вам дороги!

— Почтенный сердар! Я убедился в вашем прямодушии и расположении, и потому прошу вас принять этот подарок, сделанный от чистого сердца!

Зарудный достает из мешка и передает из рук в руки сердару новенький наган в желтой кобуре, с сотней патронов в коробках. Гуссейн-хан с довольным видом вертит в руках маленький вороненый револьвер, и кладет его рядом с собой.

— В чем я могу вам помочь?

— Мой отряд должен пройти к Аравийскому морю через Сербаз, ваше владение в Мекранских горах. Я надеюсь, что вы обезопасите этот путь для меня и моих людей. Однако сейчас иное занимает мои помыслы. Гулям-Рассул хан, правитель Сиба, захватил путешествующую ференги-ханум. Я вынужден был броситься вслед за него, и шел по его следам почти до Безмана, где наткнулся на ваших людей. Тогда я по-

ехал с ними в надежде, что вы поможете мне освободить женщину из плена.

Старый белудж был польщен, но, как уроженец Востока, он знал истинную цену комплиментам.

— К сожалению, я не могу предпринять прямых действий против этого сердара: он вассал правителя Джалка, который поддерживает сношения с англичанами, а иногда и посредничает в моих интересах. Но я могу предоставить отряд сопровождения до Безмана, и передам всем своим людям, чтобы они не трогали ваш караван. Только люди они простые, какую бы примету им назвать?

— А вот — русская военная фуражка! — показывает Николай свой головной убор. — Я буду всегда в ней. У англичан же — топи-шлемы, так что нас не перепутают.

— Хорошо, значит договорились! — сердар, прощаясь, протягивает руку.

— Сегодня воспользуйтесь моим гостеприимством, а завтра, с утра отправитесь.

Николай поднялся. Но тут под навес стремительно вошел средних лет белудж, очень похожий на старого сердара.

— Саям, апа! — приложил он руку к груди.

— Мой старший сын, Сеид-хан, сердар Ге, — представил его Гуссейн-хан.

Сын склонился к отцу и о чем-то негромко заговорил. Лицо старого сердара делалось все озабоченнее. Затем он сказал:

— Сын принес мне тревожные сведения. Он рассказал, что из Кермана выступил большой каджарский отряд с пушками. Их сарбазы вооружены скорострельными ружьями. Мои воины, конечно, их превосходят по храбрости. Но я не хочу понапрасну подставлять их под пули. Поэтому, по возвращении вы можете меня

здесь не застать. Однако, пока живы я и мой сын, договоренность наша остается в силе.

Согласно кивнув, Зарудный вышел наружу. Вечер опускался на лагерь. Порывы жаркого южного ветра раскачивали вершины уцелевших от порубки пальм.

– Ну, как вы тут, без меня? – спросил он у своих товарищей, собравшихся отдельной кучкой и ожидавших окончания переговоров.

– Обсуждаем, удастся ли вырваться целыми, если белуджи решат нас ограбить, – сказал Александров.

– Мы договорились с ханом: он даст конвой до Безмана. Что будет дальше – это уже наша забота...

– Пока все вроде удачно складывается.

– Да.

– Кстати, тут речка поблизости: может быть, искупаемся? –

– Ну что же, сходим, окунемся.

Они быстро собрались и, оставив чотурдаров безречь имущество, пошли к реке. По пути, минуя крепость, увидели у ее подножия остатки города: разрушенные шалаши, вырубленные сады и почерневшие от огня глинобитные стены старого губернаторского дома. Вот и речка, текущая меж крутых глинистых берегов – шириной шагов пятьдесят. Некогда она утолила жажду солдат Александра Великого. Однако, к большому разочарованию путников, река оказалась мелкой и теплой, точно парное молоко, и купанье совершенно их не освежило.

– Вода пресная, вкусная. Чего еще надо? – поставился утешить спутников Николай. Идя обратно, они услышали из цитадели звук рожка, и голос муллы, призывавшего осажденных к молитве. Завыли шакалы.

Путешественники уселись вокруг костра, занялись ужином.

– А бедно они живут, Николай Алексеич. – сказал вдруг Сергей. – Давеча, кабана подстрелили – так, в момент разделали, даром что мусульмане. А некоторые подходили, поесть спрашивали.

– Понятное дело: мятеж, пахать-сеять некому. Лашкеры!

Крупные звезды горели в ночном жарком небе. И вдруг, точно наперекор размеренному распорядку осажденных, поднялась, в небо страстная белуджская песня. Несколько оборванных кочевников вскочили у ближайшего костра и принялись ходить вокруг огня. Взмахами оружия и ритмичными выкриками: «О, Алла! Я, Алла!», они доводили себя до все большего иступления. Один Восток, кочевой, выступал против другого, оседлого, и они не могли понять друг друга и не находили общего языка.

– Зикристы! – наклонился Александров к уху Зарудного. – У нас на Кавказе такие же есть. Как заведутся – чистые звери делаются: хуже чем от водки!

– Большинство подданных Гуссейна – зикристы.

В это время к их костру бесшумно подошли по песку две худые белуджские женщины. Тяжелая жизнь не успела уничтожить в них очарование юности. На одной было бордовое платье-рубаха, на другой синее, сливавшееся с темнотой ночи.

– Послушай, исаи. – сказала женщина в бордовом. – У тебя хорошее оружие, стало быть, ты богатый и южный ветер приносит тебе желания. Посмотри: она задрала платье, обнажая смуглые ноги. – Видишь, даже шальвары не на что купить. Давай, дизи бар кардан («вскипяти котелок»), и дай денег на шальвары.

Николай переглянул с товарищами, не торопясь воспользоваться предложением.

– Ты что, ахле бахийе, «вышивальщик»? – женщи-

на, готовая разочароваться, обидела его намеком на неподобающее влечение.

— ...мусульмане! — только и сказал Александров. Такое обидное предположение не должно было, конечно, оставаться неотомщенным.

Глава 29.

Тень Безмана.

На следующее утро караван отправился на север. Гуссейн-хан дал в сопровождение пятнадцать лашкеров-наруи. Возглавлял их воин Али-Акбар.

Через день конус Безмана угрожающе заслонил половину горизонта. У его подножия показался зеленый оазис. Подъехав ближе, путники увидели поселок, окруженный обширной пальмовой рощей. Он состоял не менее чем из сотни лагуч, выстроенных из жердей, камыша и пальмовых вай.

— Безман! — указал предводитель белуджей.

— Сертип! — обратился он к Зарудному.

— Да, Али-Акбар! — отвечал тот. — Ты покидаешь нас?

— Бале. Гуссейн-хан оставляет Бемпур. Он послал Байрам-хана на запад, задержать каджаров. А сам уходит в горы Сербазы. И я — за ним. Но в окрестностях Бемпура могут оставаться другие вожди, и банды грабителей. Если ты достигнешь успеха, лучше иди на юго-запад: главный каджарский отряд шел вдоль Хелильруды, а не через Безман. Байрам-хан, наверное, засел в Келанзиаде, где река входит в солончаки. Чтобы туда добраться, требуется всего два дня пути. Там, вероятно, ты найдешь каджарское войско, и сможешь просить помощи против людей Гулям-Рассула. Если он бросится в погоню за тобой. Вот мой совет. Теперь, прощай! Иншалла!

— Прощай, Али-Акбар! —

Николай подал руку белуджу. Наруй и его отряд повернули назад.

Мимо пальм путешественники проехали к ближайшему саду. Он был обнесен живой изгородью из ключей акации-кунара. Внутри росли темнolistые гранаты, «плакучие» смоковницы, несколько тутовых и апельсиновых деревьев. В тени под ними стремительно пронесся, выгибая спину, темный мангуст.

— Мушь-хурма! — «Пальмовая мышь!» —

Весело воскликнули белуджи. На эти крики из хижины, стоящей возле ограды вышел средних лет хозяин: в вылинявшей синей рубашке и с курдской чалмой на голове.

— Салям-алейкум! Хасте набаш! Да не устанешь! — поздоровался Николай с курдом, насторожено глядящим на многочисленный вооруженный отряд.

— Салям! Кто вы, сахеб? — отвечал тот.

— Я сертип Зарудный, начальник русского отряда. Со мной люди, охранявшие нас. Они не причинят зла. Скажи: можно ли расположиться под твоими деревьями? Мы за это заплатим.

— Конечно, сертип. — отвечал курд.

— Как тебя зовут?

— Мухаммад.

— Благодарю тебя, Мухаммад, за гостеприимство. Ребята, заходите в сад! — обратился он к своим людям.

Когда путешественники приготовили чай, Николай предложил хозяину присесть вместе с ними. Тот уселся, скрестив ноги и взяв пиалу. Зарудный дал ему напиток, а затем повел разговор.

— Много ли людей живет в поселении?

— Человек семьсот.

— И среди них немало курдов?

— Да, наверное, половина. Великий Надир-Шах

поселил в Безмане наших прадедов, чтобы мы стерегли его рубежи. Остальные жители – персы и белуджи.

– А кто занимает замок?

– Прошлый вали не очень хорошо выбирал ему хозяев...

В это время завязавшуюся беседу прервало появление нового персонажа – толстого перса с маленькими глазками. Он по-хозяйски подошел к путникам, оставив возле садовых ворот свиту – десяток кое-как вооруженных местных жителей.

– Салям-алейкум, сахеб! Я Ассадулла-бек, правитель Безмана. – представился новоприбывший. – Я рад гостям. Надеюсь, вы довольны нашим гостеприимством? Кто вы и надолго ли к нам прибыли?

– Да, мы всем довольны. Я русский путешественник, у меня есть хукма от вали Хорасана, – ответил Николай.

– Может быть, вы заплатите хозяину вперед, пока я здесь присутствую?

– Да, конечно, – Зарудный достал туман и протянул его хозяину, лицо которого озарила счастливая улыбка и, он подставил дрожащую ладонь. Однако, все в нашей жизни преходяще: лапа Ассадуллы сгребла монету, едва Мухаммад успел ощутить вес серебра.

– Его отец мне должен, – невозмутимо пояснил бек. – Ну, ты теперь иди, Мухаммад, а я поговорю с гостями.

– Не нужно ли вам чего-нибудь для полного счастья? – спросил Ассадулла, оставшись наедине с Николаем. – Может быть, девушек с круглым задом и мягкой грудью? Мне здесь должны почти все жители и это не трудно устроить, – он наклонился вперед, чтобы не громко сказать. – Или опиум для курения? У меня есть. Или, да простят мне подобное предположение...

– Спасибо, почтенный Ассадулла, – поторопился

прервать поток предложений Николай.

– Но нам, вероятно, понадобятся только продовольственные припасы.

– Я достану вам все, что нужно!

Николай уже понял, с кем имеет дело, и размышлял: за сколько можно будет купить содействие?

– Скажите, Ассадулла – останавливался ли здесь Гулям-Рассул-хан?

Бек выжидательно смотрел на путешественника. Серебряная монетка скользнула в его ладонь, затерявшись в ее жирных складках.

– Он там разместился. – Ассадулла кивнул на видневшийся в отдалении, за пальмами, на скалистом холме, восточный замок.

– С ним там человек сорок лашкеров. Говорят, он привез откуда-то пленницу – но, кто она – неизвестно.

– Угу, – кивнул Николай. – Это интересно. Ну, а трудно ли пробраться в замок?

Ассадулла молча глядел исподлобья, пока еще одна серебрянная рыбка не исчезла в его руке.

– Но, если он узнает...

– Нас здесь двое. Он что тебе – друг, почтенный Ассадулла?

– Он берет у меня в долг, и не возвращает. Разве я смею ему отказать?

– Итак?

– Через крепость протекает ручей, который выходит с противоположной от селения стороны холма. Но, каким образом он охраняется, я не могу сказать: лашкеры Гулям-Рассула гонят всех прочь.

– Благодарю вас, Ассадулла-бек.

– Рад был помочь вам, сертип.

Когда бек удалился, Николай вместе с товарищами принялся разрабатывать план операции.

– Действовать нужно нынче ночью. Иначе Гулям-

Рассул разузнает о нас и успеет что-либо предпринять. Я сейчас пойду «охотиться», а вы сидите тут, и не высовывайте носа. Наш приезд напоминал прибытие небольшого отряда белуджей, и, особенно не должен был обеспокоить хана.

— Пойду я с вами, Николай Алексеевич. — Гермс решительно поднялся. — Вдвоем веселее.

— Уговорил, ладно. Пойдем вместе. Сергей!

— Ась?

— Ты за старшего. Если джигиты Гулям-Рассула наведаются, принимай меры. Людей далеко не отпущай, чтобы не проболтались.

Оба путешественника вышли из сада и, зашагали к пальмам. Но, как только они вошли в рощу, поведение их резко изменилось. Они очень быстро двинулись туда, где за пальмами, высился холм с безманским замком. С опушки, стараясь оставаться незамеченными, они внимательно разглядели крепость в бинокль.

— Стены из дикого камня, не глинобитные. Высота — сажени три, — задумчиво бормотал Николай, водя биноклем. — Попробуй-ка взять без пушки! В светлое время, конечно, не подойти. Но, вот в темноте, если спуститься сверху по склону — может получиться. Вряд ли вокруг крепости имеется ров: грунт каменистый.

Зарудный поднял бинокль, рассматривая подрагивающий в мареве исполинский конус вулкана. Долго разглядывал откосы.

— Хорошо бы проводника заполучить. Где этот чертов ручей? А, вот он! — он, наконец, заметил живые искры воды меж камней ниже крепости.

В этот момент ворота замка открылись и из них выехал чередой с десятком всадников. За плечами их поблескивали на солнце длинные дула ружей. По тропе всадники стали спускаться в сторону Безмана.

— Отойдем, — сказал Николай. — Не зачем нам сейчас подставляться под удар. Надеюсь, на лагерь они напасть не посмеют. —

Почти бегом возвратились они через пальмовый лес. Даже птицы, казалось, затихли перед схваткой. Однако, в саду, где ожидали возвращения начальника, сохранялось спокойствие.

Однако всадники Гулям-Рассула так и не появились в расположении экспедиции.

Глава 30.

Неприступная крепость.

Только обладатель острого слуха смог бы уловить в густом мраке ночи тихие шаги людей, крадущихся через пальмовую рощу. Лишь столкнувшись нос к носу, можно было отличить от окружающей тьмы их лица, вымазанные сажей, и черные руки, сжимающие винтовки. Зарудный, Александров и Гермс раздевшись до пояса, вымазались сажей, чтобы выгоревшие рубахи и френчи не белели в темноте. Стволы ружей зачернили, дабы блеском не выдали хозяев. Люди зябоко вздрагивают.

Четвертым с ними шел Пир-Мухаммед, сжимая свой «мартини-генри». Смуглому афганцу не было нужды краситься в темный цвет. Потихоньку разведчики пробирались к темнеющей на холме крепости, занятой Гулям-Рассулом и его людьми. Только звездочки факелов на углах стен, в тени которых укрылись часовые, нарушали непроглядную тьму. Случайный камень сорвался из-под ноги одного из людей Николая.

— Тихо! — прошептал он.

Хотя вряд ли этот звук различат в крепости: с вечера ветер дул в сторону прогретой на солнце горы.

Обратно он повернет где-нибудь под утро, когда вершина заледенеет.

Надо было успеть подойти к крепостным стенам вплотную, пока не взошла луна.

Однако, в темноте, на незнакомой каменистой местности, это легче сказать, чем сделать. Но, вот, наконец, маленький отряд сосредоточился у основания скал, перед решающим броском.

— Фонарь взял? —

Вместо ответа Гермс показывает потайной фонарь, который чудом не был выброшен в пустыне, а теперь должен помочь обнаружить вход в тоннель, через который вытекает ручей.

— Эй, сертип! — вдруг послышался приглушенный голос за спиной.

Зарудный порывисто обернулся, и скорее угадал, чем узнал во тьме, выглядывающего из-за камня выше по склону Хан-Магомеда! Тот сделал призывный знак, и Николай, немало изумленный, подполз к нему.

— Откуда ты здесь, Хан-Магомед?!

— Я решил неделю ждать поблизости от Безмана. Я рассчитал: либо ты приедешь в течение этого срока, либо я могу считать себя свободным от данного слова. Поскольку покойникам помощь не нужна. Как видишь, я не ошибся. Ты здесь.

— Ты узнал, где вход в тоннель под крепостную стену?

— Вон там, смотри! —

Николай постарался запомнить точку на темном склоне, на которую указывал палец белуджа. Действительно, там различалось пятно, чернее ночи.

— Ты желаешь, чтобы я пошел с тобой?

— А ты бывал в этой крепости?

— Нет, сколько помню, там всегда сидели мои враги.

— Тогда прикрой нас снаружи. Не то, если начнется стрельба, еще перебьем друг друга в темноте! Выстрелами отвлеку людей Гулям-Рассула. Но мы хотим управиться с делом без шума. Как ты полагаешь, где может находиться пленница?

— Эндерун, женская половина, обычно находится в западной половине дома. Стало быть, в верхней части крепости, выше по склону.

— Хорошо. Ну, иншалла, с Богом! — Николай жмет руку белуджу, и отважные люди растворяются в темноте.

— Берегись скорпионов, таящихся меж камней! — долетает в спину Николаю шепот Хан-Магомеда.

Вот уже можно различить выход из тоннеля, и ясно слышно журчание воды. Темные фигуры подкрадываются к крепостной стене, и под защитой каменного свода загорается фонарь. Узкий луч света пронзает тьму, освещая сочащиеся влагой конгломератовые стены. Но, едва Николай успевает сделать несколько шагов, перед ним, меньше чем в полуметре вдруг возникает голова крупной очковой змеи. Уставив на человека стальные глазки, кобра громко шипит, раздувая капюшон. Спина Николая холодеет, покрываясь потом: вот, значит, кто охраняет тоннель! Бросок в темноте, крик смертельно укушенной жертвы — и часовой внутри предупрежден, о попытке проникнуть в крепость. Николай осторожно попятился назад. Но змея двинулась следом, держа голову на том же расстоянии. Свет фонаря раздражает ее, и она делает ложный выпад, почти касаясь человека. Николай понимает, что следующая атака будет смертельной. Он перехватывает винтовку в другую руку и, молниеносно бьет змею прикладом по голове. Та замертво падает.

Люди осторожно обходят конвульсирующее змеи-

ное тело, а идущий позади афганец отсекает ей голову саблей. Постепенно тоннель сужается, приходится буквально на четвереньках ползти в воде. К счастью, змей больше нет. Наконец, они достигают того места, где проход снова расширяется, и свет яркой звездочки достигает дна тоннеля сквозь дыру в потолке, заставляя сверкать искрами стекающую вниз струю воды. К сожалению, в свете звезд видны черные линии решетки, запирающей вход.

Николай гасит фонарь и делает знак товарищам остановиться. В напряженном молчании проходит минута. Внезапно, сверху доносится отчетливый шорох и скрежет металла. Да, он не ошибся в расчетах – наверху, в засаде, затаился часовой.

В голове Зарудного мгновенно возникает план действий. Он требовательно протягивает руку за саблей афганца и сжимает нагретую чужой ладонью шероховатую рукоять. Зажав ее подмышкой, обматывает тряпкой дуло своей винтовки, пока не получается некое подобие кулака. Этим «кулаком» он резко и сильно толкает решетку. Она дергается, стучит, но не поддается: заперта.

Тотчас, сверху, змеей проскальзывает копые: Николай еле успевает уклониться от смертоносного острия. Пир-Мухаммед резко дергает древко на себя, и, не удержав равновесия, охранник обрушивается на решетку. Сабля в руке Николая, сверкнув молнией, пронзает лашкера, который издает долгий душераздирающий хрип. Затем все затихает, кроме журчания ручья. Хорошо, что часовой был один.

Сильным толчком ствола Николай сваливает тяжелое тело с решетки, и рукой нащупывает задвижку. Но, задвижка не выдергивается – судя по всему, закреплена штырем. Он давит изо всей силы: раз, другой, третий. Шум воды заглушает лязг. Наконец, запор не

выдерживает, и решетка приподнимается. Николай пролезает первым – с маузером в одной руке и винтовкой в другой.

Они оказываются в нижней части крепости. Поблескивающий ручей протекает вдоль стены. Вероятно разыскивать пленницу надлежит в противоположной, верхней части укрепления. Обе части разделяет незастроенная площадка, на которую с побеленой стены падает рассеянный свет факелов. Однако, непосредственно под ней, вдоль ручья, тянется полоса тени.

Когда все поднялись, тело охранника сбросили вниз, и опустили решетку. Николай подал знак следовать за ним. По одному перебежали вдоль стены, почти под самыми ногами у беспечных караульных. Громкие крики лашкеров, доносящиеся из одного строения говорили, что заветы Пророка о запрете вина, здесь соблюдаются не особенно строго.

Они поднимались все выше. Внезапно, из одной пристройки донесся приглушенный женский плач.

– Мне кажется, она должна быть здесь, – прошептал Николай.

– Рассредоточимся: один к этому углу, другой – к тому, а мы вдвоем с Александровым – к двери.

Завернув за угол, он обнаружил лашкера, сидящего на ступеньке перед дверью. Ствол ружья, которое тот держал в руках, прислонился к стене, а голова в чалме сонно свешивалась на грудь. Выхватив кинжал, Зарудный прижал острие к горлу не успевшего очухаться караульщика.

– Если ференги-ханум здесь, медленно кивни головой.

Когда ошарашенный часовой исполнил приказ, Николай с размаху огрел его рукояткой пистолета по голове, и оттащил в сторону сползающее по стене тело. Сшибить засов с двери было делом секунды.

– Стереги дверь! – приказал он Александрову, и пригнувшись шагнул внутрь.

Перед ним открылась комната с голыми стенами, тускло освещенная масляной лампой. Постланный на полу потертый ковер, несколько одеял и подушек составляли практически всю обстановку. В комнате находились три женщины: две белуджки в лиловых шароварах и женщина со светлыми, коротко подстриженными волосами.

При виде черного как ночь вооруженного человека белуджки хотели завопить, но пришелец скорчил такую зверскую рожу, зловеще шелкнув затвором, что у бедных женщин язык отнялся, и они только заскулили, забившись в угол. Возможно, это были запуганные пленницы, смирившиеся со своим положением наложниц. Лишь заплаканная европейская женщина, изумленно смотрела на него. Желая сразу разъяснить ситуацию, он быстро спросил на довольно дурном французском:

– Вы французская путешественница?

– Д... да. Я – бельгийка, Элизабет Марешаль.

– Бельгийка? Один черт. А я – русский путешественник Зарудный, явился выручить вас из лап Гулям-Рассула. Надо спешить: у вас есть что-нибудь темное, чтобы накрыться?

– Вот... Одеяло.

– Хорошо, закутайтесь в него и живо уходим. Только тихо! –

добавил он на фарси другим обитательницам «женской половины».

Они вдвоем выбежали наружу, и Николай живо закрыл дверь на засов. Бельгийка схватила его за руку: ее ладонь была сухой и горячей.

– Надо быстрее уходить, сагиб! Сейчас луна взойдет, и нас перестреляют, как зайцев! – шепнул ему, не-

рвно оглядываясь, Пир-Мухаммед, отделившийся от своего угла.

– Эй, Миша! –

тихо окликнул Николай своего часового. Объединившись, они устремились в обратный путь. В этот момент дверь сакли, в которой шла гулянка со скрипом распахнулась, и оттуда, пошатываясь, кто-то вышел. Его напутствовали пожеланием «дизи бар кардан» – «поставить котел на огонь» – и, не давая ему остынуть всю ночь. Возможно, это был сам Гулям-Рассул, который искал уверенности в вине, чтобы достойно увенчать цепь своих диких поступков последней недели: «распробовать сладкий заморский плод». Отряд с бывшей пленницей прибавил шагу.

Но, не успели они одолеть и полдороги, как из темноты вынырнул белудж с карабином в руке.

– Кто идет?! Ва, Аллах! –

успел вскрикнуть он, прежде чем шедший впереди Александров не свалил его прикладом по голове.

– Стой! Кто кричал?! – раздался окрик из темноты.

– Свои, проклятый Аллахом! –

крикнул в ответ афганец. Сверху грянули выстрелы, и просвистели две пули. Прозвучал ответный залп в темноту, и кто-то застонал.

– Бегом! – крикнул Николай.

Прикрывая женщину, они ринулись вперед, отстреливаясь на бегу. Зарудный успел снять одного из часовых на стене, остальные осыпали их пулями. Что-то обожгло ему руку, но он не обратил внимания. Александров привстал на колено и, стрелял беглым огнем по дверям домика, откуда пытались выбежать вооруженные лашкеры, загоняя их обратно. Николай, разрядив винтовку, забросил ее за плечо. Навстречу, в пятне света, мелькнул рослый бородач, целившийся из пистолета: не он ли шел «поперчить пищу» в эндерун?

Русский выхватил маузер, выстрелы прогремели одновременно. Пуля белуджа пропела над ухом. Николай сделал еще несколько выстрелов, расчищая дорогу к отступлению. Руслон ручья добежали до люка. Во мгновение ока подняли решетку. Первым прыгнул Гермс, следом Зарудный подтолкнул бельгийку. Александров, выпустив последнюю пулю, последовал за освобожденной пленницей.

— Пир-Мухаммед, давай! — крикнул Николай афганцу, продолжая прикрывать отступление из пистолета. Как раз в этот момент его боек сухо шелкнул, и оглушенный собственными выстрелами, он не расслышал у себя за спиной звук взведенного курка.

— Привет тебе от Тренч-Сагиба! — прозвучало позади.

Резко обернувшись, он увидел направленное на него дуло револьвера, неведомым образом оказавшегося в руке афганца. Не успев удивиться, он резко прыгнул в сторону. Полыхнуло пламя, и Николай ощутил, что куда-то стремительно проваливается. Одновременно, кто-то с чудовищной силой ударил дубиной его по голове. Все покрыла тьма.

Глава 31.

Погоня.

Очнулся Николай оттого, что кто-то лил на него холодную воду. Холод немного облегчил дикую боль, буквально раскалывающую череп. Раскрыв глаза, он увидел над собой, в лунном свете встревоженные лица Александрова, Гермса, и, как не странно, какую то незнакомую европейскую женщину.

— Что... за... валькирия? — пробормотал он, и тут же вспомнил: что это освобожденная бельгийка.

— Пуля попала вам в голову, но, слава богу, чудом прошла по касательной. Сергей вас на себе выволок, — объяснил Михаил.

— А винтовка?

— С концами — наверху осталась.

— А маузер?

— Да вот он, на ремешке был привязан. Только его почистить от грязи надо.

— А где же афганец?

— Афганцу, видно, карачун пришел: застрелили, должно быть. Я окликнул его, но он не отозвался. Я и высовываться не стал, — вмешался Александров.

— Да ведь он же, гад, в меня и стрелял из английско-го «веблея»! Он по сию минуту перед глазами у меня стоит! — Николай в возбуждении поднялся на колени, но приступ головокружения бросил его обратно на-земь. Лишь несколько секунд спустя ему удалось пре-одолеть слабость. — Неужели, он предатель?

— Британский агент.

— Как же нам удалось выбраться?

— Я их слегка пощекотал! — вмешался Хан-Маго-мед, поглаживая приклад винтовки, и, спускаясь в рас-щелину, где нашла укрытие отступившая группа.

— Они, наверное, готовятся теперь к отражению новой атаки.

— Если Пир-Мухаммед уцелел, он им все расскажет о нас. Они поймут, что отряд небольшой, и, нападут.

— Николай сплюнул кровавый сгусток, покачиваясь, поднялся на ноги, и приказал немедленно отходить.

Поддерживаемый Александровым, он двигался в сторону пальмового леса, постоянно оглядываясь, что-бы не прозевать удар в спину. Не прошло и часа, как они были на месте. Здесь все было в порядке: чотур-дары с берданками в руках караулили давно уложен-ные вещи и, между выюков укрылся дрожащий Аджи.

Оказавшись в лагере, они несколько минут потра-тили на чистку и перезарядку оружия. Наскоро смыл сажу и грязь, оделись. Николай отдал Элизабет запас-

ную рубашку взамен ее порвавшегося английского хаки, и девушка переоделась.

— Гулям-Рассул не смиритса со своими потерями, если жив. Нам не продержаться тут, если его люди решат нанести ответный «визит». Поэтому, лучше тайком, до рассвета оставить это место и, уйти подальше, — сказал Зарудный, деловито проверив свои патронташи. Все дружно навьючили верблюдов. В этом приняла участие даже Элизабет, показывая недюжинную сноровку.

Через четверть часа караван русского путешественника, без лишнего шума, покинул сад гостеприимного курда.

Начиналось утро. Кругом простирались предгорья. При свете солнца Николай мог лучше разглядеть черты освобожденной им пленницы. Это была молодая женщина, лет двадцати восьми, худощавая, с белокурыми, коротко подстриженными волосами. Ее лицо, немного вытянутое, с волевым подбородком, сильно загорело под южным солнцем, и, осунулось от перенесенных испытаний. Круги под глазами говорили о бессонных ночах, проведенных отнюдь не в радости. Внешность ее была не слишком галльской, о чем Николай не преминул ей сообщить. Скорее она походила на немку.

— Так оно и есть, — отвечала она. — Я «неотесанная фламандка», как называют нас наши сограждане-валлоны. А, стало быть, как и мой соотечественник, Тиль Уленшпигель, имею германские корни.

Они ехали рядом и беседовали, причем разговор, иногда, переходил во взаимную пикировку:

— Вы опровергаете мое представление о фламандцах, как о пивных бочках, с заскорузлыми от парусных шкотов пальцами.

— А вы — мое мнение о русских, как дикарях, ходя-

щих по тайге в звериных шкурах, — парировала мадемуазель.

— Виноват, но по поводу шкур я ничего не говорил. Кстати, как в вашу прелестную головку взбрела идея отправиться в эту, не слишком развлекательную поездку?

— С детства я жила мечтами о путешествиях в дальние экзотические страны. Мой отец состоял в Королевском географическом обществе, многие годы он посвятил исследованию Африки. Он был участником экспедиции в долину реки Конго, лет двадцать тому назад. Той, что возглавлял американец Генри Стэнли.

— Ее финансировал король?

— Да. Бельгийское Конго — личное владение Леопольда Второго. Хотя все громче голоса за превращение Конго в государственную колонию.

— Но то, что там творилось, при его захвате... Отец почел за благо отойти от дела, и наше финансовое положение сильно ухудшилось. Это еще одна важная причина, по которой я решилась на эту поездку.

— Африка таинственна и неисследована. Но залитые солнцем горы и степи Персии всегда казались мне более привлекательными, чем темные африканские джунгли.

— Это верно. Здесь не просто сгинуть в джунглях, хотя нет ничего легче, как пропасть в пустыне. Однако, как вы решились углубиться в край, охваченный восстанием белуджей?

— Надеюсь на счастливую звезду, и, как видите, в конечном счете, не зря. Но как вы свалились туда, где я ощущала себя обреченной, по крайней мере, на долгое заточение в гареме этого дикого пустынного князька?

— До урочища Гурани я добрался всего через пол-

суток после вашего пленения.

— Да, я помню этот ужас: стрельба, кровь, трупы моих людей, которые шли из Келата. Но кто же сказал вам о том, что я захвачена?

— Мне рассказал все Хан-Магомед, который хотел предложить вам свои услуги. — Николай кивнул на едущего впереди белуджа.

— Он и сам как разбойник. — Элизабет слегка вздрогнула.

— Он брат знаменитого Джиан-хана, яр-ахмедзая. Но, я думаю, за деньги он послужил бы не хуже, чем нынче, — если бы не угодил в засаду.

— А вы?

— Я? Я засады прохожу насквозь.

— Я нечто подобное от вас и ожидала. В Геватере о вас знают. Там был некий мистер Гревс, начальник Чахбарской телеграфной станции, который очень не любит русских. Он меня предостерегал против вас.

— Близ Чахбара окончила путь недавняя русская экспедиция. Один из участников ее там и похоронен. И смерть его мне малопонятна, — ответил Николай.

— И все-таки, что привело вас в охваченный мятежом район? Мне, почему-то кажется, это не могла быть жажда познания — женщины, обычно, рассудительнее мужчин.

— Вы правы, и я решусь вам признаться в причине моего пребывания в этих краях, — она оглянулась, и продолжила, надеясь на то, что белуджи не понимают по-французски.

— Я хотела отыскать клад, оставленный Александром Македонским при отступлении из Индии.

— Снова клад, на этот раз — Александра! Я слышал об этом походе, и далек от уверенности, что уцелевшему войску удалось что-либо сохранить.

— Поймите, именно оттого что выжила лишь поло-

вина солдат, это примерно десять тысяч, они были вынуждены часть награбленного оставить в Бемпурской котловине. Это был первый на их пути оазис, куда они могли рассчитывать возвратиться. Позади них остались лишь безводные пустыни.

— Весьма интересно. Ну, вот, вы нашли клад: как же его вывезти?

— Ну ваше появление существенно облегчает решение проблемы, — и, она лукаво взглянула на него.

— Я, конечно, рад, мадемуазель, что вы уже достаточно оправились, — слегка грубовато вернул он ее к суровой действительности.

— И, все-таки, разговор преждевременен. Для нас главное — избежать мести Гулям-Рассула и предателя-афганца, оказавшегося британским агентом.

— Серьезно? Как получилось, что вы не раскусили его раньше?

— Он был осторожен, и не предпринимал явных попыток убить меня, исключая случая на горе Тефтан. Тогда он застиг меня на краю пропасти и, я едва не расплатился жизнью за беспечность. Вероятно, он, все же рассчитывал отбить вас, надеясь, что это удвоит благодарность британцев. В крепости он даже окликнул меня, прежде чем выстрелить. Впрочем, на Тефтане он не был столь любезен.

— Но вы уверены, что разгневанные ночной атакой белуджи его не прикончили?

— Вряд ли. Александров сказал, что за мной в тоннель влетело несколько пуль, к счастью никого не задевших. Поэтому и решили, что он убит и стреляют белуджи. На самом деле, я думаю, это были пули из его «кузбли»: у него оставалось их четыре или пять в барабане. Я уверен, что он целехонек. И уж сумеет убедить лашкеро́в, что является их союзником, а не противником.

Становилось все жарче: солнце до предела раскалило гранитные валуны и скалы. С севера, владыкой хаоса, нависал остроконечный Безман. К Зарудному подъехал Хан-Магомед:

– Впереди несколько сухих русел: может быть, в каком-то из них встретится вода. Затем будет селение Гезек. А там, где холмы перейдут в солончаки Бемпурской котловины – Келанзиад. В лагерь каджаров, мне соваться не с руки, но, разведать, что впереди – стоит. Услышишь выстрелы: занимай позицию, и, да поможет тебе Аллах! –

– Хуб!

Сделав знак своим людям ехать следом, Хан-Магомед погнал верблюда вперед – напрямик через каменистые холмы. Проводив его взглядом, Николай обернулся к Элизабет:

– Пока есть время, посвятите меня в подробности истории с кладом?

– Хорошо, – кивнула она.

– Работая в библиотеке Королевского географического общества, я обратила внимание на некоторые пассажи у историка Арриана:

– При движении из Индии через пустынный Белуджистан (тогда он назывался «Гедрозией»), Александр умудрился потерять половину, войска. При этом значительную часть ценных вещей из индийской добычи удалось сохранить. Дойдя до Бемпура, измотанные люди получили передышку. Однако, хотя здесь и начинались населенные места, основной массе солдат было по-прежнему тяжело передвигаться. Коней и верблюдов они получили лишь в нынешнем Кермане. Там к ним присоединилась конница Кратера. Значит, прежде, чем продолжать путь, был смысл максимально облегчить поклажу. И лишь затем идти дорогой через Безман.

– Упоминалось вскользь о разведывательной акции, в западном направлении, предпринятой гиппархом, начальником конницы, по поручению царя. Этой вылазке, якобы, воспрепятствовали дожди, превратившие в болото солончаки: повидимому, те, что расположены в центральной части котловины. Ну, а несколькими абзацами ниже, Арриан сообщает о том, что большая часть индийской добычи была потеряна.

– То есть, вы хотите сказать, что это была не разведка?

– Да. Я думаю, что именно конникам приказали увести непосильную для переноски часть добычи подальше от Пуры, – нынешнего Бемпура, где ее могли разграбить местные жители, и, спрятать в горах.

– Но как найти эти сокровища?

– Солдат остановили разлившиеся болота. А солончаки подступают к горам в районе Келанзиада. Думаю, в его окрестностях и надо искать клад!

– Но Александр мог попросту послать людей за добычей, как только добрался до первого крупного гарнизона!

– Не все так просто. Его отвлек мятеж в Бактрии, вспыхнувший за время Индийского похода. А всего через год, Александр Македонский таинственно умирает в Вавилоне...

Они спустились в лабиринт оврагов. Зарудный ощутил жар, пышущий от скал. На их краю, на фоне светло-бирюзового, выгоревшего неба виднелись редкие, искореженные зноем силуэты акаций.

Внезапно, Элизабет, обладавшая, как выяснилось, тонким слухом, повернулась к своему спутнику:

– Николя! Мне показалось, ветер донес крик: похоже на слово «едут!» на фарси.

– Посмотрим... – Зарудный поднес к глазам бинокль, чтобы оглядеть скалы впереди. На возвышен-

ностях, по обе стороны дороги, он заметил красные и голубые пятнышки головных уборов, и почти прозрачные дымки зажженных фитилей, тянущиеся к небу.

— Там десятка полтора лашкеров.

— Перевес явно на их стороне. Вы намерены обороняться?

— Я намерен атаковать. Повидимому, это часть людей Гулям-Рассула, обогнавших отряд налегке. Их задача — задержать нас до подхода основного войска. Мы этого допустить не можем. Из наших винтовок мы их и снизу достанем!

Караван двигался вперед. Все привели в готовность оружие. Внезапно пули запыхали землю, и засвистали над головой.

— Огонь! — скомандовал Зарудный, вскидывая винтовку.

Дружный залп заставил лашкеров попрыгать головы. Однако обстрел не прекратился.

— Гермс, Александров! — Николай махнул рукой налево.

— Амбал, за мной! Прикрывай! — он повернул верблюда направо.

— Остальным — занять оборону! — крикнул он оставшимся.

У подножия холмов они соскочили на землю, и перебежками кинулись наверх, непрерывно стреляя из винтовок. Противники были вооружены мушкетями, капсюльными ружьями, и однозарядными винтовками. С магазинками путешественников соперничать они не могли, чем и пользовались русские, безжалостно опустошая свои патронташи. Гром выстрелов непрерывным эхом рокотал в окружающих холмах. Несколько ружей уже перестали отвечать. После удачного выстрела Амбал испустил победный крик и, внезапно повалился на землю: пуля не миновала и его.

Не обращая внимания на вражеский обстрел, Николай поднимался к вершине. Бросив пустую винтовку, он выхватил маузер и частыми, меткими выстрелами заставил людей Гулям-Рассула вжаться в камни, и прекратить стрельбу. Наконец, они не выдержали и отступили, на обоих склонах, о чем свидетельствовал поспешный топот ног и, стук летящих сверху камешков.

Наверху Николай обнаружил трех мертвецов, уткнувшихся в камни, и спины последних убегающих лашкеров. Пустив им вдогонку пару пуль, дабы быстрее перебирали ногами, Николай подал знак своим, скорее проходить опасное место. Затем, перезарядя пистолет и винтовку, он спустился туда, где лежал раненый Амбал. Упавший был жив, однако, сквозная рана в груди делала его положение опасным. Николай поспешно наложил тугую повязку. Храбрый белудж выдержал перевязку молча, без единого стога. Наверх уже поднимался чотурдар Мессориан. Вдвоем они перенесли раненого вниз. Здесь быстро сделали носилки из палаточных кольев и одеял, и, погрузили в них Амбала. Носилки подвесили между двух верблюдов.

Глава 32.

Битва в холмах.

Тем временем возвратились Сергей и Михаил.

— Сколько нападавших уничтожили? — спросил Зарудный.

— Двух, — устало ответил Александров.

— Значит, пятерых — наповал, да еще раненые есть. Вряд ли теперь лашкеры решатся напасть: до подхода их основных сил. — Действительно, до вечера никто не тревожил идущий отряд.

— Крепись, брат! — повторял Николай Амбалу, стовавшему при каждом толчке.

Наконец, они вышли к селению. Последние лучи

солнца озарили конус Безмана и гористую страну на северо-западе, где прятался невысокий вулкан Гиран-риг. Тьма сгушалась, но огней почти не было видно. Белуджское поселение представляло несколько бедных саманных домиков и шалашей среди садов и пальмовой роши. Но путешественники вынуждены были передохнуть, да и усталые животные нуждались хотя бы в нескольких часах отдыха. Позади были бессонная ночь и утомительный дневной марш. К тому же передышка была необходима и раненому.

— Вы оставите его здесь? — спросила Элизабет. — Дорога для него тяжела, и, кроме того, он задерживает продвижение.

— Нет! Мстительные лашкеры Гулям-Рассула убьют, как только найдут его в селении. Я смогу оставить его лишь в лагере персидских войск.

На окраине деревни путешественники перекусили всухомятку, не разводя огня, немного отдохнули. Как только взошла луна, Зарудный растолкал спящих и сказал:

— Пора двигаться дальше. —

Караван тронулся в путь. Хан-Магомед не объявился.

«Неужто предал»? — крепло сомнение у Зарудного.

Отряд сильнее отклонился на юг, выбрав направление вдоль сухого русла. Когда взошла заря, неподалеку обнаружили выход на равнину. Внезапно впереди, раздался оклик на фарси: «Стой!». Из-за холма выбежало несколько человек. Один из них размахивал привязанной к стволу белой тряпкой. Зарудный оглянулся: позади каравана появились и снова спрятались за поворотом несколько всадников.

— Нас обошли, и берут в «мешок». Быстро занимайте холм! — скомандовал Николай, указывая на неболь-

шой, плосковершинный останец, мысом вдававшийся в долину справа.

Отряд повернул в ту сторону, в то время как Зарудный остался посредине долины, держа в руках винтовку. Человек пять лашкеров подошли к нему, косясь на ружейные стволы, засверкавшие на вершине останца.

— Мы не хотим ссориться с сертипом. Однако у него есть добыча, принадлежащая Гулям-Рассул-хану. Он хотел бы получить ее назад.

— Что нужно хану?

— Отдайте ференги-ханум и винтовки. Тогда мы вас отпустим, несмотря на то, что вы убили десять человек.

— А если я хочу оставить винтовки?

— Тогда заплатите по двадцать рупий за каждую. Так сказал хан.

— Хуб! Передайте хану, что женщину он не получит. И скажите, что грешно злоупотреблять долготерпением Аллаха! — произнес Николай и шевельнул стволом винтовки.

Лашкеры кинулись наутек.

— Ты сам выбрал смерть! — выкрикнул один из них.

Зарудный тронул верблюда, и вовремя. В ту же секунду там, где он стоял, землю взбило полдюжины фонтанчиков от пуль. Скалы впереди и позади долины ошестинились стволами, загрели выстрелы, и противно запели пули. Русские ответили, пару раз выстрелил и Николай. Видя, что выстрелы ложатся ближе, он соскочил наземь и побежал под прикрытием верблюда. Внезапно на отвесном гребне — над тем местом, где укрепились его товарищи, — блеснул ружейный ствол. Оттуда хорошо укрытый стрелок мог спокойно перебить обороняющихся. Но для Николая он был уязвимее, чего тот не учел. Зарудный остановил-

ся, сразу превратившись в мишень для вражеских пуль. Он вскинул винтовку и быстро прицелившись в чалму, мелькнувшую на фоне неба, выстрелил. Чалма исчезла, а ствол ружья задрался вверх.

Но в ту же минуту просвистела пуля, и верблюд Николая повалился на бок. Зарудный залег за убитым животным, а затем, перебежками, добрался до своих.

Поднявшись на останец, он укрылся за камнями и, не спеша, сосчитал вспышки среди скал. Получалось, что отряду противостоит не менее тридцати стрелков. Пули то и дело свистели над их головами и рикошетили от глыб.

— У них не меньше дюжины скорострелок! — крикнул он Михаилу. — Думаю, есть и магазинки. Они нас постараются прижать к земле и, подобравшись поближе, атаковать с флангов. Кроме того, наверху засел стрелок. Я его снял, но туда может забраться другой.

— Понятно, — сказал Гермс, выпуская очередную пулю.

— Аджи, перестань садить в воздух! — повернулся Зарудный к переводчику, завладевшему оружием Амбала. Не высовываясь из-за камней, тот без перерыва палил из задранного к небу ствола.

— Порте муа! — возбужденно крикнула по-французски фламандка. — Гиб мир! — добавила она по-немецки, вырывая винтовку из рук намертво вцепившегося в нее Аджи.

Овладев оружием, она долго целилась и, наконец, выстрелила.

— О-ла-ла! Экселян! — похвалила она себя.

И тут же ей пришлось укрыться за камнем. Пули выбили крошку из глыбы над ее головой. Вскрикнул раненный Мессориан, и, повинувшись знаку Николая, Элизабет моментально превратилась в сестру милосердия. К счастью, рана была не опасна.

Немного погодя, Зарудный убедился, что его подозрения, к сожалению, подтвердились: примерно дюжина людей Гулям-Рассула, под прикрытием огня, подкрадывалась с флангов к осажженным. Он молча указал Гермсу на мелькавшие за камнями фигуры лашкеров, и тот прицелился и выстрелил. Метка пуля остановила одного из нападающих, а другой остался лежать за камнем. Однако человека четыре с левого фланга подобрались вплотную, оказавшись вне досягаемости огня.

— Я спущусь и попробую с ними разобраться. Продолжайте держать остальных на расстоянии. К ночи попробуем прорваться.

Отдав винтовку Элизабет, у которой патроны подходили к концу, Николай с маузером в руке спустился в овражек. Там путешественники укрыли верблюдов. У выхода из лощины он оглянулся: куда подевались разбойники? Едва успев уловить движение за спиной, он метнулся в сторону. Пара пуль пропела у самых его ушей. Четверо лашкеров, внезапно, бросились на него с пистолетами и саблями. Николай вскинул маузер, затрещали выстрелы, и нападающие падали, застигнутые смертью на бегу. Но последний из них чуть не достал саблей Николая:

— Урус — марг! Смерть русскому! — крикнул он, рухнув к его ногам с двумя пулями в груди.

Все стихло. Зарудный огляделся, и перезарядил оружие.

Возвратившись, он увидел, что бельгийка методично расстреливает патроны из его магазинки, выбивая пыль из камней, за которыми прятались лашкеры. Она отработано двигала тонкой рукой лязгающий затвор, перезаряжая оружие.

— О-ла-ла! Не хуже маузеровской винтовки. Это система господина Леона Нагана?

— Думаю, бельгийский образец послужил прототипом для конструктора Мосина. Советую экономить патроны: перестрелка затягивается. Смотрите, как скупо стреляют белуджи.

В этот момент Элизабет пришлось укрыться от целого града пуль. Она забилась между камней, подтянув ноги к груди.

— Выпейте-ка водички! — предложил Николай и протянул женщине мех с водой, весьма кстати прихваченный из долины. Внезапно пуля пробила мех, но Зарудный хладнокровно зажал дырку пальцем.

— Где вы научились так стрелять, Элизабет?

— У отца. Дома постоянно было оружие: без винтовки белому в джунглях не выжить.

— Но, теперь, позвольте мне! — Николай взял свое ружье, и передвинулся к Александрову. Вместе они задали жару наступающим на правом фланге. Один из лашкеров завертелся волчком и распластался, остальные, не выдержав огня, побежали. Вылазка захлебнулась.

Между тем перестрелка продолжалась уже два с лишним часа. Развязка приближалась скорее, чем ожидали обе стороны. Александров, Гермс и Мессориан получили легкие ранения. Противник же потерял десятков людей, кроме того, у нападавших, видимо, кончались патроны. Лашкеры должны были решиться на новый приступ, либо снять осаду. Что выберет Гулям-Рассул?

В этот критический момент «весы судьбы» качнулись в пользу отряда Зарудного: внезапно, за спиной лашкеров раздались раскатистые выстрелы из трехлинейки, знакомые уху Николая. Их сопровождали редкие выстрелы белуджского ружья. Один из осаждавших неожиданно поднялся и тут же рухнул, как подкошенный. Выпавшее из его рук оружие сиротливо

блестело на камнях. Оказавшись под ударом с двух сторон, лашкеры дрогнули и пустились наутек. Осажденные проводили юркие фигурки на гребнях оружейным салютом.

— Я все равно убью тебя, урус-шайтан! — донесся издали вопль Гулям-Рассула.

— Не хвались на рать идучи! — крикнул Николай.

Неприятель отступил в холмы. А с той стороны, откуда пришла неожиданная помощь, поднялся человек, и замахал рукой с зажатой в ней винтовкой.

— Эге-ей! — докатился издали знакомый голос.

Николай поспешно поднес бинокль к глазам.

— Да это же сам Хан-Магомед! — воскликнул он, узнав лохматую бороду белуджа.

— Эй, Хан-Магомед, старый лашкер! Я думал, ты нас бросил! Давай к нам! — Николай махнул рукой яр-ахмедзаю.

— Давай спускайся! Враг бежал! — донеслось в ответ.

Николай спустился вниз, чертыхаясь, из-за того, что в износившиеся сапоги то и дело попадал горячий песок. Союзники встретились возле убитого верблюда и обнялись.

— Я услышал пальбу издали, решил зайти в тыл врага и напасть на него. Я верно поступил?

— Конечно! Но почему ты задержался?

— Я решил, что лучше привести с собой подкрепление, правда, оно запоздало.

— Что же это за помощь?

— Смотри! — яр-ахмедзай вытянул руку, указывая на дальний конец долины. В том месте, куда он указал, появился всадник, за ним другой, третий. Вслед за первыми кавалеристами в облаках пыли скакал целый отряд. Усиливаясь, донесся далекий грохот копыт скачущих лошадей. Отряд оружием наизготовку, одна-

ко, увидев спокойствие яр-ахмедзаев, Зарудный повесил винтовку на плечо.

— Я решил рискнуть головой лашкера, послав его к людям каджарского хана, дабы предупредить, что тебе угрожает опасность. Как видишь, они откликнулись. Но мне, брату Джиан-Хана, рискованно встречаться с каджарами! Давай прощаться: я выполнил данное тебе слово!

— Ты молодец, я не забуду твоей помощи! — сказал Николай и еще раз обнялся с белуджем. Тот вскочил на верблюда:

— Да хранит тебя Аллах, урус!

— Храни тебя Бог, хан!

— Иншалла! — воскликнул на прощание Хан-Магомед. Махнув рукой, он вместе со своим лашкером, направился к лабиринту меж холмами. За ним двинулся его лашкер. Между тем всадник, скакавший впереди конного отряда, приблизился к Николаю и его людям. Это был коренастый бородач свирепого вида. Но стоило ему окинуть взглядом стоящих перед ним людей, как настороженность его оставила. Турманом слетел он с коня, и заговорил с волнением, причину которого Николай понял только через минуту:

— Здравствуйте! — сказал он по-русски, чем очень удивил Зарудного.

Глава 33. У губернатора Гашим-хана.

— Здравствуйте! — Николай машинально протянул руку незнакомцу не в силах понять, откуда персу извещен русский язык.

— Значит, не обманул собака-белудж! И впрямь — свои! — Зарудному показалось даже, что скупая слеза

блеснула в глазах крепыша. Теперь Николай уже узнал гортанный кавказский акцент.

— Вы кто будете, почтенный? — Николай крепко пожал протянутую руку незнакомца.

— Я — Искендер-бек, армянин из России.

— Имя-то, вроде, нехристианское?

— Так с уездным нашим не поладил; он меня в Сибирь и закатал. Да я сбежал оттуда — в Персию. В мусульманство обратился, да это не самый большой мой грех. Я у Гашим-хана вроде и адъютант, и конюх, и по двору выполняю разную работу, и на все руки, что называется, мастер. А тут приехал к нам яр-ахмедзай и говорит, что русского сертипа с его людьми лашкеры преследуют, помочь надо. Ну, хан дал мне двадцать всадников и послал на выручку.

— Хорошо, что вы прибыли — мы еле отбились.

— Да я вижу — была тут схватка! — Искендер-бек кивнул на трупы нападавших.

— А далеко лагерь хана?

— Примерно в полудне пути на верблюдах. На лошадях — быстрее. Келанзиад обложили, там баранзай засели. И крепостица-то плевая, но с пушками у нас вышла заминка: вот и топчемся. Ну, пора отправляться. У меня кони запасные взяты: вы на них садитесь. А каравану я дам охрану.

— Хорошо, поехали. Меня, кстати, Николаем зовут, — сказал Зарудный, и вскочил на оседланного коня.

— А кто эта женщина с вами?

— Бельгийская путешественница, отбил ее у Гулям-Рассул-хана.

— Ясно.

Отряд, развернувшись, поскакал обратно. Вскоре выехали на равнину. Искендер-бек вдруг остановил коня:

— Надо бы поспешить. Я предлагаю разделить кон-

вой: одна часть будет сопровождением, а вторая прикроет обоз. Возле крепости поскачем галопом, чтобы не попасть под пули. Верблюдам скачки не выдержать. Пускай обойдут Келанзиад в отдалении.

— Согласен, — кивнул Зарудный.

Караван остался позади, всадники помчались быстрее. Адж, однако, присоединился к верблюжьему каравану.

Часа через два показалась небольшая крепость, венчавшая древнюю осыпь. Сверкающая полоска Бемпурской реки, текущей с востока ныряла здесь в громадный солончак. А на линии горизонта поблескивало соленое озеро.

— Пошел! — Искендер-бек, гикнув, подхлестнул коня и помчался прямо на крепость.

Следом пустил коней и русский отряд. Над их головами просвистело несколько пуль, выпущенных из крепости. Однако стрелки вряд ли могли что-либо различить в облаке пыли, поднятой конями. Через полчаса отряд въехал в лагерь персов.

Персидский бивуак раскинулся в тени пальмовой рощи, примыкавшей к крепости с юга. В шалашах, палатках и под открытым небом набралось, по прикидке Зарудного, до пятисот сарбазов. К ним следовало приплюсовать еще несколько сотен белуджских лашкеров, выступавших под знаменами ханов, не желавших поддержать мятежников. Вблизи центральной площадки лагеря, рядом с командирскими палатками, грозно нахохлились четыре пушки.

Путешественники спешили. Их подвели к большому шатру, у входа в который стояло двое часовых в форме персидских казаков. Один из них отдернул полог перед Николаем и его спутниками.

Ступив внутрь, Николай сразу уловил знакомый сладковатый запах опиума. По-видимому, начальство

предавалось пороку курения, поскольку пьянствовать, как это заведено было у русских офицеров, не позволяли каноны ислама. Навстречу, с устилавшего пол ковра, поднялся средних лет горбоносый перс. Несмотря на расхристаный вид, в нем чувствовалась военная выправка.

— А-а, здрав-ствуй-те! Хош амадад! — поприветствовал он вошедших.

— День добрый, уважаемый Гашим-хан! — вежливо ответил Николай, сразу поняв, кто перед ним.

— Вы тот русский путешественник, о котором мне докладывали?

— Подполковник Зарудный к услугам вашего превосходительства. Откуда русский язык знаете, позволяете полюбопытствовать?

— Я служил в шахских казаках: инструкторы русские, команды по-русски подавались. Да и сам я кстати, с севера, из Азербайджана, из Тебриза: ваши люди там часто бывают. Присаживайтесь, господа! Какими судьбами в наших краях?

Николай понял, что настало время показать документы, и вытащил из планшета пачку потрепанных бумаг. От дорожной пыли они уже приобрели сероватый цвет. Гашим-хан бегло просмотрел их и со вздохом отдал.

— Здесь сказано о пользе, которую вы можете принести правительству его величества. Да я и сам знаю, что русские не могут желать зла персидской короне! То ли дело — англичане. А меня, как видите, вали Кермана, Ассофет-Доулэ, послал установить твердую власть его шахского величества в этих краях, чем я и занят. Искендер-бек сказал мне, что вы только что окончили бой с мятежниками? Эй, люди! Умыться гостям, живо! — приказал он.

Тут же принесли тазы и кувшины с мутноватой реч-

ной водой. Первой, конечно, умылась Элизабет, за ней и остальные.

— Разбойники захватили европейскую путешественницу. Мне пришлось выручать ее из плена, — ополоснув руки и лицо, Николай вытер их поданным полотенцем.

— Ее похититель, Гулям-Рассул, пытался преследовать нас. Но, благодаря Богу и русским трехлинейным винтовкам, мы отбились. Желал бы вручить такую же вашему превосходительству, но запасные винтовки путешествуют сейчас на одном из наших верблюдов. Надеюсь, они в целости и сохранности прибьдут в лагерь.

— Да, было бы приятно получить такую винтовку. Я ценю русское оружие: я видел его в деле. Кстати, эта молодая ханум и есть спасенная вами путешественница?

— Бале! Да!

— Должен сказать вам, что западные красавицы весьма милы, — сказал Гашим-хан и рассмеялся.

Брошенный им на бельгийку взгляд был достаточно заинтересованный, и довольно плотоядный для старого курильщика опиума.

— Эта дама не только мила, но и хорошо стреляет, — произнес громко Николай, и Элизабет, расслышав его слова, наклонила голову в знак того, что польщена.

— Хотите, я одолжу вам одну из своих керманских красавиц, сертип? В Кермане самые красивые и распущенные девушки Персии. Они «баиде томбан шол будан» — «имеющие слабые завязки у кальсон», как говорят у нас о доступных женщинах.

Гашим-хан кивнул на двух девушек, сидевших в задней части шатра. Повинуясь знаку хозяина, они поднялись с ленивой, кошачьей грацией. Обе были очень молоды, и красивы восточной красотой, а фи-

гуры, скрытые платьями и шальварами, отличались юной гибкостью. Пальцы украшенных браслетами рук и ног, были окрашены хной. Предложение, поступившее от Гашим-хана, являлось знаком высшего расположения для перса.

— Говорят, три четверти керманских девушек больны. Но, я знаю, что меня никто не посмеет обмануть! Так что, можете не опасаться. К тому же, в Кермане знают лекарства и там хороший, сухой климат: там нет провалившихся носов, как в Гиляне!

— Предложение, что и говорить, лестное, однако, с дороги меня тянет отдохнуть и поесть, — вежливо отказался Зарудный

— Чтож, может быть, пока подадут аджил и пригостят скромный губернаторский обед, вы хотите взглянуть на кое-какие любопытные вещицы? Мне не приходится принимать в качестве податей.

Не дожидаясь согласия, Гашим-хан, подошел к большому ящику, открыл его и перед взором гостей открылась внушительная коллекция серебряных вещей. Он извлекал их одну за другой и раскладывал на ковре перед путешественниками. Красивые изделия, сталкиваясь, отзывались приятным звоном, говорившим об изрядной чистоте металла. Здесь были серебряные браслеты, серьги, цепочки, бляхи и насечки с конской и верблюжьей сбруи, кальянные чубуки, шашки в серебряных ножнах. В отдельной упаковке лежали украшенные золотом и серебром старинные ружья. Николай догадался: демонстрация этого великолепия затеяна, дабы поразить воображение светловолосой женщины.

— Вот, ханум, — не хотите ли получить в дар какой-нибудь из этих браслетов? — обратился Гашим-хан к бельгийке.

Она поняла, с чем связано это предложение, и от-

рицательно покачала головой, чем явно разочаровала губернатора.

– Вай, афсус! – с сожалением проговорил тот.

Представление было закончено, дорогие безделушки убранны. Однако долг гостеприимства – превыше всего. Гашиим-хан, натянув мягкие тебризские сапоги, вышел из палатки и приказал приготовить угощение для гостей. Вскоре в шатер внесли достархан и установили его красивыми блюдами с едой. Правда, в полевых условиях щедроты губернаторского стола не поражали воображение, и роскошная посуда лишь оттеняла скудость содержимого. Не было даже хорошего хлеба. – Садитесь, пожалуйста! – пригласил он гостей.

И, произнеся традиционное «бисмилля!», извинился:

– Прошу простить повара, но войска идут по разоренной земле.

Количество еды, впрочем, не позволило непривычным едокам остаться голодными.

После того как трапеза окончилась, Гашиим-хан предложил гостям показать военный лагерь. Путешественники согласились и вскоре уже шли по стану персидского войска. Его вид не вызвал у Зарудного большого энтузиазма. Хотя он отметил, что воинская дисциплина, в отличие от становищ белуджских лашкеров, здесь присутствует.

Они подошли к пушкам, которые при внимательном рассмотрении оказались весьма почтенными орудиями, без сомнения выглядевшими техническими новинками в Крымскую войну.

– Не продемонстрируете ли нам русское искусство стрельбы? – спросил Гашиим-хан.

– Охотно! Распорядитесь только выкатить одно орудие за пределы лагеря, – согласился Зарудный.

Губернатор отдал приказ, и тотчас же десяток сарбазов в красных жилетах канониров облепили орудие и, упираясь руками в колеса, выкатили его на окраину лагеря, противоположную крепости. Вместе с персами, Зарудный развернул хобот пушки к солончаку, установил прицел, и навел ее на большой камень в полуверсте от них. Прикинув заряд, Зарудный заложил в ствол картузы с порохом и тяжелое ядро размером с антоновское яблоко. Утрамбовав заряд банником, приказал всем отойти.

– Товсь! – скомандовал он самому себе. – С богом! – и, поднес палец к запалу.

Ударил тугой выстрел, орудие, окутавшись дымом, откатилось, едва не отдавив ноги окружающим. Наблюдатели заметили, как брызнули от камня осколки.

– Маш Аллах! – громко закричали все, приветствуя меткий выстрел, хотя от грохота у них заложило уши.

– Блестяще! – воскликнул губернатор.

И только Николай знал, что ему несказанно повезло: очень трудно попасть без пристрелки, с первого раза. – А вы не могли бы показать стрельбу шрапнелью? – спросил Гашиим-хан.

Но Николай знал, как губителен начиненный пулями снаряд, изобретенный английским лейтенантом.

– С какой целью, ваше превосходительство? – спросил он.

– Да, видите ли... – замялся слегка Гашиим-хан.

– Наш сертип Сеид-Магомед-хан с тремя артиллеристами поехал в разведку. А люди Байрам-хана залпом из засады положили их всех. У нас в ящиках шрапнели достаточно, но из моих людей никто не умеет обращаться с ней. А у нас ведь и пушки есть, и снаряды – мы могли бы здорово сократить срок осады.

– Ваше превосходительство, вы меня извините, но

я не вижу никакой возможности исполнить ваше желание.

– Почему? – недовольно спросил Гашим-хан.

– Потому, что я хотел как раз просить пропуска в крепость, чтобы поговорить с ханом.

– О чем? – взгляд губернатора становится тяжел и подозрителен, он буквально буравил им Николая.

– Мы с ним уже встречались и расстались не врагами. Я нарушил бы законы гостеприимства, принимая участие в его уничтожении. С другой стороны, мне достоверно известно, что Гуссейн-хан уже снялся из-под Бемпура, послав сюда Байрама для прикрытия. Поэтому я надеюсь, что он не захочет продолжать сопротивление и пойдет на мировую. Как вы относитесь к моему замыслу?

– Так-то вы платите за мое гостеприимство! Ваша щепетильность неуместна! – губернатор был недоволен, но потом он все же добавил:

– Что-же, попробуйте, Зарудный-ага! Может быть, вы и вправду сохраните наши силы. Однако вы уверены насчет планов Гуссейн-хана?

– Сведения достоверные. Таковы были его намерения, – убежденно ответил Зарудный.

– Ах, старый лис! Хорошо, но на переговоры вы пойдете завтра, так как скоро вечер. Белый платок в сумерках могут не заметить, и вас подстрелят.

После этого, конечно, не могло быть и речи о продолжении стрельб. Все возвратились в лагерь. Скоро подошел и караван верблюдов с вещами. Первым, кого встретил Зарудный, был Аджи.

– А, наконец-то! Где это ваше благородие обрелось? Хорошо, еще, что губернатор по-русски понимает, и я в персидском поднаторел.

– Нашел необходимым быть с караваном ради его целостности! – уверенно сказал переводчик.

– Я думаю, что задача выполнена успешно. К тому же среди верблюдов и व्यюков и вы прибыли в сохранности, не так ли? – ухмылка встопорщила усы Николая.

Переводчик слегка стушевался, а Зарудный извлек из व्यюка последнюю из запасных винтовок и торжественно вручил ее губернатору. Такой подарок несколько улучшил настроение вали.

Вечером Гашим-хан пригласил гостей на ужин вместе с несколькими офицерами и белуджскими ханами. Внезапно посреди трапезы раздался грохот оружейного выстрела. Все вскочили, и только Зарудный и бородатый белудж в английском френче продолжали хладнокровность.

– Что случилось? Что это такое? – изумленно воскликнул губернатор.

– Это я от вашего имени, взял на себя смелость и приказал сделать несколько выстрелов ядрами по кале. Негодяи укрывающиеся за ее стенами, позорят имя белуджей перед его величеством. Я подумал, что несмотря на невежливый отказ вашего гостя помочь нам, они не должны иметь покоя, – спокойно проговорил белуджский хан, и Николай вспомнил, что тот присутствовал при показательном выстреле из орудия.

– Ну, знаете, Мир-Абдулла-хан! Я в своем лагере сам способен приказывать! Хоть бы предупредили! – зло сказал губернатор, садясь на место.

– А я думал, что ваше превосходительство решил облегчить мою завтрашнюю задачу! – подал голос Зарудный.

– Если ваши умники попадут в цель, мне вряд ли поверят, что не я направлял оружие.

– Вы правы. Искендер-бек, передай: пусть перестанут стрелять! –

приказал Гашим-хан с недовольным видом.

Дальнейший ужин прошел в молчании, и губернатор сухо распрощался с уходящими гостями.

— Николай, пойдемте немного пройдемся! — пригласила его Элизабет. Уже темнело. Некоторое время они двигались молча, пока не отошли на окраину персидского лагеря. Тогда девушка заговорила, но отнюдь не о том, чего ожидал Николай, — не об их личных отношениях.

— Смотрите, эти холмы, фундаменты этой крепости, эта река — они были свидетелями прихода сюда воинов Александра Македонского. Я верю, чувствую, что клад должен быть в крепости. Холм, на котором она стоит, — это здесь самое заметное место. Вам так не кажется? — Элизабет повернула к нему белеющее в полутьме лицо.

— Я не так в этом уверен, мадемуазель, но постараюсь, чтобы она освободилась от своего гарнизона побыстрее. Однако пока здесь стоят войска, искать клад — невероятная глупость. Если мы даже его отыщем, все заберут, и даже «спасибо» не скажут. Пора, впрочем, возвращаться: завтра мне рано вставать, — и они молча повернули к своему месту ночлега. Они были на полпути, когда Николай, заметил темную фигуру, выскальзывающую из шатра Гашим-хана:

— Посмотрите, уж не Аджи ли это? — воскликнул он изумленно. Однако уверенно определить во тьме личность визитера было невозможно. — Что же он мог делать у губернатора?

Глава 34.

Мятежник Байрам-хан.

Однако утром, когда Зарудный пришел к губернатору — обговорить условия, предлагаемые мятежному вождю, его не обескуражил неожиданный вопрос вали:

— Скажите, правда ли вы были гостем Гуссейн-хана?

— Да. Байрам-хан застал меня врасплох, и отконвоировал к мятежному сердару. Но, я и сам отправился бы к нему на переговоры.

— О чем вы с ним говорили? — подозрительно спросил Гашим-хан.

— О безопасном проходе на юг, который нужен экспедиции.

— Вы из всякого неудобного положения вывернитесь! — с неудовольствием отступил вали.

— Разрешите отправляться?

— Идите, — кивнул Гашим-хан.

Чотурдар-Лаял нес палку, на которой была закреплена белая тряпка в знак мирных намерений. За ним шли Зарудный и перепуганный, но безропотный Аджи, взятый для точности перевода. Николай кожей чувствовал на себе взоры осажденных. Когда они приблизились к воротам, те приоткрылись, впуская парламентаров, и тотчас затворились у них за спиной.

По ту сторону глинобитных стен они оказались лицом к лицу с целой толпой белуджей. Большинство их было одето в красного цвета рубашки и, чалмы в которых любили шеголять баранзай. Вооружены они были винтовками разных систем, в большинстве своем английского производства. С появлением Зарудного они поднялись на ноги и возбужденно смотрели на пришельцев. Но вот вперед вышел молодой и красивый Байрам-хан. Он ступил на разостланный ковер и пригласил гостей. Николай и Аджи также вступили на ковер и затем присели напротив. Лицо переводчика побледнело от страха при виде грозной возбужденной толпы: он трясся и шептал молитвы.

— Помогай переводить, мать твою! — подбодрил его Зарудный.

— Недавно мы простились, Байрам-хан, и вот опять

наши дороги пересеклись.

— Все правильно, урус.

— Ты не желаешь помириться с персами? Гуссейн-хан, как сказал Али-Акбар, ушел на юг, в горы Сербазы.

— Я знаю, он поручил мне прикрывать отступление.

— Ты выиграл время, пора теперь подумать и о своей голове. Я примирю вас с Гашим-ханом. У него есть пушки, и хотя я отказался показать им, как стреляют шрапнелью, они могут сокрушить ваши стены ядрами.

— Ты ведь знаешь причину, по которой я примкнул к восстанию. Я не отказываюсь платить налоги шаху. Но Мир-Абдулла-хан, правитель Джалка, дал взятку предшественнику нынешнего вали, и тот велел передать хану два моих наследственных селения. Завтра могут отнять последнее, и у меня останется лишь клочок земли на могилу!

— А если я уговорю Гашим-хана не забирать твоих селений?

— Мир-Абдулла-хан перебежал к каджарам: он в лагере Гашим-хана и жаждет крови моей и моего брата. Но, клянусь, — если мы падём, он и сам обольет наши могилы кровью!

— Да, это жестокий и вероломный хан! — подтвердил Николай, вспомнив сотрапезника в английском френче за губернаторским дастарханом. — И все-таки я уговорю Гашим-хана принять твою сторону в споре.

— Я верю тебе, урус. Но каджары всегда лгут, и я уже не верю их обещаниям! Абдулла-хан купит и нового сердара. Оставим этот пустой разговор. Мы поклялись на Коране умереть все до единого в борьбе за свои права. Здесь, в этом месте, где некогда стоял ла-

герь Искендера Двурогого и он принес дары богам греков, нам сам Аллах велел выполнить эту клятву!

— Хорошо, смотри! — Николай вынул из сумки сверток, и, развернув его, показал новенький наган.

— Бери! — Зарудный вручил оружие вождю баранзаи. — Когда ты выйдешь к нам из крепости, я буду впереди. И если произойдет предательство, ты успеешь убить меня. Но, если ты все же решишь продолжать войну, то не применяй это оружие против персов. Ибо я — гость Гашим-хана.

— Хорошо, я верю тебе! И обещаю выполнить твоё условие. —

Байрам-хан, решившись, протянул руку Николаю.

— Пускай, если прольется кровь, она не будет на моей совести!

Попрощавшись с Байрам-ханом, парламентареры вышли из крепости.

В лагере персов Николай сразу же отправился к губернатору:

— Могу ли я попросить беседы с глазу на глаз, Гашим-хан?

— Разумеется, садитесь, — отвечал тот, хотя по его голосу чувствовалось, что досада его не прошла.

— Как ваши успехи на переговорах?

— Байрам-хан согласен на примирение при соблюдении единственного условия.

— Какого же? — настороженно спросил Гашим-хан.

— Он протестует против передачи Мир-Абдулла-хану своего наследственного владения. Дело было сделано за бакшиш, полученный вашим предшественником. Верните владение истинному хозяину и Байрам-хан станет верным слугой шаха. —

— Вы видели, что Мир-Абдулла, попирая субординацию, от моего имени приказал обстрелять калу. У него титул мир-бузург-заде, он из древнего рода пле-

мени раис и очень влиятелен среди белуджей. Разумно ли настраивать его против себя, отдавая предпочтение мятежнику?

— Все равно он больше служит англичанам, чем вам: он получает от них субсидию. Вы любите британцев?

— Я полагаю, что они нанесли ущерб делу его величества шаха. Хотя в Тегеране есть люди, которые считают иначе.

— Так покажите людям, что вы пришли сюда не просто карать непокорных, но вершить справедливый суд! Оставьте эти селения в совместном управлении, чтобы иметь повод натравить ханов друг на друга! «Разделяй и властвуй!» — таков завет древних римлян.

— Я вижу, что Мир-Абдулла не зря считает вас хитроумным человеком! Я подумаю над вашим предложением, и почти уверен, что соглашусь.

— Вот и прекрасно, ваше превосходительство! — откланялся Николай.

Выйдя из губернаторской палатки, первое, что увидел Зарудный — толпу сарбазов и белуджей. Несколько десятков человек окружили оборванного дервиша, как видно, пришедшего издалека, ибо одежда и лицо его были в пыли. Прислушавшись к его речи, Николай уловил имя Гуссейн-хана, и спросил одного из белуджей:

— Кто этот дервиш?

— Он пришел с востока, сахеб. Долго шел. Говорит, что видел, как мятежники уходили из-под Бемпура. Они сняли осаду и, Гуссейн-хан ушел в горы. Дервиш обещает молиться за сарбазов и сделать их неуязвимыми для пуль.

Николай случайно бросил взгляд на святого и, ему показалось, что из-под шапки свалившихся волос его пронзил пристальный взгляд темных глаз.

День прошел в переговорах с осажденными об ус-

ловиях примирения. Парламентеры перекликались через стену. Решено было, что крепость сдадут на следующий день. Русские приводили в порядок экспедиционное имущество.

А Зарудному не давало покоя воспоминание о пронизывающем взгляде дервиша. Где же он слышал слова: «Не поворачивайся спиной к тому, на ком будет заплатанный дервишский плащ»? Да, вспомнил. Это произнес седобородый пир Ариф Кербели в одном из полуразрушенных мавзолеев Мешхеда.

Тревога поселилась в его душе. Темнело. Палатки экспедиции стояли немного на отшибе. Зловещий шелест пальмовой рощи, который не могли заглушить крики, скрип колес и стук копыт, навевал невольную тревогу. На фоне горящего огонька русский начальник был хорошей мишенью. Но если потушить лампу, будут думать, что русский сертип струсил. Нет, этому не бывать!

Внезапно в проеме палатки возникла темная фигура. Рука Зарудного метнулась к оружию. Однако он тут же узнал Искендер-Бека.

— Идем! — армянин, высунув голову наружу, огляделся, убеждаясь в отсутствии слежки, — и сделал знак следовать за собой. Бесшумно они подошли к палатке Гашим-хана с задней стороны, и, следуя знаку губернаторского адъютанта, Николай приник ухом к ворсистый ткани.

— Этот русский слишком много знает и для нас всех он опасен. — Зарудный узнал голос Мир-Абдуллы.

— О вас, Гашим-хан он может наговорить всякого вздора в Тегеране и тем погубить вашу репутацию. Его связи с Гуссейн-ханом и Байрам-ханом подозрительны. Для чего, как рассказал переводчик, он передал пистолет Байрам-хану, если не для покушения на вас, Гашим-хан?

«Ай да Аджи: стервец! Продад-таки, меня!» — мелькнула мысль в голове Николая.

— Что касается англичан, то у меня есть верные сведения о том, что «свидание» джасуса Зарудни с покойным Рустем-ханом будет для них приятной вестью, и мы можем рассчитывать на их благодарность. Организацию этого «свидания» припишем Байрам-хану!

— Замолчите! — резко прозвучал голос Гашим-хана. — Это не ваше дело, и я не хочу слушать, что вы говорите!

И, немного успокоившись, он продолжил:

— Я не верю в то, что мой гость готовит мое убийство! Вернемся к разговору. Я понимаю, что получить что-либо в собственность, а потом возратить — не легко. Но вы платили за это не наследственному владельцу, а должностному лицу. Эта сделка усилила ряды мятежников. Последнее предложение: соглашайтесь на совместное управление селениями! После того, как Байрам-хан замирится, это будут ваши личные междоусобные дела. И вы нас в них не вмешивайте. Мне важно подавить мятеж и собрать налоги для правительства.

Николаю стало ясно, что разговор идет к окончанию, и он подал Искендер-беку знак отойти от шатра. Оба исчезли в темноте.

— Я знал, что Мир-Абдулле за мою голову обещана плата. Но и не подозревал, что он попытается заработать ее руками Гашим-хана! — в сердцах произнес Зарудный.

— Он пришел к Гашим-хану вечером, и попытался отговорить от примирения с Байрам-ханом. Я решил, что тебе, сертип, надо знать, кто тебе враг.

— Спасибо, Искендер-бек! — Николай пожал руку армянина, не позабыв передать соответствующий бакшиш.

На следующее утро парламентар отнес осажденным губернаторское послание. В нем Гашим-хан давал торжественную клятву не преследовать их вождя за мятеж и вернуть ему наследственные селения — на правах совладения с Мир-Абдуллой-ханом, который будет довольствоваться частью податей.

Байрам-хан выругался в адрес Мир-Абдуллы, назвав его «герду баз» — «игрок в орехи», мужеложец. Затем сплюнул, и, взглянув на преданно глядящих лашкеров, приказал растворить ворота.

Как условились, он вышел из крепости, а навстречу, из лагеря, направился Гашим-хан. Толпа баранзав в красных рубахах сопровождала вождя. Отряд персидских сарбазов в запыленной одежде, с английскими винтовками «маккензи», — шел позади губернатора. По бокам шагали Николай — как посредник и Мир-Абдулла-хан, который должен был произнести слова примирения. Обе стороны сошлись посередине пустого поля. Байрам-хан протянул руку губернатору.

Внезапно один из белуджей, одетый в красное, выхватил саблю и с криком «Ля-илляха!» кинулся на Гашим-хана. Николай успел только схватиться за оружие, демонстративно сдвинутое назад. А в руке Байрам-хана уже мелькнул револьвер. Треснули выстрелы: один, два, три... Роняя саблю, покушавшийся баранзаи, как сноп, валится к ногам губернатора. А Байрам-хан остался стоять на месте, скрестив руки на груди. В одной из них дымился наган — подарок Зарудного. Скорость, с какой был выхвачен револьвер, показала, что вождь подготовился на случай предательства. Однако ему пришлось убить своего лашкера, хотя при этом он рисковал быть застреленным губернаторской охраной.

Потрясенный случившимся, Гашим-хан перешагнул через покушавшегося, и без слов протягивает руку

своему спасителю. Дружеское рукопожатие. Свидетели этой сцены не обратили внимание на умирающего, который повернул голову, чтобы увидеть своего убийцу. Николай наклонился к нему и услышал прерывистый шепот:

– Ты, урус, дважды встал на пути. Мы отплатим, во имя имамов! – глаза его подергиваются мутной пленкой.

– Шейхит! – пораженно отшатывается Николай.

Значит, шейхиты следят за ним? Быть может, считают, что он нашел «клад Тимура» в Хоуздаре? Но можно ли было ожидать, что шиитский фанатик затесался среди толпы убежденных суннитов? Впрочем, белуджи терпимы к иноверцам и сектанту не составило труда укрыться среди них. Зарудный поднял глаза от трупа убийцы-неудачника и внезапно перехватил сверлящий, ненавидящий взгляд Мир-Абдуллы. Впрочем, глаза врага были устремлены не на него, а на пожимающих друг другу руки губернатора и вождя баранзаи. Он вдруг понял, что джалкский хан ожидал этого покушения. Но откуда он мог знать о заговоре в окружении Байрам-хана? Вот какого рода мысль посетила Николая. Однако он ни с кем не стал ею делиться.

После драматического происшествия отношение Гашим-хана к русскому путешественнику намного улучшилось. Однако Зарудный был обеспокоен этим инцидентом. В сердце закралась тревога: беда, как говорится, не приходит одна.

– Поверь, сертип, я не знаю, как этот негодяй, позорящий имя Аллаха, затесался в число моих людей! – посетовал Байрам-хан.

Помирившись с властями, он собирался уезжать в свой удел. В виде уплаты налога, в присутствии Зарудного, он передал Гашим-хану несколько ценных

предметов. Среди них путешественник заметил серебряную фигурку явно древнего происхождения. Она была выполнена в той же манере, что и талисман, найденный на убитом в оазисе Гурани.

– Откуда взялась эта вещица? – изумился Николай.

– Должно быть, это старинное изображение фаришты, волшебного духа. Древние язычники изготавливали подобные вещи.

– Где же это нашли?

– Наверное, взяли у кого-то из местных жителей. Возможно, кто-нибудь из людей Искендера обронил этот тимор, когда они здесь были, – молодой хан не подозревал, насколько близок он был к истине. Элизабет, присутствовавшая при разговоре, переглянулась с Николаем.

Эта сцена происходила в палатке губернатора. Внезапно, с улицы послышались крики и выстрелы. Все, встревожившись, выскочили наружу. К счастью, выяснилось, что это объявил о своем прибытии еще один верный престолу белуджский хан. Как можно было судить по выбритым головам и круглым пестрым ермолкам ханской свиты, въехавшей в самый центр лагеря, новые гости прибыли с юга.

Глава 35.

Убийство.

Загорелое лицо предводителя было решительно и открыто.

– Моуледад-хан, правитель Кесеркенда, верный слуга шаха Ирана! – представился он губернатору и его окружению. – Я привез прошлогодние подати. И привел свой отряд на соединение с вашим, уважаемый вали! – обратился он к Гашим-хану.

– Ва алейкум ас-салям, почтенный хан! – отвечал тот.

Они обнялись, как это делают добрые друзья при встрече, похлопав друг друга по спине. С Николаем правитель Кесеркенда обменялся рукопожатием. Узнав, что перед ним русский, а не британец, хан сразу подобрел и сообщил, что уже встречался с его соотечественниками.

– Они были моими гостями, – сказал он.

После этого разговор прервался, ибо Гашим-хан пригласил вновь прибывшего для приватной беседы в свою палатку.

Николаю было известно, что Кесеркенд – единственный достойный имени городка населенный пункт юго-восточного Белуджистана. Близкое соседство с Гуссейн-ханом не прибавило правителям взаимных симпатий. Поэтому сердар Кесеркенда не поддержал восстание Гуссейна. Такова была, в общих чертах, подоплека местной политики.

Губернатор объявил, что в честь приезда Моуледад-хана устраивает «большой дарбар». Применительно к походной трапезе это пышное название не совсем подходило. Оба хана – союзник, и недавний противник, – сидели по обе стороны Гашим-хана, а напротив помещались русские гости – дополнительная «гарантия» от восточного коварства. За столом много говорилось торжественных слов и цветистых речей. Каждый из приглашенных желал блеснуть красноречием. Впрочем, сам пир надолго не растянулся, все было быстро съедено и выпито. Моуледад-хан, узнав об уходе Гуссейн-хана на юг, торопился обратно. Сразу по окончании обеда хан собрался в дорогу. Напрасно Гашим-хан советовал ему подождать до утра, или, взяв часть своего войска, потом отослать

людей обратно. Хан взял только пару верных лашкеров.

– Я никого не боюсь: ни англизи, ни Гуссейна – только Аллаха. Мы заночуем в пути, – решил он.

– А тебе, урус, я обещаю самую гостеприимную встречу, – сообщил он путешественнику на прощание, вскакивая на своего коня и давая ему шенкеля. Затем троє всадников исчезли в клубах пыли.

Однако не прошло и получаса, как издалека долетел звук ружейного залпа. Все насторожились, и не зря! Через некоторое время на площадке перед палаткой губернатора остановился взмыленный конь. На нем еле держался один из лашкеров, уехавший с Моуледад-ханом.

– Хан... убит... – произнес он, сползая с седла на руки подбежавшего Искендер-бека.

Быстрее всех среагировали Николай и Байрам-хан. Почти одновременно вскочили они на первых попавшихся коней и, пришпорив их, ринулись по следам рокового вестника. У Зарудного был пистолет, у молодого белуджа – английская винтовка. Галопом проскакали они через всполошившийся лагерь, слыша за спиной крики Искендер-бека, сзывавшего конников.

Всадники мчались в клубах пыли. Вот промелькнули распростертые на земле тела бесстрашного хана и его спутника: у обоих были пробиты головы. Прошло немного времени и впереди они увидели далекие облачка пыли. Постепенно они нагнали троих всадников, несущихся во весь опор. Преследуемые, обернувшись, увидели погоню – и, одновременно прогремели выстрелы. Пули проносятся над головами Николая и Байрам-хана, но они продолжали преследование. Повинуясь главарю, убийцы осадили коней и произвели новый залп. Скакун Байрам-хана взвился на дыбы, но ловкий всадник чудом успел соскочить на-

земь, чтобы не быть придавленным бьющимся в судорогах конем. Николай, промчавшись еще немного шагов, круто осадил коня, выхватил пистолет, прицелился и выстрелил. Один из преследуемых медленно завалился в седле. Двое других, отстреливаясь, возобновили бегство. Николай снова вскинул пистолет, и с головы второго бандита пуля сорвала ермолку. Внезапно, за спиной Зарудного раскатисто ударила винтовка и конь головореза, словно споткнувшись о невидимую преграду, с предсмертным ржанием перекатился через голову, и забился в агонии. Выброшенный из седла всадник остался неподвижно лежать на земле. Николай проскакал мимо, продолжая преследовать главаря, сверкающего впереди бритой головой. Но постепенно тому удастся оторваться от преследователя.

Всадники приблизились к самым холмам, и убийца уже готовился скрыться среди них. Тогда, спрыгнув с коня, Зарудный положил пистолет на седло и, тщательно прицелившись во врага, нажимает на спуск. Однако в последнюю секунду лошадь вздрогнула, и пуля лишь перебила подпругу. Конь противника сделал скачок, и оторвавшееся седло, подобно ковру самолету, заставило всадника, точно летающего джина, приземлиться едва ли не на голову. Николай бросился к месту падения.

Однако противник, если и был контужен, то сохранил способность соображать. Приподнявшись, он выхватил из-за пояса пистолет и навел его на преследователя.

«Надо стрелять», — мелькнуло в голове Зарудного, но какая-то роковая медлительность вдруг овладела им и отчетливо родилась мысль, что он не успеет опередить врага. Однако тот, кажется, действовал еще медленнее: мушка маузера уже коснулась его плеча,

прежде чем зрачок вражеского дула устоялся в глаза Николая. Пистолет в ладони русского подпрыгнул, и лицо белуджа исказила боль. На плече его расплылось красное пятно, которое он инстинктивно зажал рукой.

В этот миг замедлившееся время вновь обрело стремительный темп и, Николай различил позади себя конский топот.

— Постой, сертип, не стреляй! — раздался запыхавшийся голос Искендер-бека. Адьютант Гашим-хана соскочил с лошади и подбежал к раненому.

— Теперь он мой! Пусть скажет, кто платил ему за убийство! Эй, ты! Как твоё имя?

— Дин-Магомед. — ответил тот мрачно.

— Эй, люди, возьмите его! Отвезем лашкера Гашим-хану! — приказал Искендер-бек подскакавшим всадникам.

Пленного привязали поперек седла, и затем все отправились в обратный путь. Когда проезжали мимо места, где лежал убитый разбойник, Николай увидел, что тело его уже было обезглавлено. Тело второго отсутствовало: бандит, как видно остался в живых, и был пленен. Когда Николай и его спутники добрались до лагеря, убитые хан со слугой, и один из нападавших, уже были доставлены на место.

Допрос убитых Гашим-хан производил перед шатром. Он вышел и резко повернулся к пленникам:

— Давай, рассказывал, как все было! — ткнул он в грудь наспех перевязанного главаря. — Зачем вы убили хана? Он был твоим кровником?

— Нет, — отвечал тот. — Но я не любил его.

— Кто приказал тебе совершить это подлое преступление?

Дин-Магомед, зная, что пощады ему все равно не будет, решил ничего не скрывать:

— Гуссейн-хан, сердар, ненавидел его, за то, что он не хотел поддержать восстание. Он дал мне золото, это было золото англизи. Я думаю, его передал Гревсагиб, раис-и-телеграф из Чахбара. Он также не любил Моуледад-хана. Он знал, что тот подружился с урусами, гостившими у него. К тому же хан не соглашался проводить телеграф через свои земли.

— Ты, значит, убил за деньги?

— Выходит, так.

— А ты? — резко повернулся Гашим-хан к другому пленнику. — Я видел тебя в нашем лагере. Ты изменник!

— Я не предавал аль-шейхия! Я выполнял приказ! Вначале жребий пал на уруса, но затем приехал Дин-Магомед, привез деньги, и, мне сказали: иди с ним!

— А, дервиш! — догадался Гашим-хан. — Вот кто причина всего! Найти!

— Поздно, он уже далеко! — ощерил зубы пленный.

— Но ты-то здесь! А я помню, что вы хотели убить меня!

— Благословен Аллах, убив хана, мы укрылись бы в горах. Подозревать стали бы Байрам-хана, и война возобновилась бы. Она была нужна, а не твоя смерть.

— Почему вы отказались убить меня? — заинтересовавшись, вмешался Николай.

— Считаю, ты и так уже мертвый, урус: слишком многим мешаешь, — цинично ответил шейхит, зная что ему нечего терять.

— Значит, так! — грубо прервал их Гашим-хан. — Вы — презренные наемные убийцы! Вы стреляли в спину хана. И так как за это подлое деяние вы не заслуживаете ни благородной смерти от пули или меча, ни быстрой — от веревки, — то мой приговор таков: пусть вкопают крепкий шест, привяжут к нему убийц и обложат со всех сторон мокрой глиной. И сделайте так,

чтобы они сразу не задохнулись! Искендер-бек, они твои! — он махнул рукой адъютанту и повернулся к убийцам спиной, вычеркнув их из списка живых. Те вздрогнули, услышав страшный приговор. По приказу Искендер-бека вскоре притащили толстую жердь и вкопали ее в землю. Обоих преступников привязали к ней стоймя, а в яме развели глину.

Зарудный, который не имел желания ни облегчать участь злодеев, ни, присутствовать при казни, ушел в палатку. А у ног убийц стал расти слой влажной глины. Уже к вечеру глиняная башенка, в полтора человеческих роста высотой, затвердела. И только маленькие камышинки, торчавшие на уровне человеческой головы, которые Искендер-бек сунул в рот каждому приговоренному, чтобы они не задохнулись сразу, говорили о том, что внутри находятся заживо погребенные люди. И никто не увидел, каковы были последние минуты убийц.

Элизабет не могла смотреть на эту башню, когда они вышли на вечернюю прогулку.

— Мне жаль этих несчастных! Как жесток мир Востока! — сказала она, вздрогнув, при виде мрачной могилы.

— Эти, как вы говорите, «несчастные» — убийцы-наемники. И хан, которого они подло застрелили, мог обеспечить нам безопасный переход через Мекранские горы, на юг. Такие, как они, напали на ваш мирный караван. А Восток — что же, он просто отстал от нас на пару веков! Да и то: стоит нашим «цивилизованным» соплеменникам лишиться сдерживающих рамок, и, они могут проявить не меньше жестокости, — ответил Зарудный.

— Вероятно, вы правы, хотя мне не хотелось бы плохо думать о своих соотечественниках.

— Вернемся к нашим поискам сокровищ, — он обра-

тил ее мысли к тому, ради чего девушка отправилась в рискованное путешествие.

— Гашим-хан собирается завтра покинуть этот лагерь и увести войска в Бемпур. Здесь он оставит несколько десятков людей. Самое удачное время для розыскных работ. У вас есть предположения, где искать клад?

— Я думаю, следует начать с крепости, возникновение которой предание связывает с Искендером.

— Хорошо, тогда необходимо придумать предлог, под которым мы останемся здесь.

— Ну, что же, придумайте: вы же мужчина! — пожал плечами Элизабет

Глава 36.

Западня.

Байрам-хан, тепло попрощавшись с Николаем, уехал со своими краснорубашеными лашкерами. Гашим-хан распорядился сворачивать лагерь. Закипела работа — с криками, суетой, ревом животных.

— Поехали со мной, Николай! Отдохнешь в Бемпуре, потом двинешься дальше, — предложил губернатор, поднимаясь со своего ковра и при помощи одной из керманских красавиц застегивая португую.

— Благодарю за приглашение, Гашим-хан! Спасибо за новых верблюдов. Но, мой раненый остается здесь, а ваш лекарь-табиб уходит с войском. Пускай пару дней наш человек подлечится под моим наблюдением. Мы еще немного отдохнем тут, а затем пойдем на юг. Но вас я прошу никого в это не посвящать, ибо некоторые ханы из вашей свиты способны организовать на меня засаду.

— Намек на Мир-Абдуллу? Хуб, сертип Зарудни! Да будет вам удача! — согласился губернатор.

И вот длинная колонна правительственных войск зазмеилась вверх по долине. В опустевшем лагере осталось всего три десятка сарбазов — новый гарнизон крепости — да раненые. И, конечно, Николай со своими людьми.

Зарудный объявил начальнику персидского гарнизона, что желает обследовать укрепление.

— Я слышал, что первую крепость построил здесь сам Искендер Зулькарнайн. Я хотел бы найти ее следы, — он подкрепил свое пожелание несколькими мелкими монетами. Перс равнодушно кивнул: видя уважение начальства к урусу, он тоже не хотел чинить ему припятствия. Что бы начальство ни вытворяло — все правильно. Древние камни? Да ищите хоть окаменевший навоз Иблиса, если угодно!

Итак, Зарудный приступил к поискам клада. Внутри крепостицы располагалось несколько глинобитных хижин, поднимавшихся по склону. Они были брошены с началом осады, и их жители только теперь возвращались к своему очагу. Будучи не искушен в ремесле археолога, Николай растерялся: где искать? Однако Элизабет оказалась опытнее в этом деле. Она разыскивала самую старую часть укрепления. Внезапно, остановившись против пыльной хижины, она поманила пальцем Николая. Когда он подошел, показала покрытую грязью грубую плиту, вмурованную в основание стены. Девушка провела по ней каблуком, счищая глину, и их взору солнцу открылась полустертая веками греческая надпись: «Сибиртий».

— Это имя начальника отряда, посланного Александром. Они не поленились увековечить имя своего предводителя. Несомненно, здесь располагался их лагерь.

— Мне кажется, что здесь была пещера: быть может, в ней жили?

Она указала на большую нишу, резко выделявшуюся на срезанном склоне рядом с хижинкой. Так как она была заполнена глиной и гравием, то Николай позвал людей, и некоторое время им пришлось изрядно потрудиться, долбя и выгребая сцементированную породу. Однако, вскоре, Элизабет усомнилась, что клад зарыт на месте лагеря: слишком многие бы знали тогда точное его расположение. Белуджи напрасно очищали нишу. Однако любопытная находка им все же попала: обломки каменного сосуда с клинописной надписью. Девушка выудила из кармана книжечку и долго сличала клинопись с тем, что было на замусоленных страницах.

– Смотрите! Это слово есть в моем древнеперсидском словаре. На сосуде написано: «ганзабара». Это значит – «казначей»!

Они многозначительно переглянулись:

– Похоже, мы попали на след. Только вот чей? При чем тут персидская клинопись, если греки возвращались из Индии?

В это время подошел старик-белудж, как видно, из местных жителей. Он с интересом наблюдал за возней пришельцев.

– Что ищете? – спросил он Николая, в котором признал начальника.

– Ищем яван-молла – греческую могилу. Хотим найти старые изображения фаришты и маляка, добрых духов и ангелов. Вот такие! – Зарудный показал статуэтку, принадлежавшую убитому в Гурани.

– А, Сикандер-маляка! «Ангел Искендера», – обрадовался старик. Да, это редкие находки. Но, если вы ищете яван-молла, то она не здесь.

– На баба? Верно ли?

– Бале. Да.

– А где?

– А вы хорошо заплатите, если я покажу?

– Да, заплатим. Дадим серебряную рупию.

– Хейли хуб! Очень хорошо. Тогда поехали.

Через полчаса в сторону гор отправился маленький отряд: Николай, Элизабет, Александров и проводник. Спустя час они остановились у подножия холма с крутыми склонами. Старик меж тем разговорился.

– Говорят, Сикандер вез из Индии красавицу-царевну. Его жена узнав об этом разгневалась, решив его убить. Тогда он велел принцессе закопать живьем, а сам поехал дальше. Но все равно его отравили. А принцесса лежит здесь, но на ее могилу наложено заклятие, – рассказывал словоохотливый старик.

Верблюдов привязали к кустам акации-кягура, охранять животных остался Александров, а остальные полезли на холм по каменистому склону, вслед за бодрым взбирающимся проводником.

– Смотри! – показал старик на таинственно темнеющий вход в пещеру. Однако войдя внутрь и, привыкнув к ее сумраку, кладоискатели обнаружили, что находятся в обычном гроте, который углублялся лишь саженей на пять в недра холма. Николай зажег самодельный факел, и колеблющийся свет озарил закопченный, понижающийся вглубь свод.

– Молла там! – Проследив направление руки проводника, Николай увидел в глубине грота на стене надпись: явно греческую, но почти стершуюся! Путешественники впились в нее глазами, однако были почти сразу разочарованы: при чем тут заурядные восхваления богам? Правда, место для древнегреческой надписи было не самое обычное. И лишь несколько мгновений спустя Николай обнаружил, что в пещеру они остались вдвоем: проводник исчез! Рука его легла на пистолет и, он бросился к выходу но уже ничего нельзя было сделать.

Большая глыба, нависшая над входом, с грохотом обрушилась, отрезая их от мира подобно крышке мышеловки. Лишь в последний момент, заметив в стремительно сокращающейся полоске света человеческую фигуру, Зарудный, не целясь, выстрелил. Но он уже не мог видеть: настигла ли мстительная пуля свою жертву. Волна воздуха от упавшей глыбы резко задула факел, сыпанув в лицо людям песок и каменную крошку. Наступила тьма и тишина, наполненная лишь неестественно громким дыханием двух растерявшихся людей и резким запахом пороховой гари.

— Нет! — вдруг воскликнула Элизабет. — Это не может быть концом, нет!

— Успокойтесь! — резко сказал Николай.

И она, поняв, что словами делу не поможешь, затихла.

— Так глупо вляпаться в ловушку! — он был вне себя от ярости. Протирая глаза от попавшей пыли, он, на ощупь, приблизился к выходу. Здесь, вплотную у перекрывшей его глыбы, он почувствовал слабый ток воздуха. Значит, смерть от удушья им не угрожает.

— Попробуем раскатать камень! — сказал он, наваливаясь всем весом. Ему показалось, что глыба дрогнула.

— Помогите же! — прохрипел он.

Слабые женские руки тут же пришли на помощь мышцам офицера. Николаю казалось, что его жилы лопнут от напряжения. Но камень, чуть дрогнув, не сдвинулся с места. Задыхаясь и обливаясь потом, он привалился к глыбе. В глазах плясали кровавые круги, сердце билось, как молот. Рядом, в темноте, вдруг послышался плач:

— Мы умрем, как те несчастные, которых заживо замуровали! — захлебывалась слезами Элизабет.

— Мы никого не убивали в спину и поэтому не ум-

рем! — резко ответил Николай.

Он грубо схватил женщину за талию и привлек ее к себе.

— Перестаньте реветь, все будет хорошо! Сергей остался снаружи, он вызовет помощь! — Николай жесткой ладонью вытирал ее мокрое лицо. В глубине души, он правда, не был уверен в том, что Александров не лежит под холмом с простреленной головой.

— Где осталась кирка?

— Кажется, в глубине пещеры, — девушка попыталась взять себя в руки. Николай быстро зажег спичку, осветив лицо Элизабет, серое под слоем пыли, превратившейся в грязь там, где проложили себе путь ручейки слез. Вероятно, его взмокшее от пота лицо выглядело не лучше.

— Вы рано сдались, Лиза, — сказал он, пытаясь разглядеть, где лежит принесенная ими кирка.

Одновременно он успел заметить, что участок скалы с греческой надписью от сильнейшего толчка треснул, и нижняя часть ее целиком съехала на пол. Обнаружилась другая надпись, выбитая в настоящей скале. Таким образом, письмо из прошлого было с секретом. Едва он успел сделать пару шагов и ухватить рукоять кирки, как спичка потухла. Между тем ему показалось, что воздух делается более спертым. Повернувшись, он сделал несколько шагов, пока рука его не наткнулась во тьме на что-то мягкое. Послышался сдавленный возглас.

— Это я! — быстро сказал он. — Отойдите в сторону. Я попытаюсь пробить отверстие. Воздуха становится все меньше, и мы можем недотянуть до спасения.

Николай зажег еще одну спичку. В левом верхнем углу, откуда, по его расчетам, притекал воздух, поверхность камня неплотно прилегала к скале. Каменная стена здесь казалась более подходящей для штурма.

Запомнив это место он как следует размахнулся, и сданул со всей силы, да так, что сталь выбила из камня заметные во тьме искры. Послышался шорох сыплющейся крошки.

— Зажигайте спички и подсвечивайте мне! — сказал он и передал коробок Элизабет.

Главное теперь было — время. Он снова энергично замахнулся киркой. Звонкие удары загрохотали канонадой в замкнутом пространстве пещеры. Градом летели осколки, несколько раз вскрикивала задетая ими бельгийка, но продолжала светить. Все лицо Николая было иссечено мелкими осколками, но он только прикрывал веки, чтобы они не попали в глаза. Наконец, обессилев, он остановился. Теперь свежий воздух потек широкой струей, и стало ясно, в какой духоте они сидели. Они и вправду могли задохнуться! Он приник к щели и несколько раз жадно вдохнул. Затем, усилив воли заставил себя уступить место девушке, дышавшей, точно выброшенная на сушу рыба.

Придя немного в себя, они снова принялись за работу. Внезапно осколок камня отлетел наружу, и в глаза им сверкнул свет! Элизабет радостно закричала. Николай, отбросив кирку, мрачно оглядел свои покрытые кровавыми мозолями руки.

— Мало выжить, надо выбраться, — пробормотал он.

— Эгей! — крикнул он, подтянувшись к маленькому отверстию.

Но лишь тишина была ему ответом. Тогда, просунув в дыру ствол пистолета, он нажал на спуск: раз, другой, третий... Выстрелы прокатились эхом над холмами. Он сунул пистолет в кобуру. Если выстрелы слышали его товарищи, они быстро придут на помощь. Если нет — он предпримет новую попытку: пока не получит ответ, или не закончатся патроны.

Внезапно до него донеслось что-то похожее на выстрел. Он еще дважды выпалил наружу. Минут через двадцать извне послышался шорох.

— Эгей! — крикнул он в дыру, сложив ладони рупором.

— Николай Алексеич, вы живы?! — донесся ослабленный камнем голос.

— Михаил, ты? Живы, мы, живы!

— Отлично!

— Как будете нас освобождать?

— Попробуем подкопать глыбу. Жаль, динамита нет.

Через несколько минут снаружи послышались глухие удары инструмента о грунт. Николай пока не мог помочь товарищам. Он решил не терять времени: ушел в глубь пещеры, сбил киркой остатки античной штукатурки. При свете спичек они с Элизабет прочли открывшуюся греческую надпись: «Пять стадий на юго-восток, каменная черепаха содержит царскую казну. Да упокоят боги душу казначея».

— Вот это да: наконец-то мы узнали что-то о казне. Но при чем тут душа казначея? И что это за каменная черепаха? — с удивлением проговорил Зарудный.

— Опять то же слово, только в греческой транскрипции: «ганзабара»! — заметила Элизабет.

— Почему, говоря о своей индийской добыче, греки используют персидское слово?

— Да ведь оно было интернациональным. И сохранило то же значение в современных языках!

— Действительно, русское слово «казна» звучит похоже! И все же, почему именно по-персидски? И что за казначей? А клад, выходит, прятали поближе к нынешней крепости? Поищем! Только как же не побоялись написать о нем в открытую?

— А кто здесь мог прочесть греческую надпись, кро-

ме их самих?

— Правильно! Похоже, в отличие от «клада Тимура», здесь нечто реальное.

Между тем после примерно часовых усилий спасателей, стало ясно, что глыба уже поддается.

— Эй, Николай Алексич, помогите расшатать камень! — раздался снаружи голос Гермса.

Николай налег, что есть силы, на глыбу. Вот, кажется, она подалась под напором. Камень ощутимо качнулся: раз, другой. Рядом помогала Элизабет. Глыба качнулась сильнее — и, еле они успели отскочить, как выбросив фонтан мелких камешков, с грохотом она опрокинулась наружу, и тяжело покатила по склону, с шумом увлекая за собой шлейф камней и пыли.

Отвыкшие от солнечного света пленники, щурясь, вышли из пещеры. Снаружи полукругом стояли на склоне Михаил, Сергей, Аджи, Лаял и полдесятка сарбазов. Все были усталые, покрытые пылью и взмокшие от тяжелой работы. Николай обнял каждого из товарищей, Элизабет плакала от радости, как ребенок.

— Жив, Сергей! — Николай еще раз пожал руку отставному солдату. — Но как тебе удалось спастись, ведь это была ловушка?!

— Камни наверху внезапно загрохотали, но я слышал звук выстрела, насторожился, и схватил винтовку! И тут из зарослей кягура лашкер с саблей выпрыгивает! Была бы винтовка за плечами — конец Сергею Александрову. А тут затвор передернул и — бац! — в упор его завалил. Ну а потом, слышу, выстрелов нет. Я на своего верблюда, остальных в повод и ушел, от греха, за подмогой. Приехал к нашим, рассказал, какая беда приключилась! Я догадался, что вас лашкеры могли заманить в пещеру, и там завалить. Ну, по-

ехали гуртом на выручку. А по дороге выстрелы услышали: значит, живы вы, на помощь зовете!

— Лашкеры мы не встретили, они уже ушли, — вмешался Гермс. — Но внизу, возле камней, обнаружили вашего проводника! Пуля попала ему в бедро. Мы его перевязали, и он сказал, что какой-то афганец нанял его заманить вас в эту пещеру. И ловушка им была подготовлена, чтобы вам навсегда остаться в каменном склепе.

— Это Пир-Мухаммед, конечно, кто же еще?! Его работа!

Они спустились вниз, и Николай действительно увидел своего перевязанного проводника.

— Я остался жив, как видишь! — обратился к белуджу Николай.

— На все воля Аллаха! — ответил тот.

— Как звали того, кто тебя нанял меня заманить в пещеру?

— Кажется, Мухаммед.

— Пир-Мухаммед?

— Да.

— Значит, все-таки жив и не отказался от своей мести. Ты знаешь, что предатель достоин смерти?

— Иншалла!

— Мы оставим тебе немного еды и воды и выбирайся, как знаешь.

— Хуб.

— Довольно жестоко, Николя, бросить его здесь, беспомощного. Может, возьмем его в Келанзиад? — сказала Элизабет.

— Если его не загрызут шакалы, он выживет. Я не повезу предателя в крепость. Тем более что, начальник все равно прикажет его казнить.

На следующее утро отряд путешественников находился примерно на полдороге между пещерой, где чуть не остались навсегда Николай и его спутница, и крепостью. Теперь они были все вместе, учитывая угрозу нападения со стороны лашкероов.

— Мы прошли две версты, но ничего, напоминающего по форме черепаху, не видно, — сказал Николай.

— Неужели греки обманули?

— Может быть, за два с лишним тысячелетия кто-нибудь нашел клад и разрушил каменную черепаху? А, возможно, ее засыпало песком?

— Где ты здесь песок видишь? Одни камни; пески — за рекой.

— А ведь македонцы и греки — далеко не одно и то же. Македонцы входили в Дельфийский священный союз, в котором захватили главенство. Может быть, ими применен священный олимпийский стадий? Он на пятьдесят метров длиннее афинского и равен двумстам тридцати метрам. Разница на десять стадиев составляет полкилометра, — вмешалась Элизабет.

— Верно! Поехали дальше, —

Когда они миновали рощицу акаций, Николай первый увидел холм:

— И вправду похож на черепаху! Смотрите, вот он!

Это было нагромождение каменных глыб, формой напоминавшее черепаший панцирь. Подъехав, они слезли с верблюдов и в азарте забрались наверх. И здесь растерялись. Холм был хоть и не велик, но разобрать его за несколько дней было просто не возможно. Никаких указаний на то, в какой его части искать клад, не существовало. Николай, Михаил и Элизабет сошлись в середине и стали высказывать самые неве-

роятные предложения, как найти сокровища. Внезапно Элизабет звонко расхохоталась:

— Смотрите, да мы же прямо на них стоим! Мы находимся в понижении. Такие бывают на вершинах курганов, внутри которых обрушилась погребальная камера!

— Точно, в ямке стоим! — удивленно отметил Михаил.

Воронкообразное углубление было сажени две в ширину и аршина полтора глубиной. Снизу позвали Сергея и Мессориана с инструментом и принялись за работу. Вначале скинули булыжник. Затем кирка и лопата с хрустом врубилась в щебень и конгломерат. Вначале породу просто отбрасывали, затем, когда яма стала глубокой, начали вытаскивать кожаным ведром.

— Смотрите! — воскликнул вдруг белудж.

Он подал наверх проржавевшую кирку, потерявшую свою прежнюю форму. Стало быть, когда-то здесь кто-то уже рыл!

Солнце медленно продвигалось по небу, а люди уже полностью скрылись на дне полуторасаженной ямы. К вечеру обнаружили остатки провалившегося деревянного перекрытия. Внезапно Михаил поднял руку, и в лучах заходящего солнца заблестела, очищенная от земли, почти невесомая золотая вещица. Это было затейливое украшение, сплющенное камнями.

— Это вещь индийского стиля! — воскликнула Элизабет. — Мы нашли сокровища!

Началась кладоискательская горячка: работали споро, без передышки. Нашли несколько древних предметов: золотые и почерневшие серебряные женские украшения; остатки оружия, украшенного самоцветами: рукояти и наконечники ножен мечей, куски бронзовой кирасы, истончившейся до толщины консерв-

ной банки; пару сплюснутых драгоценных кубков; накладки к пиршественным костяным ритонам.

Наконец, они совсем выбились из сил и, в наступившей темноте им пришлось прекратить работу. Ночь прошла в тревожном ожидании нападения. Они заняли оборону на вершине, стараясь не пропустить возможное приближение грабителей, а возле верблюдов засаду устроили белуджи.

Наутро раскопки возобновили. Почти тут же обнаружили старинные сосуды и полые сплюснутые золотые изображения индийских и персидских богов. – Смотрите! – Элизабет торжественно подняла бронзовый позолоченный шлем в виде слоновьей головы с поднятым хоботом. – Точно в таком же шлеме изображен Александр Македонский на одной из своих монет: вещь явно индийского происхождения. Этот шлем ничего общего не имеет с рациональной полусферой греческой каски.

И тут резко изменился характер находок.

– Какая же это Индия: пошли сплошь древнеперсидские вещи! – воскликнул Николай.

Выкапывали, как на подбор, предметы с изображением крылатого солнца Ахеменидов с клинописным тавром: какие-то вазы, бляхи, сосуды. Обнаружилась целая коллекция клинописных каменных печатей.

– Выходит, часть сокровищ они везли еще из Персии?!

А затем показался плоский камень, который постепенно превратился в крышку продолговатого каменного ящика – саркофага! Кладовискатели принялись за раскопки с удвоенной силой, ожидая, что там будет главное сокровище! Крышку приподняли вдвоем: Александров и двое белуджей.

Николай успел заглянуть туда за секунду до того, как лучи солнца попали внутрь саркофага.

И он успел увидеть высохшее за тысячелетие лицо женщины, и профиль мужчины, втиснутого в то же каменное ложе. Когда солнечный свет упал на них, облоочки мумий разлетелись облачком пыли, смешавшимся с пылью истлевших одежд. Остались лишь два скелета, останки мужчины и женщины, тела которых были втиснуты в один саркофаг. Некогда их одежда была по персидскому парадному обычаю расшита золотыми бляшками. Они лежали теперь слоем золотых чешуй на дне саркофага. Остатки ожерелья, прежде обвивавшего шею женщины, образовывали золотистый нимб вокруг ее головы. Череп мужчины был разрублен и, возле него лежала цилиндрическая печать с дыркой для продевания шнура. Элизабет подняла ее и обнаружила там клинописную надпись, которая, при помощи словарика, была ею сразу же прочитана: «упаганзабара».

– Если перевести дословно, то это значит – «помощник казначея», – сказала бельгийка.

– Интересно, кто были эти мужчина и женщина, чью могилу мы открыли? – спросил Николай. Девушка пожала плечами:

– Должно быть, один из заместителей казначея персидского царя, если судить по надписи на печати. Но как он попал сюда?

– Наверное, укрылся от македонских завоевателей во время взятия персидских столиц: Персеполя и Суз.

– Значит, бежал?

– А, возможно, был отправлен в тихое захолустье бывшей империи вместе с частью казны. Предположим, что это было сделано заблаговременно, на случай поражения и отступления царя персов.

– Но ведь здесь тупик, дорога в пустыню. Если не считать пути на юг, к морю, на котором у царя Дария не было кораблей...

И тут, словно завеса спала с глаз Николая:
– Послушайте, возможно мы наткнулись на разгадку легенды о «кладе Тамерлана»!
– Как это понимать? – спросил Михаил.
– Какого клада? – удивилась Элизабет.
– Итак, помощник казначея был послан с сокровищами в Сеистан, на пути возможного бегства царя Дария на запад Индии, формально ему подчиненный. Но царь бежал на север, в Бактрию, где и погиб. А казначей, не торопясь вернуть доверенные ему богатства, распустил слух, что скрыл их в окрестностях почитаемого персами святилища огня. Отсюда и пошло предание о грандиозном кладе древности, пережившее тысячелетия. А сам ушел с драгоценным караваном далеко на юг, подальше от длинных рук нового властелина Персии. Он пришел сюда, в провинцию Гедрозию, и прожил здесь несколько лет со своей женой или любовницей. Но пришло время расплаты. В долине появилось потрепанное войско Александра Македонского. Предположим, что царь узнал о существовании здесь какого-то знатного и богатого перса. Как мог действовать подобный деспот? Разумеется, послал за ним свой отряд. Вероятно, персу предъявили требование: выдать укрытую часть казны. Нарвались на отказ? Это маловероятно, он понимал: с кем имеет дело. Скорее, разговор коснулся иных тем: может быть, женщины? Из-за нее он и решился на страшное, по возможным последствиям, должностное преступление? Во всяком случае, казначей и его женщина были убиты. А затем поспешно захоронены в имевшемся у него, как у всякого богатого перса гробу. Потом менее ценную часть индийской добычи и персидской казны закопали, а более ценное забрали с собой. В основном сюда, кажется, попало оружие, которое царь не хотел оставлять местным племенам.

Наверное, говорить об этом происшествии в ту пору, когда македонский царь стремился создать единое государство персов и эллинов. Поэтому рассказали полуправду. И судьба казначея и его женщины стала тайной тысячелетия.

Все молча слушали историю, порожденную воображением Николая, но выглядевшую весьма правдоподобно.

– И наверное, – продолжал он свое повествование. – Сам Александр, мысли которого были заняты уже иным, пожалуй, и не вспоминал об этом кладе! А застрял этот эпизод в памяти современников по одной причине: колоссальные богатства Ахеменидов не были равномерно распределены между наследниками империи Александра. Они, в основном, оказались у наместников Персиды. И затем перешли к потомкам полководца Селевка, знаменитым царям-Селевкидам. Когда другие наследники стали припоминать, где взять еще денег на междоусобную войну – всплыла эта история.

– Вероятно, вы правы, – согласилась Элизабет.

Она с восхищением слушала рассказанную историю.

– В вас погиб талант романиста, Николай.

– Мне жаль тех, кто искал пресловутый «клад Тамерлана» на севере, в Сеистане, и кто погиб зря: бедных Конноли и Форбса.

– Как мы поступим с ними? – бельгийка кивнула на саркофаг.

– Думаю, что мы собрали достаточно антикварных вещей, – Николай кивнул на пару переметных сумок, в каждой из которых было уже более чем по полпуда веса.

– Поскольку день близится к концу, я предлагаю не искушать судьбу. Оставим в покое души двух не-

счастливых любовников, чей конец был трагичен. Засыплю яму и замаскируем это место. И отправимся восвояси, чтобы прибыть в крепость засветло.

— Неужели вы предлагаете бросить так хорошо начатое дело?!

— Час назад я видел человека, который маячил на горке, невдалеке от нас. Похоже, он следил за нами. Я не виню вас в неосторожности: блеск древних сокровищ ослепляет. Если разбойники узнают, что мы нашли ценный клад, то, ничто не удержит их от нападения! А моя главная цель — довести караван в сохранности и выполнить поставленную задачу.

К большому разочарованию Элизабет, все было сделано согласно предложению Николая: яму закидали гравием и замаскировали. Затем удачливые кладоискатели отправились в Келанзиад. Они въехали в ворота с наступлением сумерек. Дневной жар спал, воцарилась прохлада. На небе загорелись звезды. С наслаждением уставшие путники умылись теплой водой. Они смыли грязь и пот двух дней, проведенных в тяжелой работе, на жаре, в пыли. Теплая струя воды казалась райским наслаждением.

— Завтра, на рассвете, выходим. Мне кажется, оставаться здесь опасно, — Николай вытер лицо полотенцем.

— Вам не жаль бросать оставшиеся сокровища? — спросила Элизабет.

— Люди для меня ценнее. И, вообще, история более чем двухтысячелетней давности, которую мы открыли, должна хоть чему-то нас научить, — осмотрительности, например! Собственно, мы с моими товарищами не можем претендовать более, чем на некоторую компенсацию затраченных усилий. Идея была ваша и клад, естественно тоже ваш, и его вполне хватит на одного человека!

— Вы благородны!

— Идемте спать. Я смертельно устал, а мне надо еще поставить часовых: бдительности персидских сарбазов не стоит доверять!

Глава 38.

Врата Мекрана.

Ночь прошла спокойно, рассвет был ясным. Николай объявил начальнику персидского гарнизона о том, что они двинутся в догонку за Гашим-ханом.

— Вы всерьез намереваетесь идти к лагерю Гашим-хана? — удивилась Элизабет.

— Нет, конечно! Однако, вокруг крепости я заметил подозрительных людей; вероятно, есть осведомители и в самом Келанзиаде. Мы сделаем вид, что двинулись на Восток. Я надеюсь, что враги потеряют достаточно времени на устройство засады. В то время, как в действительности, мы давно будем двигаться на юг. Гашим-хана я предупредил заранее, чтобы он нас не ждал, — объяснил Николай.

Зарудный повел караван равниной. Ярко-зелеными пятнами на ней выделялись молочаи и темной зеленью — акации-кягуры. Оставшиеся чотурдары — Лаял, Мессориан и Каримдад, — теперь не пели песен. Они сильно переживали, оставив на пути уже второго товарища, хотя и не безвозвратно, как несчастного Регимдада.

Оставив позади солонцы, путешественники повернули на юг. Их путь пересекает неглубокая бемпурская река. Николай ступает в теплую воду: течение слабое.

— Вперед! — чотурдары гонят животных через поток. Верблюды выбирают берег, отряхиваются. Теперь до самых Мекранских гор, чья голубая полос-

ка заметна у самого горизонта, простирается пустынная глинистая равнина.

— Примерно через день мы пересечем котловину и, войдем в горы, — объяснил Николай Элизабет. — Нас отделяет от моря всего четыреста верст по прямой линии. Однако в горах нет прямых дорог. К тому же я намерен выполнить возложенную на меня миссию, вернувшись к восточному пограничью Персии. Таким образом, считайте, что наш путь будет вдвое длиннее. Он займет у нас не меньше месяца.

— Думаю, что я это выдержу, тем более в вашем обществе, — улыбается женщина.

— Ну и отлично.

Постепенно небольшие песчаные бугры становятся все выше и смыкаются в цепи. Движение каравана замедляется: верблюды поднимаются на песчаный вал, затем спускаются с него. Это волнообразное движение укачивает. Подчас сыпучий бархан прощще обойти. Солнце, стоявшее в зените, потихоньку спускается вниз: жар спадает. С вершин барханов синяя полоса гор видна уже четче. Случайно оглянувшись, Николай настораживается. Его внимание привлёк черный штришок на фоне желтых барханов, гораздо более близкий, чем сверкающая крохотной белой искрой снежная вершина Тефтана. Он подносит к глазам бинокль и крепко чертыхается.

— Что вас так обеспокоило, Николая? — подъезжает к нему Элизабет.

— Смотрите внимательно! Видите ту темную нить на равнине, позади нас? — прищурившись, Элизабет кивает.

— Она движется?

— Да. Не угодно ли разглядеть это получше? — он протягивает бинокль девушке, и та, наведя резкость, различает довольно длинную цепочку всадников.

— Кто это может быть?

— Нас преследует отряд, собранный Пир-Мухаммедом. Я не ждал их так скоро. Вероятно, засада была ближе, чем я предполагал. И, получив сообщение об изменении нашего маршрута, враги сразу ринулись в погоню.

— Они нагонят нас к ночи!

— Не думаю. До сих пор они быстро двигались по твердому грунту, в то время как мы давно тащимся по пескам. Теперь они попадут в те же условия, что и мы, скорость снизится. И я приму меры к тому, чтобы они спешили еще меньше. Для нас, главное, достичь гор раньше их и организовать им достойную встречу!

До темноты преследователи действительно лишь ненамного приблизились к экспедиции. Однако чотурдары и Аджи, также заметившие движущиеся точки на равнине, стали чаще оглядываться.

— Нам придется идти ночью, не останавливаясь! — объявил Николай.

Известие это, хоть и не обрадовало усталых людей, однако никто не роптал. Все понимали, что жизнь дороже нескольких часов отдыха. Зарудный, отправив караван вперед во главе с Михаилом, завел своего верблюда в ложбину позади бархана, а сам спокойно улегся на его вершине. Он терпеливо ждал один час, другой. Внезапно, на дальнем бархане, появились движущиеся в свете звезд тени.

Николай быстро поднял винтовку, подцепил первую тень на острие мушки и плавно нажал на спуск. Острый язычок пламени взрезал тьму и гулкое эхо выстрела раскатилось над ночной пустыней. Раздался чей-то вопль, тень сломалась, слившись с поверхностью бархана. Передернув затвор, он успевает сделать еще выстрел и откатиться в сторону. Над барханами вспыхивают красные точки и по пустыне

раскатываются ответные залпы. Пули свищут совсем близко. Значит, у противника хорошие винтовки!

Сделав один-два выстрела, Николай быстро меняет позицию. Расстреляв пару винтовочных обойм, он скатывается с бархана и, что есть духу, бежит по песку в проход через следующую барханную цепь, где укрыт его верблюд. Зарудный хватает животное за повод и тянет за собой. Его противники уже догадались, что стрелок был один, и сейчас ползком стараются окружить опустевшую позицию. Они не знают еще, что он за грядой уже оседлал своего «шотур-бада» и, подгоняя его, уходит на юг. Главное для него сейчас — оторваться от врагов и нагнать своих. Преследователи, потеряв в этой стычке, по меньшей мере, двух человек, всю оставшуюся ночь будут продвигаться осторожнее, опасаясь засады. Этим они дадут экспедиции лишнее время, чтобы достичь гор. Возможно, путешественники успеют выйти к скалам еще до утра.

Но вот огненный рассвет поднялся над песками, подходящими к подножию чернеющих гор, и Зарудный обнаружил товарищей не далее чем в полуверсте. Вероятно, ночью они шли медленнее. А, позади, раздались отдаленные крики. Оглянувшись, он увидел, что враги отстали не дальше, чем на три версты. Угрожающе размахивая ружьями, они пока не пытались стрелять, зная, что, их пули не достигнут цели.

Наезженная дорога шла по сухому руслу. Путники приближаются с каждым шагом к мрачному горному проходу, похожему на исполинские ворота. Пески здесь взметываются гигантскими барханами на самые подножия скал. Быстро нагнав товарищей, Николай увидел ввалившиеся от непрерывной езды лица, и измученные верблюды. Но единственный шанс на спасение лежал за скальными воротами.

— Быстрее! Нажмите! — кричит он.

Люди и сами понимают это, слыша приближающиеся с каждой минутой крики врагов.

— Баб-и-Мекран! — Это Врата Мекрана! — выкрикивает Лаял название зловещего прохода. —

У подножия скал виднеются кучи камней.

— Там лашкеры лежат: лет двадцать тому назад каджары подошли к этим стенам, и было большое сражение, — кричит проводник.

— Не хотелось бы лежать рядом с ними! — замечает Зарудный.

Между тем, враги уже менее чем в двух верстах позади. Начинают потрескивать выстрелы и посвистывать пули.

— Михаил! — обращается он к Гермсу.

— Если враги прорвутся за линию скал, мы их не удержим. Мы должны их остановить в проходе. Вы занимаете левую сторону, я — правую. Берем их под перекрестный огонь. С Богом!

Преследователи уже были на расстоянии не более версты, и Зарудный прикинул, что врагов раза в четыре больше. Пули их ложатся все кучнее. Русские начали тоже огрызаться. Завязывается перестрелка. Выйдя на линию скал, караван круто берет влево. Верблюды, вытянув шею, поднимаются по склону. Но, Николай сворачивает в противоположную сторону, и за ним увязывается Элизабет. Они спешиваются и по песчаному откосу лезут зигзагом вверх. Бельгийка кажется даже не столь измотана, как остальные участники похода. Они занимают позицию за камнями, прежде чем лашкеры приближаются на опасное расстояние.

Мерцает далекая белая искра Кух-и-Тефтан. Всадники атакуют с криком, размахивая ружьями и саблями. Николай тщательно целится и начинает стрелять, методично передергивая затвор. На той стороне про-

хода, в двух с лишним сотнях саженей, ему вторят винтовки товарищей. Грохочущее эхо, перекатываясь, отвечает выстрелам. Странное цоканье прибавляется к этим звукам — это рикошетят от камней пули безлуджей!

Всадники рвутся вперед, точно обожравшиеся гашишем, не обращая внимания на меткие залпы русских. Они стреляют прямо с седла, а затем, убитые, валятся под ноги своим коням. Лава катится все ближе и ближе. Если их не удержать, то они одолеют скальные ворота, и обрушатся на русских с тыла. Но вот уже все ближайшее пространство усеяно телами убитых лашкеров. В створе скал они попадают под перекрестный огонь. Наконец, поняв, что нахрапом здесь не возьмешь, они разворачивают коней и в панике скачут обратно, пригибаясь к холкам лошадей. Один из всадников, промчавшись треть версты, вдруг приостанавливает коня, и, поднявшись в стременах, оборачивается и грозит кулаком. Зарудный узнает в нем остервеневшего от неудачи афганца Пир-Мухаммеда. Николай посылает ему свинцовый гостинец в стальной рубашке. Пуля попадает в коня, но всадник успевает соскочить, прежде чем его скакун заваливается на бок. Ему удается схватить повод скачущего налегке коня. Вскочив в седло, он пускает скакуна вслед отступившим. Стрельба стихает, лашкеры скрылись из вида, исчезнув за барханами. Осмотревшись, он видит, сколько гильз поблескивает вокруг, и качает головой: неужели за несколько минут сделано столько выстрелов?

Николай пытается сосчитать лежащие внизу тела. Получается, что в первой же атаке банда потеряла едва ли не половину людей. Теперь Пир-Мухаммеду нелегко будет убедить лашкеров повторить нападение. Ни-

колай делает знак друзьям на противоположной стороне прохода: немедленно отправляться.

— Элизабет! Идите, и скажите, чтобы все отходили. Необходимо засветло найти в горах место, и разбить лагерь, укрепив его.

— А вы?

— Я останусь на часок, прикрыть отход. Хотя, думаю, скоро они не сунутся. Бегите и поторопите наших! — Николай вдруг привлекает девушку к себе и крепко ее целует. Элизабет, на щеках которой пылают румянец, сбегает вниз. Вскоре караван уходит вверх по долине.

После того, как товарищи исчезают из вида, Николай часа полтора выжидает на скалах. Один раз ему даже кажется, что за барханами вдалеке возникает голова наблюдателя. Он вскидывает винтовку и стреляет: голова сразу же исчезает. Противник убедился, что проход по-прежнему охраняется. Зарудный спускается к одинокому верблюду, и, вскочив на него, гонит вверх по скалистому ущелью. Винтовку он держит на коленях, зорко оглядывая поднимающиеся вокруг утесы. Эти горы не безжизненны, и люди, их населяющие, далеки от благодушия по отношению к пришельцам. К счастью, он проезжает ущелье без приключений.

Но вот среди камня и песка возникает кургязевый лесок. Через него, по самому дну русла струится прозрачный ручей. Он манит человека утолить мучающую его жажду. Однако стоило верблюду замедлить шаг — раздается внезапный выстрел. И Николай ощущает, что летит наземь. Он не сразу приходит в себя. И в этот момент оказывается окружен вооруженными безлуджами.

Кто-то потянул у Зарудного из рук винтовку, которую он не выронил, даже падая на землю.

– Сейчас выстрелит! – предупредил он, и трусоватый мародер сразу же отпрянул.

– Вы кто такие? – спрашивает он. Перед ним – статный белудж, в шароварах и красной рубаше. Длинные волосы, свисающие до плеч из-под круглой тюбетейки южанина, кожаные башмаки и украшенный серебрянной чеканкой кинжал на поясе выдают вождя.

– А ты кто, чужак? – отвечает тот вопросом на вопрос.

– Я – русский путешественник. Мы идем через эти земли по соизволению шаха, с одобрения бемпурского вали, Гашим-хана, и с согласия сердара наруи Гуссейн-хана, – отвечает хладнокровно человек, сидящий на песке подле подыхающего верблюда, под прицелом полудюжины дул.

– Я, вождь могучего и непобедимого племени мааруки Ахмад-хан, не нуждаюсь в хукмах от Гуссейн-хана! – белудж расправляет плечи. – А чего тебе здесь нужно?

– Русские ни в чем не нуждаются. Как видно, это у тебя возникла какая-то надобность: если нужен этот мертвый верблюд, я не стану его оспаривать. Если что-то иное – скажи!

– Урусы – храбрые люди. Я помню урусов, они были тут год назад. В их отряде было человек двадцать, вместе с кадждарской охраной. Теперь вверх по долине прошла и вовсе небольшая группа. А ты вообще один. Вы что, никого не боитесь?

– А кого бояться? У хозяев мы всегда спрашиваем разрешения, а для врагов у нас есть винтовки! Сегод-

ня отбили от шайки бродяг в Баб-и-Мекран. Кто из них остался там. Я шел последним.

– Они поступили нехорошо: по эту сторону гор только я решаю, кто из чужаков будет желанным гостем, а кто – непрошенным. Я не потерплю здесь таких людей. Кстати, если ты пришел из-за реки, то скажи: правда, или пустой слух, что хан Кесеркенда убит?

– Молва обгоняет ветер: да, наемные убийцы стреляли ему в спину. Новый вали Гашим-хан велел закопать их живьем.

– У вали большой отряд?

– Пятьсот сарбозов, не считая верных лашкеров, а также батарея пушек.

– И еще гарнизон Бемпура. Да, сила! Наверное, самое время отправиться к нему с подарком. И в Кесеркенд пора ехать – мириться. Жалко, что старый сердар погиб: с ним я повоевал, так и мир вышел бы на славу! А теперь надо разговаривать с сыном, молодым Хаджи-ханом, которого я не знаю. Как быть? Ссорился-то я с отцом!

– А из-за чего ссора вышла?

– Обычное дело: мои люди грабили в Кесеркенде. С кем не бывает?

– А зачем они поступили так недружественно?

– Оглянись вокруг. Аллах пожелал нас испытать, и дал нам землю, которая не в силах прокормить мой народ. У нас нет такой богатой долины, как у сердара Кесеркенда! Пусть бы шах положил нам жалование: тогда мы перестали бы грабить! А до той поры надо же что-то есть! – хан был искренен.

– Если ты хочешь, я могу быть посередником между вами, – предложил путешественник. – Если доберусь туда живым. Думаю, что примирившись, вы оба найдете выгоду в дружбе с русскими. –

Хан прищурился:

— Я согласен! Эй, люди, не трогайте сумки моего гостя! Отогнал он от тороков Зарудного своих людей. — Дорога вашего отряда идет через Чамп. Отдыхайте там без опаски, пользуйтесь гостеприимством: тамошние люди мне платят. Бродяг из Бемпура я не пушу через Баб-и-Мекран. А твой лагерь меньше чем в фарсахе отсюда: я как раз думал, что мне с ним делать? Салам!

Хан и его охрана испарились так же внезапно, как и появились.

Через час Николай, поднимавшийся по долине, увидел едущих ему навстречу всадников. Он схватился было за оружие, но сразу узнал Александра и Лаяла, и приветственно взмахнул рукой.

— Хорошо, что вас нашли! — облегченно вздыхает Сергей.

— Вы зачем поехали навстречу? — спрашивает Николай. — Договорились же, что будете ждать в лагере.

— Нас Елизавета погнала: беспокоилась, что пропадете. А верблюд ваш где?

— Верблюда застрелили. Езжайте, заберите седло и припасы: они остались там, в рощице возле источника. А тут местного вождя встретил, побеседовал. Он пообещал нам безопасный проход через горы. Езжайте. А я пешком дойду, раньше вас.

Товарищи уехали, а он продолжил путь. Действительно, примерно минут через сорок, Николай был застигнут врасплох грозным окликом. Кричали побелуджски! Еще засада? Он хватается за оружие, но тут замечает среди камней лицо чотурдара Мессо-риана!

Путешественники хорошо замаскировали лагерь. Его расположили на поляне, окруженной чахлой растительностью и камнями. И, давно уже приготовили обед.

— Бог в помощь! — сказал он, присаживаясь на камень.

— Прошу к столу, Николай Алексеевич! — Гермс протягивает миску со вкусно пахнущей похлебкой. — Сергея по дороге не встречали?

— Встретил. Они поехали за моими вещами. Я потерял верблюда, зато нашел союзников в здешних горах.

— Я рада, что с вами ничего не случилось, Николя! — говорит, подходя, Элизабет.

В это время подъезжают люди, возвратившиеся с вещами Зарудного:

— Куда дальше отсюда, вашбродь? —

Александр после всякой переделки бывал «запанибрата» с начальством.

— Ты с верблюда прежде слезь, Сергей! Так и поговорим. Конечная наша цель — порт Чахбехар. Но я намерен использовать договоренность с Гуссейн-ханом, и выйти в верховья Сербазы. Двинуться вдоль границ британского Белуджистана, оттуда — уже на юг.

На следующий день путешественники спустились к верховьям реки Каджу, текущей к Кесеркенду. Здесь, среди пальмовых рощ и полей, расположилось село Чамп. К югу на километровую высоту поднимался синеватый кряж.

— Главная ось Мекранских гор! —

У села, в пальмовой роще, разбили лагерь. В палатки сложили наиболее ценный багаж. Сергей потряс пустым мешком:

— Надо доставать муку, хлеб не из чего печь!

— Что ж, снарядим людей, пускай попробуют добыть мучицы, — сказал Зарудный.

Чотурдары пошли в село, но купить удалось лишь несколько мешков фиников, да, еще пару — с овсом, —

для верблюдов. Однако в разграбленных селениях Бемпура не достали бы и этого. Сухие финики пожарили, а на десерт нарвали свежих.

– Хлебу бы! – жалобно протянул Александров.

– Стыдись, Сергей! Где тебе в Рассее жареных фиников-то подадут?! – Тот лишь тяжело вздохнул, уплетая сладкую массу.

Местные жители, проходя мимо, с любопытством разглядывали русских, однако не приставали с распросами. На полях убирали второй урожай. Вокруг царило спокойствие. Из чего Николай поспешил заключить, что мааруки исполнили обещание, и не пропустили врагов в горы!

Под вечер он услышал мелодичное пение, доносящееся из пальмовой рощи.

– Что это, точно ангелы поют? – удивленно спросил он.

– Маляка, маляка! – «Добрые духи!» – кивает Мессориан с хитрой усмешкой.

Николай прислушался, разобрал слова, и, поняв, что разыгран:

– Да это белуджские песни! Однако хорошо поют!

В этот момент из рощи появляются несколько белуджей в белой одежде. Судя по всему, это не просто крестьяне. Среди них несколько стариков и один или двое людей помоложе. Один держит в руках маленький барабан, другой – смычковую лютню, а третий наигрывает на дудке.

Это бродячие музыканты, пришедшие в село на праздник урожая! Они надеются, что сахебы-европейцы заплатят щедрее прижимистых крестьян.

С ними пришли и жители Чампа, которые предполагают получить бесплатное зрелище. Они расчищают площадку перед палатками. Музыканты рассаживаются перед путешественниками, а крестьяне обра-

зуют полукруг за спинами артистов. Наступает тишина. И вот в воздухе, напоенном ароматами цветов, звучит мелодичное пение, под гудение барабана, звон лютни и жалобу дудки. Поют старики, а молодые подпевают. Это песни о любви и о подвигах разудалых богатырей, о походах, набегах, сражениях – обо всем, что составляет предмет гордости кочевого племени. Европейцы внимательно слушают незнакомые мелодии, в которых звучат и любовь, и боль, и гордость за свою землю народа полукочевников. Иногда и крестьяне аккомпанируют музыкантам хлопками рук. Николаю песенники напомнили бандуристов, старых певцов-гусельников, забредавших в малороссийское село в дни его детства. Долго продолжается концерт. Постепенно на рошу опустились сумерки. Наконец, Николай достает серебрянную рупию.

Внезапно дуновение ветра принесло запах керосина. И тут же зарево огня освещает лица зрителей и музыкантов. Зарудный резко обернулся. Слова застревают у него в горле: одна из палаток охвачена огнем! А там...

– Патроны! – не своим голосом орет Зарудный. Инстинктивно, он кидается спасать палатку, но к счастью, до нее еще надо добежать. В ту же секунду глухо рывкает взрыв, бьет пламя, и воздух наполняется треском взрывающихся патронов. Все испуганно кидаются наземь, или бросаются бежать наутек. В воздухе свистят шальные пули. Площадка пустеет: на ней остается лишь несколько испуганных стариков-музыкантов, а молодые же, пришедшие с ними, словно испарились!

Николай, чудом уцелевший при взрыве, садится, выплевывает набившийся в рот песок, клянет судьбу и всех окружающих. Он вскакивает, хватается бурдюк с водой и выливает на дгорающую палатку. Шерсть

плохо горит, но, их войлочный шатер пылает, точно сшитый из брезента. Обойдя вокруг, он обнаруживает причину: пустые жестянки из-под керосина, о чем свидетельствует нефтяной аромат, который не способен заглушить даже едкий запах дыма, и горелого пороха.

— Диверсия! —

Враг просочился в обход Врат Мекрана, и расквитался за поражение. Разорванные взрывом остатки патронного ящика, содержавшего два нераспечатанных цинка, свидетельствуют о размерах потери. Одежда, палатку и многое другое можно заменить. Но патронов русского калибра достать неоткуда. Затоптав пламя, и растащив то, что уцелело, русские поспешно ревизуют патронташи. Хорошо, что их пополнили после сражения. На месяц предстоящей дороги осталось порядка пяти сотен патронов. Правда, есть еще берданки, дробовик, револьверы.

— Хорошо, что дневники, карты, фотопластинки положили в другую палатку, — говорит Николай.

— А патрончики придется поберечь! Где-то надо купить новые одеяла и палатку. Ничего, бывает и хуже!

— Николая, вы так легкомысленны! Вас же могло убить! — Элизабет, словно невзначай, кладет руку ему на грудь, и от этого так сладко замирает сердце! Однако, беспокойство за будущее экспедиции сильнее этого чувства.

— Извини, милая. Не сейчас, — он мягко отстраняется:

— Сергей, Михаил. Назначаем усиленные караулы. Не исключена попытка нападения. —

Товарищи кивают, хотя в глазах видна усталость.

На следующее утро приехал хан мааруки.

— Клянусь, если бы я знал, что так произойдет, я приставил бы своих лашкеров, и велел бы им не смы-

кать глаз! Вы мои гости, и по дороге до Кесеркенда я и мои люди будем вас охранять!

Они двинулись в путь. Через пару дней, горы впереди расступились.

Глава 40.

Мирный Кесеркенд.

Город лежал в обширной котловине, которую пересекала полноводная река. С юго-запада к нему примыкала темно-зеленой тучей громадная финиковая роща, которой он был наполовину скрыт. Сотни белуджских шалашей, скрывавшиеся под сенью пальм, сменялись дальше к югу настоящими глинобитными домами и блокаузами. Оставив их позади, путники оказались перед возвышающейся на песчаном холме глинобитной крепостью сердара. Знаки траура на выщербленных стенах цитадели говорили о том, что ее обитатели охвачены скорбью по поводу безвременной гибели Моулелада-хана. Рядом с цитаделью росло несколько тенистых деревьев с темной глянцевой листвой.

— Это индийские мангустаны! — уверенно сказала Элизабет. — Я видела такие в Геватере.

Здесь, к югу от хребта, было жарче, несмотря на большую высоту над уровнем моря. Прежде чем нанести визит хану, русские разбили лагерь. Тотчас к ним потянулись местные жители:

— Вы англизи? Вы будете нам чтонибудь дарить? — спрашивали подошедшие.

— Нет, мы не англичане, а русские. Дарить ничего не будем, но купим товары: нам нужна еда, одеяла, сапоги.

Не прошло и получаса, как возле стана путешественников образовался небольшой рынок: белуджи

притащили финики, муку, масло, мед, пригнали скот. Мужчины из-за жары расхаживают в одних шароварах и совазах из пальмовых листьев. Женщины, зато, демонстрируют свои наряды: мониста и бусы украшают их шеи, браслеты из дутого серебра – смуглые руки, кольца висят в ушах. По меньшей мере, полдюжины различных племен прислали своих представителей на этот базар. Все они мирно уживаются в городе.

Здесь же под открытым небом пекут свежий хлеб из пшеничной муки, жарят кур, заваривают индийский чай. И все продают по сходной цене. На фоне разоренного Бемпура, эта долина – подлинный оазис. Неудивительно, что все проклинают убийц Моуледад-хана, и с ненавистью произносят имя Гуссейн-хана, которого по-справедливости считают виновником произошедшей драмы.

Однако, вежливость не позволяет откладывать дальше визит к сыну Моуледад-хана. Сменив запылившуюся одежду, Николай и Михаил отправляются в ханскую крепость. Вход в нее охраняют несколько лашкеров. Они настороженно пропускают внутрь русских путешественников. Худощавый сын сердара, занявший отцовское место, встречает пришедших в тенистой комнате. Длинные волосы вождя отличают юношу от бритых наголо подданных.

– Хош амадад! Добро пожаловать! Присаживайтесь! Вы мои гости, – он предлагает пришедшим место рядом с собой, на полосатых подушках.

– Подайте гостям кальян и сладости! –

После того, как обмен вежливостями закончен, наступает время серьезного разговора:

– Уважаемый Хаджи-хан! – говорит Зарудный. – Выражаю соболезнования по поводу гибели вашего отца. Я лично достиг его убийц, застрелил одного и

пленил другого, а третьего захватил Байрам-хан, вождь баранзаи. Новый вали Бемпура, Гашим-хан, осудил убийц: их приговорили к смертной казни. Моуледад-хан отомщен. Я прошу в знак уважения принять вас серебрянные часы, изделия искусных мастеров Санкт-Петербурга, столицы Белого царя.

Он подает Хаджи-хану часы фирмы «Павел Буре» на цепочке, какими обычно шеголяют приказчики питерских магазинов. Юноша с интересом рассматривает подарок.

– К сожалению, я не могу подарить приличное вашему положению оружие: в Чампе происки врагов лишили нас значительной части боевых припасов, и другого необходимого имущества.

Хан колеблется между обычаем гостеприимства и собственными интересами: – Я распоряжусь!

– Нет необходимости, хан. Деньги у нас уцелели.

– Я очень хорошо понимаю вас, так как сам окружен врагами со всех сторон: с востока – Гуссейн-хан; с запада, в Ге – его сын, Мадат-хан. На юге – англизи; к счастью, их мало, но они опасны своими деньгами и оружием. На севере шалят мааруки, нищие, но дерзкие.

– В прошлом году у отца гостили русские. Они подерживали его намерение держаться каджаров, и убеждали, что англизи не решатся вторгнуться силой в шахские земли. Но вот, он убит. Гуссейн-хан оттеснен в Сербаз, и, наверное, займется теперь соседями. На пару с сыном они возьмут нас в клещи. Что мне делать? Можете ли вы помочь?

– Не все так плохо, хан. Гашим-хан, новый вали, договорился с вашим отцом о совместных действиях. Он вас поддержит. Гуссейн-хану важно сейчас сохранить голову. Он не полезет на рожон. Что касается

инглизи, то они завязли в далекой войне — им не до вас. А еще... — тут вошел лашкер из ханской охраны:

— Сердар, приехал вождь, который называет себя предводителем мааруки. Он говорит, что прибыл на переговоры с ханом. — Хаджи-хан вопросительно глядит на русских, Николай кивает:

— Да, это то, о чем я хотел сообщить.

— Мааруки, они грабят наших. Но, если хотят мира — я готов говорить. Хуб! Пускай войдет, он мой гость. Вы будете присутствовать? — обращается он к Николаю.

— Охотно, хан. Я обещал ему быть посредником между вами и не допущу предательства с его стороны.

Входит длинноволосый белудж, в шароварах и красной рубахе, с богато украшенным кинжалом на кушаке. Его сопровождают двое юношей, чьи заплетенные в косы волосы свисают до пояса.

— Салям-алейкум! Я вождь могучего и непобедимого племени мааруки, Ахмад-хан. А это — мои сыновья! — он сел на ковер без приглашения, но сыновья остались стоять.

— Я пришел говорить о мире. Раньше отец сердара, сильный Моулладад-хан, враждовал с нами, так как твердо держал сторону каджаров. Но теперь, к общей скорби, хан ушел от нас. С другой стороны, в Бемпур пришел сильный каджарский отряд, а Гуссейн-хан со всеми женщинами и лашкерами укрылся в скалах. Поэтому я предлагаю вам мир, Хаджи-хан. Я весьма жалею, что не успел сказать этих слов покойному! Но с годами, вы не уступите ему в мудрости, хан, клянусь именем Аллаха!

— Хорошее предложение, если оно исходит от чистого сердца.

— Конечно, оно вполне чистосердечно! — поддерживает Зарудный, — Вождь не хочет быть зажатым меж-

ду вами, и Гашим-ханом, как я уже говорил. Поэтому, я предлагаю вам пожать друг другу руки. И взглянуть на юг, откуда в адрес вашего отца, хан, как я знаю, исходили не только заманчивые предложения, но и неприкрытые угрозы. По странному стечению обстоятельств, у убийц нашли английские золотые Sovereigns. Англичане сейчас не могут действовать силой, но я предлагаю задуматься над совместным противодействием их коварству.

— Хорошо, пускай между нами установится мир, — кивнул Хаджи-хан. — Пускай принесут сладостей, sherbet и рахат-лукума для гостей!

Примиряющиеся стороны пожали друг другу руки, произнесли необходимые клятвы в присутствии муллы, и приступили к скромной (по причине траура) трапезе. Николай воспользовавшись случаем, перемолвился с молодым хозяином по делу, весьма его интересовавшему.

— Скажите, хан, когда мои соотечественники были здесь в прошлом году, не запомнили ли вы, как выглядел самый старший из них? Не был ли он болен? Или же, проезжая ваш город, он был еще здоров? Это рисовальщик карт. Он вскоре после этого умер и был похоронен в Чахбаре.

— Мне кажется, старший в отряде выглядел вполне здоровым, хотя и усталым. Отсюда они пошли прямой дорогой, долиной Каджу на юг. Однако из Чахбара дошли вести, что он там заболел и вскоре умер. Его похоронили на английской телеграфной станции. Прошел слух, что с ним закопали винтовку и тысячу рупий. Совершенно невероятный — я, как образованный человек, понимаю, что европейцы в могилу могут положить винтовку, но денег никогда не зароят.

— Был и другой слух, тайный. Что раис-и-телеграф из Чахбехара, Гревс-сагиб, был очень недоволен при-

ходом русских, их разговорами с моим отцом, и тем, что они рисуют карты. И, что он вызывал наших табибов, для которых отравить человека – раз плюнуть, и никто ничего не заподозрит. И вот после этого разговора англичанина со знахарями, русский-то и умер.

– Гревс-сагиб, значит? – пробормотал Николай под нос. – Знакомое имя.

Перед уходом он, уединившись, еще разговаривал с Хаджи-ханом. Последние слова, что расслышал Михаил, были:

– Через три недели, начиная с сегодняшнего дня. Хуб?

– Хуб! Иншалла! – отвечал молодой хан.

Вечером Элизабет завела разговор с Зарудным на прежнюю тему:

– Никола! Патронов теперь у нас мало. Давайте отправимся прямо на юг, вдоль реки Каджу, к морю!

– Ничего не выйдет, Лиза! – отвечал подполковник. – Завтра мы выходим на восток, в долину Сербаза. Есть догадки, которые я хочу проверить. Помимо прочего, такой финт собьет с толку наших преследователей. Ведь они ожидают, что я двинусь путем, уже разведанным прошлой экспедицией. Он весьма интересуется английскую телеграфную компанию. Нам меньше, ибо тропа эта сложна для прокладки шоссе. И там пожелают нам подготовить неприятную встречу. А мы перехитрим врага.

Перед самым отъездом из Кесеркенда Николай пригласил к себе мааруки, и о чем-то с ним переговорил. Человек с острым слухом смог бы уловить также звон пересыпаемого серебра.

Когда русский караван вышел из городка, среди чотурдаров был новый белудж, Шадат, владелец двух превосходных верблюдов.

Глава 41.

Костер в ночи.

Второй день идут они на восток. К вечеру развели костер, приготовили ужин. Утром открылась широкая долина, поросшая кургязевым лесом.

– Сербаз! – говорит Лаял.

Окружающие склоны уже выжжены летним солнцем. Впереди пальмовая роща, за ней поля. В роще – шалаши, сделанные из пальмовой плетенки. Вокруг пасется скот, снуют люди. Деревня! В центре ее – блокгаузы из камней, обмазанные глиной. Не успели они войти в село, как сбегается народ: поглядеть на невиданных пришельцев. Кто норовит потрогать винтовку, кто – расстегнуть патронташ. Вокруг стоит шум, гам.

– Инглизи? Исаи?

– Исаи, руси! – отрезает Николай.

– А инглизи часто бывают у вас?

– Да, бывают. «Мы ваши друзья», – говорят они. – «Мы охраняем вас». Они скоро возьмут Балучистан, установят у нас хорошие порядки, справедливые законы, и всех нас сделают богатыми.

В это время подходят несколько вооруженных, подозрительно глядящих белуджей, и болтуны умолкают.

– Саям! – здоровается старший из подошедших, пыливо глядя в лицо Зарудному. Это кедхуда селения.

– Саям. Я иду через Сербаз с согласия Гуссейн-хана. – говорит Николай, показывая хукму полновластного сердара этого края.

Кедхуда согласно кивает. Однако чувствуется, что по какой-то причине он не очень хочет пропускать русских путешественников. Что-то вызывает его беспокойство.

— Гуссейн-хан находится там! — он машет рукой на север, в сторону верховий реки.

— Я с ним уже виделся, теперь иду на юг, — решительно машет Зарудный вниз по течению.

— Туда не стоит ходить — нет селений!

— Но у нас есть припасы.

— Могут напасть лашкеры!

— Мы стреляем быстро и метко.

Староста, узнавший, конечно, печать и подпись хана, вынужден согласиться.

Оставив позади пограничную деревню, отряд идет дальше. Полноводная река весело шумит в зарослях алоэ и олеандра. Постепенно русло поворачивает на юго-восток, в сторону британского Белуджистана. Перебравшись на противоположную сторону, путники разбивают лагерь.

Трудно без карты разобраться, где здесь земли шаха а, где уже британские владения, Келат. Только одному Зарудному известно, зачем он привел отряд так близко от враждебных пределов. И почему, так спешивший в пути, решил вдруг никуда не торопиться.

— Давайте, поохотимся здесь, добудем свежего мяса. И животные передохнут, — благодушно замечает он Элизабет, в нетерпении покусывающей свои губы. Они с Александровым берут ружья, и отправляются в заросли. В такой чаще лучше всего иметь заметный ориентир. Хорошо, что здесь одиноко высится над кустарниками вершина скалы. Но дальше начинается нечто непонятное. Вместо того чтобы разойтись в поисках добычи, охотники идут прямо на скалу. Перед ними вырастает ее отвесный склон. Но Зарудный быстро находит выход: они обходят скалу вокруг и видят, что с другой стороны она вполне доступна. Николай отдает винтовку Александрову, и поднима-

ется на ее вершину, на высоту не более десяти саженей.

Оттуда открывается вся равнина, до реки. И тут его внимание привлекают следы старого кострища, смытого весенними дождями. Может быть, на скале разводили огонь охотники, или лашкеры, желавшие подать сигнал товарищам? В нем есть нечто не совсем обычное: его разжигали из досок, ровненько нарезанных на лесопилке, какой здесь за тысячу верст не сыскать. Он поднимает полусгоревшую доску и читает на ней поблекшую, но еще сохранившуюся надпись на латинице, нанесенную черной краской. Надпись, самая заурядная сделана под трафарет, по-английски:

«Карачи. Военный склад. Оружие. 1897».

Все обыкновенно. За исключением того, что кому-то потребовалось целыми ящиками перевозить винтовки на территорию соседней страны. Причем именно тогда, когда вспыхнуло восстание белуджей! Как раз перед тем, как Гуссейн-хан спустился из своих горных владений в Бемпурскую котловину! Порт Карачи — тыловая база Пешаварской группировки британских войск. И чувствуется знакомый, со времен Кавказской войны почерк: ставка на горцев. Нет, это отнюдь не заурядная контрабанда!

Хорошо, если эту дощечку удастся довести до Питера: небольшой сувенир во фланг Форин Оффису обеспечен. С этим странным трофеем возвращаются они в лагерь.

— Дровишек изволили подсобрать, Николай Александрович? — шутит Михаил.

— Да нет. Скорее угольки с чужого костра! Что там плел нам Гуссейн-хан насчет «невыполненных обязательствах»? Теперь ясно, почему так неохотно пропустил нас староста в Сербазе! Опасался, что

мы найдем это местечко. И только боязнь сердара удержала его от более решительных действий против нас.

— Если бы ты видел, Михаил, какое там осталось кострище! Британцы переходили границу и разжигали на скале сигнальный огонь, вызывая людей Гуссейна на встречу. Ты видел английские винтовки у белуджей под Бемпуром? Этим оружием заботливо подпыхивали огонь мятежа! Должно быть, лишь восстание афганов в Пограничных провинциях, да еще война, помешали развитию этой затеи.

— Понятно теперь, что спасло нас в Бемпуре: Гуссейн-хан давно сообразил, куда все клонится. И еще знал, старый пес, что у Белого царя руки будут длиннее шахских. К счастью, не ведал он лишь того, что нашим чинушам начхать на любого своего, ежели нет на то приказа начальства. Вот и приветил нас, вместо того, чтобы угодить пожеланиям британских патронов! Сдал их с потрохами.

— Сами ли это британцы училили, а может быть кто-нибудь из их вассалов? — сомневается Гермс, по всегдашнему интеллигентскому неверию в цинизм цивилизованных наций.

— А вот что я нашел на скале: вы видели белуджей в армейских ботинках? — и, Николай показывает ржавую подковку, на которой сохранились буквы «В.Р.А.», «Британская Королевская Армия».

Оставшуюся часть дня и весь следующий Зарудный занимается буссольной съемкой пограничного участка. Даже в бинокль он не смог обнаружить ни одного человека в британской форме или в чалме иррегулярной стражи. Похоже, этот рубеж не слишком бдительно охраняли.

К вечеру, в нескольких верстах от границы, вдруг поднялся столб дыма, хорошо заметный на фоне темнеющего неба. Кто-то разжег чадающий костер. Нико-

лай прерывает светскую беседу с Элизабет и вскакивает на ноги.

— Ну-ка, Сергей — давай прогуляемся перед сном. Михаил, остаешься в лагере за старшего!

— Только пришли ведь, даже переобуться не успели! — ворчит Александров, вешая на плечо винтовку.

— Николая, будьте осторожны — помните об афганце! — говорит Элизабет. Николай, ухмыльнувшись, только машет рукой.

— Пир-Мухамед потерял нас после Кесеркенда, уверяю вас!

Час быстрой ходьбы сквозь заросли, и они видят небольшое пламя костра. Оно хорошо различимо в сумерках. Однако им не удастся приблизиться незаметно: их уже поджидают. Навстречу торопливо поднимается белудж в келатской чалме, потрепанных шароварах и рубахе. В руке у него — исправный английский карабин.

— Салям! Вижу ли я перед собой нашего большого друга? — спрашивает он.

— Если ты имеешь в виду Зарудного-руси, то вот он, я. Как тебя зовут?

— Это совсем не важно. Вы долго ожидали?

— Нет, два дня. Что ты привез?

— Я привез письмо Ноуруз-хана из Келата, — он спокойно оглядывается, как будто в этом пустынном месте за ним может кто-то следить, достает из-за пазухи сверток в тряпке, и передает его Николаю. Зарудный разворачивает ткань, разрывает находившийся внутри конверт из серой бумаги и при свете костра читает письмо:

— «Да благословит Вас Аллах! Я не могу приехать, так как англичане стали подозрительны и злы по причине продолжающегося мятежа патанов в Пограничных провинциях. Они говорят, что всему причиной

козни русских. Но втихомолку соглашаются с тем, что понятно всякому: Абдурахман-хан уверился в своей силе и поднял руку на благодетелей-англичан, так же, как он сделал это когда-то с русскими. Однако русские отдавили ему лапу у Кушки, а англичан такое не удолетворит. В связи с этим поговаривают, что долго он не проживет, а следующий Кабульский эмир будет большим другом англичан.

Сообщаю наши новости: полка нет продвижений войск на север. Но в Мирджаве перебрасывались для ремонта шпалы и щебенка. Однако и ребенку ясно, что каждый год нет необходимости ремонтировать такой новый путь: речь идет о том, чтобы можно было быстро проложить дорогу в Сеистан, как об этом давно поговаривают. Так же для какой-то надобности гоняли в Мирджаве огромный состав из цистерн с водой, хотя там есть река. Состав несколько раз ходил туда и сюда. Еще перед тем как началась война в Африке, в Нушку привезли много больших стальных труб, и говорят, собирались доставить насосы. Часть труб уже увезли в Мирджаве. Наверное, хотят протянуть куда-то в горы водопровод.

Также есть точные сведения, что англичане разрешили шейхитам свить гнездо в малолюдных верховьях Гиша, с тем, чтобы они помогли бороться с бемпурскими властями за Балучистан.

Вам советую быть осторожными: отдан приказ — вас арестовать и доставить в Кветту.

Н(оуруз-хан).»

Окончив чтение, Николай поднял глаза:

— Было ли чтонибудь передано на словах?

— Багу-Келат — это первое. Пускай Зарудни-руси остерегается врага. Вот второе.

— Хейли хуб! Воистину, Ноуруз-хан мне, как отец! Письменный ответ, полагаю, не нужен?

— Истинный Аллах.

— Вот тебе небольшое возмещение за проделанный путь. — Николай дал гонцу небольшой мешочек с серебром. Затем он бросил бумагу в костер.

— Когда я шел сюда, мне показалось, что за мной следят. Но, я сумел оторваться от преследователей, — сказал посланец.

— Хуб. Да поможет тебе Аллах!

— Иншалла! — с этими словами гонец, словно тень, растворился в наступившей ночи. Русские остались в одиночестве.

Между тем, вошенная бумага, на которой было написано письмо, горела плохо, и, Николай, присев, стал ворошить огонь, пока оно не обратилось в пепел.

— Хорошие ли известия? — нарушил молчание Сергей. Зарудный пожал плечами.

— Ноуруз-хан подтверждает сведения о цистернах и трубах, доставленных в Мирджаве, которые мы видели. Может быть, они испытывали дорогу на прочность, чтобы пустить бронепоезд? Но я не вижу в нем смысла в этих краях.

Глава 43.

Нападение.

В этот момент в окружающем кустарнике послышался шорох, напоминающий звук легких шагов. Николай поднял руку к поясу с маузером, вглядываясь во тьму. Внезапно, позади него послышался глухой звук удара и стон. Резко обернувшись, он увидел падающего наземь Александра, и стволы ружей, наставленных ему почти в упор.

— Руки вверх, урус! — услышал он за спиной.

Вывалить верный маузер не успел: точно скала обрушилась на его затылок.

— Ну, вот и свиделись, урус-джасус! — услышал он, точно сквозь слой воды, злорадный смех.

Приподняв голову, которую ужасно ломило, он увидел вокруг человек двенадцать белуджей, с ружьями в руках. Среди них одно бандитское лицо было до боли знакомо. Да, это конечно Пир-Мухаммед! В его руках трехлинейная винтовка — его собственная. Он попытался вскочить, но это не удалось: его руки и ноги были связаны.

— Зря стараешься, урус! Ты попался — веревки крепкие. Я отвезу тебя к англичанам, прямехонько в Кветту. А потом, когда ты все им расскажешь, — в его голосе слышалось презрение и злорадство, — тебя найдут резанным в горах. И никто больше не вспомнит об урусе-джасусе!

— Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь! — негромко произнес Николай.

— Что ты бормочешь, я не слышу тебя, урус! — смеясь, наклонился над пленником афганец. Поджав связанные ноги к животу, Николай молниеносно лягнул его в брюхо, так, что тот отлетел в сторону.

— Ах ты, гяур, собака! — Пир-Мухаммед в ярости замахнулся прикладом, чтобы разmozжить обидчику голову. Но видя, что русский не дрогнул, овладел собой, и отплатил пленнику за оскорбление несколькими страшными пинками по ребрам и в живот.

— Нет нужды тебя кончать сейчас! Скоро мы будем по ту сторону границы, и не далек миг, когда ты сам попросишь, чтобы тебя прирезали! Но сначала ты расскажешь мне все о золоте Тимура, которое вы нашли!

Один из людей, внимательно рассматривавший землю, что-то говорит афганцу.

— А, у тебя тут была встреча с другим джасусом! Говори, кто это! — рычит патан.

Николай отрицательно покачал головой из сторо-

ны в сторону: ничего не скажет.

— Ладно, мы и так поймаем твоего сообщника! Эй, вы, четверо — оставайтесь с ним, и берегите его как зеницу ока. И не верьте ни одному посулу этого лживого шакала! А если кто-нибудь постарается его отбить — то, не раздумывая, убейте! Остальные — за мной!

Пир-Мухаммед во главе семи или восьми людей скрылся в чаще. С пленными осталось четверо головорезов. «Вот он, шанс» — мелькнуло в голове Зарудного.

— Послушайте, лашкеры! — обратился он к стражам. — За мое освобождение вы получите выкуп серебром!

Но, вместо ответа, разбойники принялись обшаривать карманы путешественников, в надежде, что не все их содержимое оказалось в лапах афганца. Однако предыдущий обыск был произведен досконально: мадранеры ничего не нашли. На поясе у одного из лашкеров — вероятно, главаря — Николай заметил свой маузер. Он решил зайти в разговор с другой стороны:

— Я — гость Гуссейн-хана, он дал мне хукму на проезд через свои земли. Если вы решитесь и дальше задерживать меня, рано или поздно он узнает, что случилось, найдет вас и накажет! У меня остались товарищи в лагере: они найдут следы. Пир-Мухаммед — чужак, он уйдет и умоет руки. А вы что будете делать?

Главарь лишь лениво замахнулся прикладом. Затем отошел и стал подбрасывать ветки в догорающий костер. Мысли в его голове ворочались тяжело и медленно, как мельничные жернова.

Николай напряг связанные сзади руки, стараясь высвободить их из веревок. Нашупав пальцами острогранный кремешек, он энергичными движениями запястий старался незаметно перетереть веревку. Уже через несколько минут он почувствовал, что узы ста-

ли слабеть. В это время какая то мысль пришла в голову главаря. Он склонился над пленником:

– Ну-ка, урус, скажи: о каком это золоте говорил Пир-Мухаммед?

– Не знаю, что за золото он имел в виду. Может быть, выдумал его, чтобы подбить людей напасть на меня. Но серебро у меня есть: иначе, как бы я путешествовал по стране, покупая дружбу вождей?

– А много людей в твоём лагере? – спросил главарь, – Сумеет ли мы защититься от Пир-Мухаммеда, если освободим тебя? – Николай, разумеется, сообразил, что белудж просто выяснит: насколько сложно ограбить караван? Но сделал вид, что безоговорочно поверил:

– Ты согласен освободить меня?

– Только когда получу серебро, и, буду уверен, что ты меня не надуешь, исаи! – продолжал игру головорез. – Как найти твоих людей?

– Нагнись пониже, чтобы никто не услышал, и я объясню: как найти их и, что сказать!

Ощувив на лице гнилое дыхание бандита, который спиной загордил его от своих соратников, Николай резко выбросил руку, выхватил маузер у разбойника из-за пояса, и, ткнув в бок стволом, выстрелил. Звук был глухой, кровь забрызгала руку Зарудному, и, с выражением величайшего изумления на лице, белудж стал валиться на освободившегося пленника. Николай выкатился из-под падающего, и, следующую пулю вlepил в лашкера сидевшего напротив. Затем выстрелил в третьего, и четвертого, который уже успел вскинуть ружье. Зарудный стрелял из тяжелого пистолета навскидку. Трое бандитов были ранены, причем один из них попытался уползти в кусты. Николай пристрелил его, затем – двух других. Выстрелы стихли, воцарилась тишина.

Разрезав путы на ногах, энергичными движениями он восстановил кровообращение. Забрав патроны у мертвого бандита, перезарядил оружие. Вырвал винтовку Александра из пальцев другого головореза: патрон был уже дослан в ствол, оставалось лишь нажать на спуск. Исход для Николая мог быть трагическим. Затем он занялся Сергеем, который был связан тем же способом, что и Зарудный, но все еще пребывал без сознания. Позади левого уха Николай нащупал у него шишку размером с куриное яйцо. Других повреждений, кроме обычных синяков и ссадин, он не нашел. Перерезав веревки на руках и ногах, он постарался привести его в чувство. Однако процесс затягивался. А бандиты, услышав выстрелы, могли возвратиться обратно.

Завязав снова руки Сергея, Николай просунул в них голову как в хомут, и, взвалив товарища на спину, шатаясь, потащил в темноту чащи. Винтовка Александра служила ему костылем.

Николай не помнил, сколько времени спустя, он, точно призраком, явился в лагере, прохрипев: «Свои!». Появление из темноты начальника, тащившего своего спутника, переполошило весь отряд. Выстрелов, сопровождавших освобождение их из рук разбойников, здесь не слышали.

Сгрузив посреди лагеря Сергея, все еще вяло проявляющего активность, Николай, утер пот, и обессиленно уселся рядом. Все сбилось вокруг.

– Что с вами стряслось? – спросил Михаил.

– Нас застал врасплох Пир-Мухаммед со своей бандой. К счастью, он отлучился с большей частью людей. Мне удалось перестрелять лашкеров, оставленных в охране. Чем, надеюсь, вселил в его бандитов должное уважение.

– Когда он возвратится, то найдет трупы возле ко-

стра. Будь я на его месте, я попытался бы догнать бежавших. Или, хотя бы пощипать их лагерь. Поэтому, мы Михаил, вместе с Лаялом, сейчас выдвинемся в аванпост. Если они нас отыщут ночью, встретим их хорошим огнем. Днем не полезут, а завтра мы уходим.

Засев близ лагеря, они замерли. И действительно, не прошло и десяти минут, как послышались очень тихие и осторожные шаги людей, подкрадывающихся в темноте! Вернувшись с пустыми руками, афганец нашел трупы своих людей. И решил действовать в точном соответствии с предположением Зарудного. Лунный свет блеснул на ружейном стволе.

— Товсь! — шепотом скомандовал Николай.

Внезапно, люди, шедшие напрямиком на засаду, изменили направление. Однако противники по-прежнему не замечали аванпоста. Просто они решили нанести удар не с той стороны, откуда их могли ожидать бдительные караульные.

— Если мы пойдем за ними, они нас сразу услышат, — рассудил Зарудный. — А потому, огонь!

Ба-бах! — грянул залп, метнулись темные фигуры лашкеров, застигнутых врасплох. Поднялись вопли раненых. Новый залп! Еще! Засверкали в ответ красные вспышки беспорядочных выстрелов. Русские ответили беглым огнем. Послышался удаляющийся топот ног: поняв, что их замысел разгадан, разбойники сочли за лучшее отказаться от ночной атаки. Все утихло. Отыскав место, где ночные визитеры подверглись разгрому, русские обнаружили брошенный труп одного из лашкеров. Вероятно, были еще и раненные. Николай дал знак возвращаться:

— Вряд ли они повторят попытку нападения ночью. Им уже дважды крепко наподдали, и надобно идиотом быть, чтобы сунуться за третьей выволочкой.

Они пошли обратно. Не успели выйти из лесу, как

едва не попали под огонь товарищей. Только несколько матюков Николая, после первой же прожужжавшей над ними пули, предотвратили новую перестрелку.

Придя в лагерь, Николай устало заваливается в первую же палатку: она оказалась жильем Элизабет.

— Николя, я так беспокоилась за вас! — слышит он, и теплые женские руки обнимают его за шею. Внезапно, пропала накопившаяся в теле усталость, темный зверь проснулся в нем. Словно со стороны он ощущает, как его пальцы торопливо расстегивают женскую рубашку. Он чувствует под руками жар упругих женских бедер и мягкость груди. Все глубже затягивает его стремительная бездна. И не прошло и пяти минут, как темная палатка превратилась в арену самой жаркой схватки из тех, которую пришлось ему пережить в эту ночь.

Глава 44.

Кровавое письмо.

— Живее, собираемся! — всухомятку позавтракав, путники навьючили животных. Александров оклемался, хотя каждый раз при резком движении морщится от головной боли. Винтовку ему отдали, и теперь начальник щеголяет с берданкой. На севере, над близкими горами, небо заволакивают дождевые тучи. Южный ветер, отбрасывавший их, затаился.

— Будет дождь. Река разольется. А впереди излучина.

— Отстанет ли от нас Пир-Мухаммед?

— Не думаю. Не случайно же он напал близ британских рубежей. В Сербазе не удалось найти ослушников Гуссейн-хану, и он сговорился с келатскими разбойниками. Думаю, набрав подкрепление, негодяй возобновит погоню.

Впереди простерлась равнина Дештьяри. К вечеру путники вышли к переправе. Вода несется меж земляных берегов на юго-запад. Однако уровень ее спал. На левобережной круче над Сербазом виднеется большое селение из белых кубиков-домов.

— Это — Багу-Келат, большое торговое селение, — Зарудный сверяется с картой. — Мы здесь остановимся.

Брод находился выше села. Путешественники переходят реку по грудь в воде, держась за верблюдов. Выбравшись на берег, направляются в селение. Одежда сохнет быстро в жарком воздухе.

У крайних домов караван окружили любопытные. Несколько сотен нарядных домов, на окраинах — хижины. Какой разительный контраст с малолюдными пейзажами предыдущей недели. На холме виднеется пара земляных укреплений, и несколько блокгаузов.

Выбрав дом, с достаточно обширным двором, Зарудный стучится в двери. Хозяин открывает, и Николай договаривается о постое. Верблюдов заводят во двор, и Михаил вместе с Александровым занимаются обустройством ночлега.

Сам Зарудный торопится. Он берет с собой Аджи, и, отправляясь на поиски чайханы. К ней выводит темная малолюдная улочка. Он стучится в дверь:

— Салам-алейкум, почтенный!

— Алейкум-ассалам!

— Скажи, не останавливался ли в твоём доме Ислам-Ага из Бомбея?

— Этот купец, наверное, очень известный человек: его уже спрашивали недавно. Сахёб, он в гостевой комнате, на другой стороне.

— Хейли хуб! Очень хорошо! — вместе с Аджи они обогнули чайхану, и постучались в гостевую комнату, устроенную изолированно, наподобие среднеази-

атской меймон-хоны. Никто не отозвался. Николай толкнул дверь, и она, неожиданно, легко поддалась. Внутри царилась тьма, и он велел Аджи повысить подныть принесённый фонарь. Внезапно, переводчик вскрикнул от страха и неожиданности.

Посреди глинобитного пола, откинув голову, посреди темной лужи лежал черноротый купец. С первого взгляда становилось ясно, что он мертвее мертвого: прямо в сердце ему был всажен по самую рукоятку нож. Вероятно, он умер, даже не успев вскрикнуть. Все вещи в комнате были перевернуты вверх дном: убийцы что-то разыскивали в крайней спешке. Однако Николай в отличие от них знал, где искать. Он был уверен, что убийцы ушли не солоно хлебавши.

— Я п-пойд-ду, с-сыкажу хоз-зяину, — заикаясь, пробормотал Аджи.

— Стой, где стоишь! — приказал Зарудный.

Осторожно, стараясь не наступить в кровь, он шагнул в комнату. Нагнувшись, поднял с пола откатившуюся в угол шеголеватую тросточку убитого, покрытую восточным орнаментом. Ловкими движениями пальцев отвернул головку трости, и вытряхнул оттуда на ладонь белую полую трубку. Затем вернул головку на место и бросил трость в тот же угол. Развернул трубочку, оказавшуюся скрученными листками папиросной бумаги, и бегло пробежав глазами первые строки, сунул тайное письмо за пазуху.

Затем, наклонившись, пристально стал разглядывать рукоятку ножа, напомнившую ему своей формой что-то уже виденное. Ступив обратно, и едва не поскользнувшись на крови, выругался и кивнул Аджи:

— Пошли к хозяину, — они обошли дом, и, светя вниз, Николай попытался разглядеть следы убийц. Но утоптанная земля не сохранила никаких следов. Однако смутная догадка, кто мог быть убийцей крутилась у

него в голове, ибо нож с такой рукояткой уже видел однажды на дарбаре, у вали Хорасана.

Они постучались в дверь к чайханщику.

— Твой гость убит, — без церемонии объявил Николай хозяину.

— Кровь в его комнате еще не застыла. Убийца приходил незадолго до меня. Я полагаю, что это мой враг. Поэтому, прошу тебя по возможности описать его внешность, — при этом Николай показал чайханщику серебрянную рупию.

— Идем, я покажу тебе тело и орудие убийства. —

Причитая, хозяин пошел с ними. Увидев мертвого, слегка побледнел, но не потерял самообладания. Но, заметив рукоять ножа, торчащую из груди мертвеца, он вскинул руки и, глухо воскликнул: «Шия-шейхи!»

— Итак, ты подтверждаешь, что здесь побывали шейхиты?

Быстро переспросил Зарудный.

— Я этого не сказал! Не приписывай мне этих слов!

— поспешно ответил хозяин чайханы.

— И я, разумеется, не помню, как выглядел тот, кто спрашивал Ислам-Агу. Я его не видел, он стоял за дверью.

— Понял, ты кого-то опасаясь, и, хорошо знаешь — кого? Ладно, но, чтобы у тебя не возникло соблазна перепутать меня с тем человеком, прошу тебя забыть мой визит вовсе. Вот тебе лекарство от памяти, — и Николай протянул чайханщику рупию.

Оба путешественника растворились в темноте, предоставив хозяину самостоятельно выпутываться из трудной ситуации.

Вернувшись в дом, где они обосновались, Николай молча уселся к огню и, внимательнейшим образом изучил взятое письмо. Затем сжег его.

— Пойдите, покушайте, Николай Алексич. — ска-

зал ему Гермс.

— Да, спасибо, — несколько рассеянно ответил Зарудный, постукивая пальцами по колену.

— Дурные известия?

— Да нет, сами они — так себе. Это письмо подполковника Новицкого. Он прибыл в Индию, намереваясь пройти через Канджур, кратчайшим путем на Памир. Однако, не получив разрешения от англичан, недавно захвативших княжество, он отправляется через Кашмир и Ладакх — западную часть Тибетского нагорья, давно контролируемую британцами, суровую и пустынную. Пишет, что другой причиной отказа может быть не утихший мятеж в Северо-Западных провинциях.

— Любопытно, что в Бомбее поведали под большим секретом, что полгода назад в Нушку, в Келатском Белуджистане, перебросили, в значительном количестве, трубы двенадцатидюймового диаметра. И, кроме того, был сделан крупный заказ на паровые насосы под трубопровод того же диаметра. В принципе, мне это известно. Но зачем делать тайну из прокладки водопровода? И куда они собираются тянуть такой мощный водопровод, да еще в горах? Не говорит ли это о планах создания еще одной крупной крепости в тех краях?

— Еще, подполковник сообщает, что в Карачи отведена площадка для строительства нефтеперегонного завода. Повидимому, англичане открыли новый нефтеносный район? Или, они собираются перевозить туда нефть из Персии, из Ахваза? Быть может, наследник уже предоставил им тайную концессию на нефтяные поля, и они уже продвинулись в освоении Ахвазского месторождения?

— Новость небезинтересная для братьев Нобель, наших нефтяных монополистов.

– Да, самая интересная для нас новость: в Чахбар должен зайти пароход РОПИТ, Российского общества пароходства и торговли. Однако точной даты прибытия он не сообщает. Я лишь примерно могу рассчитать срок, до которого надо успеть на побережье.

– Как же письмо оказалось здесь?

– Оно было отправлено с купцом, который должен был дожидаться меня здесь. Это был человек, имевший с нами дела. Вероятно, он должен был назвать дату прибытия корабля. Но за час до нашего прихода его убили. Сделано это, наверняка, рукой шейхита, но, очевидно, что с подачи англичан, которые шейхитов прикармливают. У меня ощущение, что в селении британские агенты чувствуют себя словно дома. Во всяком случае, следовало бы заручиться поддержкой, чтобы наше путешествие завершилось благополучно.

– Но чьей? – обеспокоенно спросил Михаил.

В ответ Николай постучал по столешнице согнутым пальцем: «Увидим!»

Глава 44.

Купцы Багу-Келата.

Блеяние коз и овец стояло над селом, и всюду царствовал острый овечий запах. В ворота постучали. Русские отперли. Перед ними стоял весьма важный на вид белудж: поверх рубашки он был облачен в европейский жилет.

– Салам-aleyкум! Кто у вас главный?

– Я, – ответил Зарудный.

– Я Худ-Сабыр-хан, мастер Багу-Келата. Я слышал, что в мое селение пришел караван. Откуда и кто вы такие?

– Прошу присесть к нашей утренней трапезе, – предложил Николай. – Я русский путешественник Заруд-

ный, и со мной мои люди. У нас есть хукмы губернаторов Хорасана и Бемпура, сердара Сербазы.

Худ-Сабыр-хан, присев за достархан, принялся внимательно рассматривать грамоты путешественников. Он скривил физиономию при виде персидских печатей. Персов здесь не любили. Однако, все изучив, он протянул пачку грамот обратно.

– У нас здесь живут разные люди. Немало купцов, ведущих торговлю и в Дештьери, и в Сербазе. У них вы сможете достать все необходимое. Есть торговцы также из других краев. К сожалению, иногда с ними происходят ужасные случаи, которые мы немедленно расследуем, так как все они – наши гости. Вот, между прочим, не известен ли вам такой купец, как Ислам-Ага из Бомбея?

После минутного раздумья Николай отрицательно помотал головой:

– М-м. Нет, пожалуй я такого не знаю. А почему вы меня о нем спрашиваете? Не один ли это из тех случаев, о которых вы упомянули?

– Да, вы догадливы. Его убили вчера, как раз в то время, когда вы пришли в село.

– Это печально. Но в таком большом селении наверняка найдутся какие-нибудь головорезы. А, возможно, что это люди пришлые. Я слышал, что не так далеко отсюда, в британском Белуджистане, свили гнездо аль-шейхия, мятежная и опасная секта шейхитов.

Худ-Сабыр-хан остро взглянул на уруса, знающего, повидимому, кое что лишнее:

– Не осведомлен ни о чем таком достоверно. Но не удивительно, если люди решили разругаться с каджарами. Думаю, многие готовы поменять их не то что на англиз, но и на джапани из далеких восточных зе-

мель. Впрочем, кажется, я заболтался. Мне пора идти. Иншалла! –

с этими словами правитель селения неторопливо удалился в сопровождении ожидавшей его свиты. Не прошло и пяти минут, как в дверь постучали новые гости – несколько темнокожих индусов:

– Сагиб, мы местные купцы! – сказали они хором.

– Сагиб, я прошу заглянуть в мою лавку! В моем дуконе есть все! – сказал один.

– В моем магазине самый широкий выбор товаров из Европы, сагиб! – убеждал другой.

– Сагиб, вы зря теряете время, посетив этих бездельников, и не побывав на моем торговом складе! – заметил третий, за что на него с руганью набросились остальные.

– Постойте, не доводите дело до драки, мы зайдем ко всем! – поспешил Николай притушить страсти. Вместе с Михаилом и Элизабет, они отправились вослед за индусскими купцами.

В селении действительно оказалось полдюжины лавок, причем две из них, как выяснилось, принадлежали настоящим торговым воротилам. На самой большой висела покосившаяся жестяная вывеска, гласившая: «Мистер Сихпудри из Карачи, торгово-политический агент Великобритании». Правда, надпись была на фарси. Сам хозяин, смуглолицый джентльмен в белой рубашке и жилете, обнаружился внутри лавки. Он охотно объяснил, предлагая товары, что ему даже шла субсидия от индо-британского правительства. Однако за какого рода деятельность она назначалась? Об этом невольно задумался Николай, обозревая полки с товарами. Неужели, за торговлю? Шерстяные ткани, одеяла, бижутерия, иголки, мыло, табак, посуда, кожаная обувь: решительно все было немецкого или австро-венгерского производства! Правда, шелковые

и ситцевые отрезы, а так же папиросы со спичками были из Японии. А сахар-рафинад – французский.

– Где же английские товары? – удивился он, разжившись, парой хороших немецких сапог.

– А вот, пожалуйста! – показал торговец пачки чая «Ахмад», и стоящие на верхней полке бутылки с виски, джином и коньяком.

– Негусто, ей богу! Коньяк, кстати, какого-то подозрительно соломенного оттенка – тебе не кажется, Михаил? Наверное бренди, а не коньяк – но, возьмем попробовать. Однако непонятно, какие такие товары намереваются сбывать господа британцы в Персии, если даже у субсидированного торгового агента их раз, два – и, обчелся? Или, не в торговлишке дело? Кстати, русского товару тут нет?

– Как не быть, Николай Алексеич – вон же, наши, тульские самовары стоят неразлучной парой, боками круглыми посверкивают!

– Да, и вон еще жестянки с керосином: с надписью «Баку-Поти-Бомбей» на торговых наклейках. Вкруговую, морем в Бомбей везли, а потом сюда. Накладно, поди, возить через полмира. За морем, как говорится, телушка – полушка, да рубль перевоз. Дешевле было бы британцам возить керосин по железке, если, скажем, дотянуть ее до Закаспийской дороги. А?

– Думаю, одного этого аргумента им маловато будет, чтобы одобрительно отнестись к строительству железки по нашему маршруту, да еще с выходом на Индию!

– Верно, – но, какая-то живая мысль вдруг возникла у Николая, сильнейшим беспокойством отразившись на его лице. Не совладав с собой, он даже выскочил из магазина, оставив там товарищей.

– Два плюс два – четыре! И как я... – пробормотал он.

Тут он обратил внимание на одного из купцов, сторонившегося общей компании. Был он светлее лицом, и напоминал скорее кавказца, чем индуса.

— Кто это? — спросил он другого купца.

— Это Хосрой, парс. Но здесь он такой же чужак, как и мы, сагиб.

— Правда ли парс? Вот, никогда их не видел! — и пошел Николай прямиком в лавку Хосроя. Пригласив столь желанного покупателя, парс не выражал привычного поддельного дружелюбия. Ибо не было нужды ему притворяться, что его покровители не британцы, а русские. Но и Николай не стал обращаться с обычным приветствием, а, увидя, что в лавке они наедине, едва ли не с порога принялся декламировать:

— «Да возрадуется Ахура-Мазда, и отвратится Анхра-Манью воплощением истины по воле достойнейшей. Прослаблю благомыслием, благословием и благодеянием благомыслие, благословие и благодеяние... Отрекаюсь от всего зломыслия, злословия и злодеяния» И так читал он, на память, строфа за строфой, «Ормазд-яшт», первый, и самый главный гимн из книги «Вендидад», то есть «Изгнания дэвов», древнейшей части священной «Авесты», символа веры зороастрийцев. Восход и закат солнца должны встречать они этим гимном. Глаза купца стали совсем круглыми от изумления, рот приоткрылся.

— Ты... Ты наш, сагиб?!

— Нет, — это мгновенно вызвало обратную метаморфозу лица, к любезно-замкнутому выражению.

— Я — христианин. Но знай, что в моей сумке находятся некоторые вещи, священные для вас, парсов. Добывая их в руинах города Хоуздар, в Сеистане, погиб несчастный Джамасп, посланный анджоманом всех парсов Бомбея. Я обещал ему передать эти вещи

в надежные руки, и я выполню свое обещание (небольшое приукрашение истины, но кто осудит)?

— Вы хотите передать это мне, сагиб? — голос купца дрожит, кажется, он знает, о чем идет речь.

— Нет, я отдам их только взамен на содействие мне в Чахбаре, куда я направляюсь. Ибо ваши сагибы — англичане, мои недруги, кажется там, чрезвычайно влиятельны. И, думаю, готовят весьма враждебный прием.

— Ты хочешь денег, сагиб? Мы дадим их.

— Нет. Помогите мне — и, я отдам ваши святыни без всякого вознаграждения. Передай своим единоверцам.

— Да будет так, во имя Ахура-Мазды, светоносного! Я передам.

— Прощай! — купив какую-то мелочь, для конспирации, Николай вышел из дукона.

Отдохнув день в Багу-Келате, Зарудный предполагал на следующее утро выступить в Чахбар. Оставалась неделя пути, если верить карте.

Глава 45.

Ночная перестрелка.

К ночи голоса людей, мычание скота и рев ослов на улице стихли. Прогдегустировав английский «коньяк», русские пришли к выводу, что он поддельный. Элизабет по-фламандски выразила полное с ними согласие. Николай, повидимому, созрев для важного разговора, хотел что-то сообщить Михаилу. Но внезапный осторожный стук в дверь нарушил общую беседу. Выглянув наружу, Александров привел купца-парса, явно не желавшего афишировать свой визит.

— Сагиб! — обратился тот к Николаю. — Прошу меня верить, ибо от этого зависит ваша жизнь.

— Хорошо.

— К главному хинду, английскому агенту, приходил человек, патан. Он хотел напасть на вас ночью, или завтра — у переправы.

— А как же мастер Багу-Келата?

— О, это селение ближайшее к владениям англичан. Оно живет торговлей с ними. Угождая им, мастер нарушит даже законы гостеприимства. И поверит на слово, что вы причастны к убийству бомбейского купца, заколотого шейхитским ножом.

— Откуда ты обо всем знаешь? — сощурился Николай.

— Я посвящен во многое, так как я парс, и страдают мои братья под властью шаха. И, тот, кто против персидских властей — мой союзник. Но я знаю: анджоман Бомбея состоит из уважаемых людей, и не пошлет человека в персидскую пустыню без серьезного повода. Ведь речь идет о древних святынях, не правда ли?

— Да, это так. Я не отступлю от слова, и передам их на берегу. Но, если не получу поддержки, и, погибну — ищите их в Аравийском море.

— Так вот вам дружеский совет: бегите из селения сейчас. Или, готовьтесь отразить нападение за этими глиняными стенами.

— Спасибо тебе! Да пребудет с тобою Бог и, твой Светлый Создатель — Ахура-Мазда. Я воспользуюсь советом. Теперь — уходи! — осторожно выглянув наружу, Николай выпустил парса в сгустившуюся ночь.

— Пакуем вещи и выходим! Соблюдать тишину! — распорядился Зарудный. Все собрались молниеносно. Верблюжки бубенцы замотали тряпками, навьючили животных. Чотурдары ласково поглаживали их по носам, чтобы те ревом не выдали преждевременно намерений хозяев. Николай, щедро расплатившись с домовладельцем, и с недвусмысленной настойчивостью попросил не покидать стен жилища до ухода отряда.

— Господа, зарядите револьверы. На этих улочках наганы сподручнее винтовок, — сказал он Гермсу и Александру.

— Мы пойдем впереди в разведку. Я верю в желание парса сохранить нам жизни, но кто мешает ему обобрать покойников?

— Ты, Элизабет, командуй караваном. Лаял и остальные — прикроют. Раньше сигнала, не выходите: возможна засада. С Богом!

Три темные фигуры выскользнули из ворот дома. Было за полночь, и на улицах царила тишина. Как оказалось, впрочем, предательская.

Нет, это не любовник крадется вдоль темной улицы, направляясь к дому возлюбленной. Когда падает в темных закоулках случайный свет луны, то видно как в руках крадущейся тени сверкает оружие. Привыкшие к темноте глаза различают не одну такую тень, а много, просачивающихся одна за другой, по обеим сторонам улицы, под стенами домов. Туда, где, как им кажется, дремлют беспечные русские. Иногда эти вооруженные тени перебрасываются белуджскими словечками. Афганец преуспел в вербовке подручных.

Между тем, Зарудный шел навстречу им, на шаг впереди товарищей. Вдруг, его ухо уловило подозрительный хруст камешка, под чьей то подошвой Он насторожился и, заметил впереди колеблющиеся тени. Зарудный осторожно высвободил ствол маузера, и, прицелившись, тихо скомандовал товарищам:

— По теням — огонь! —

«Бах! Бах!» — грохот беглых выстрелов разорвал тишину. Вопли раненых, топот ног, беспорядочные огоньки и треск ответной стрельбы наполнили улочку. Нарвавшиеся на «теплую» встречу головорезы метались под свинцовым ливнем. Николай разрядил по мечущимся теням всю обойму, не обращая внимания

на суматошные ответные выстрелы. Рядом стреляли его товарищи. Когда улица опустела, можно было считать полдюжины лежащих темными кулями убитых и раненых врагов: остальные бежали.

— Перезаряжаем — и, вперед! — скомандовал Зарудный. — Александров, кликни наших, чтобы подтянуться! Самое время выбиратьсь!

Отправив Сергея вести караван, авангард двинулся дальше, постреливая по подозрительным фигурам, старавшимся затаиться, и зайти отряду в тыл. Проходили минуты, но никакой реакции хозяев селения на стрельбу под окнами не последовало. Скорее всего, мастер Багу-Келата и впрямь предоставил припавших урусов их собственной, незавидной, как он предполагал, судьбе. Между тем, сзади, послышался топот верблюжьих ног: ведомый чотурдарами и Элизабет, караван нагнал авангард. Вот, и шалаши на окраине селения. Нет ли засады?! Однако, все тихо. Ночная контратака ошеломила противника, который не был к этому готов.

Усевшись на верблюдов, путешественники торопливо подгоняют их прочь. Слышен шум реки, бегущей между глинистых крутых берегов.

— Переправляться будем здесь?

— Нет, течение слишком сильно. Ниже.

Темная холмистая равнина вокруг покрыта силуэтами кустарников и редкими пальмами. Луна освещает ее холодным светом. Постепенно возбуждение схватки спадает, начинает убаюкивать монотонное движение.

Под утро выехали к широко разлившейся реке, которую было совсем не трудно перейти вброд. Отряд спустился к воде, Николай шел в арьергарде.

— А это что за чудовище? — склонился он к глинистому откосу.

У самого уреза воды торчала зубастая пасть.

— Засохший крокодил! Вот находка! — любопытство спасло ему жизнь, потому что в этот миг над самой головой просвистела винтовочная пуля. То, что это не жужжащая, медленная пуля из белуджского мушкета, он мог заключить пари. Он еще не выпрямился, а в руке его уже была берданка. Николай сразу понял, кто неизвестный стрелок — Пир-Мухаммед, неутомимый в своей ненависти к путникам афганец.

— Переправляйтесь! — крикнул Зарудный, прыгивая наземь. Он знал: либо бешеный патан останется на этом берегу, либо сам он попадет, на противоположный только с пулей в спине.

Однако среди кустарников и деревьев не было заметно никакого движения. Не таков был Пир-Мухаммед, чтобы палить по чотурдарам, зная, что его поджидает опытный враг с винтовкой. Зарудный затаился в кустах на краю береговой террасы. Он решил вспомнить давний трюк, и приподнял на палке белую фуражку. Но бывалый противник не клюнул на уловку. Тогда, отсчитав до десяти, Зарудный с размаху зашвырнул подходящий камень в соседние кусты. Ветки закачались, «выдав» русского стрелка. На этот раз из дальних зарослей сверкнула вспышка, и пуля сорвала ветку в том месте, где якобы «полз» Николай. Афганец скрывался совсем не там, где ожидал Зарудный. Но он успел прицелиться и, выстрел из берданки раскатисто прогремел над рекой. Другие два раздались из-за берегового откоса: стреляли Александров и Гермс из «трехлинеек».

Но Николай был уверен только в своем попадании. Однако насколько точно была его пуля? Бросив винтовку, он пополз по-пластунски к предполагаемой позиции афганца. В руке он держал маузер. Прошло около минуты. Внезапно, ему послышался топот ко-

пыт, и, приложив ухо к земле, он услышал равномерную дробь конского галопа. Вскочив на ноги, он бросился в кусты. Ветки, забрызганные свежей кровью, едва не выхлестнули глаза. Прорвавшись сквозь них, он увидел далекий темный силуэт коня, с фигуркой всадника, прижавшейся к седлу. Афганец был ранен, но винтовки не бросил, как и подобало воину. Николай быстро поставил планку прицела на самое дальнее деление, и, положив пистолет на сгиб локтя, дважды выстрелил вслед уходящему всаднику. Впрочем, он несколько не сомневался в промахе: их разделяло уже около полуверсты.

— На этот раз, свидание отложено, — сказал он, возвратившись. — Переправляйтесь быстрее.

То, что один афганец решил продолжить преследование, вселяло надежду, что им удастся спокойно добраться до моря.

Глава 46.

Чахбехар.

Зарудный заговорил с Михаилом, как только выдалась свободная минута. Похоже он долго обдумывал тему беседы:

— Ты помнишь наш разговор в дуконе Багу-Келата, о том, что возить бакинский керосин в Индию выгоднее «железкой», да англичане этого не допустят?

— Да.

— Хорошо. А если, мы предположим, что они хотят через Персию нефтяную трубу проложить, наподобие той, что идет от Баку к Потти, на Черном море? Транспортировка выгоднее, и казаков по нефтепроводу не пошлешь?

— Шутите, Николай Алексеич? За каким лешим ради

наших промыслов, ну, пускай — господина Нобеля, им такие труды предпринимать?

— Все обстоит гораздо серьезнее. Зачем они в Келат трубы завезли, того же диаметра, что и бакинские? И насосы к ним заказали, которые позволяют качать через перевалы? В Сеистане, у Баренга, резервуар со впуском того же диаметра: труба же длинная, мало ли — что случится? Нефтепровод протянут до конечной станции Нушкинской дороги. Помнишь, кучи камней от робатского перевала — наверняка, под опоры приготовлены. По железной дороге нефть повезут цистернами в Карачи. Там ведь завод собираются нефтеперегонный построить, он обеспечит всю Индийскую империю. И бакинская нефть, и персидская будут там вместе перерабатываться. И нашими ли уж они их видят, бакинские промыслы? А?

— Так для этого же война нужна!

— Если и вправду, переворот в Персии устроен ради нефтяной концессии, почему не повоевать за действующие промыслы? А мы разве готовы к войне? Пушки новые армии только обещают. Пулеметы Максима, с которыми британцы давно воюют, у нас пока только на гвардейских парадах возят. Нам поджигателей Бурской войны наградить надо, как избавителей! Да потом, ведь мы уж говорили, что бритты частенько загребают уголек чужими руками. Только вот чьими хотели на сей раз?

— Хотя один должен дойти, и рассказать об этом нашим. Не желают англичане нас из Персии выпустить, факт. Мы, однако, поборемся. — Но для чего британцам нефтяная монополия? Неужели, ламповый керосин — стратегическая материя? Ведь уже ясно: будущее — за электричеством, — в ответ Николай лишь пожал плечами.

И вот отряд вышел на прибрежную равнину. На

следующий день повернули на запад. Солнце палило нещадно, было душно. К полудню показались окруженные редкими пальмами домишки и шалаши, над которыми возвышалось старое укрепление на песчаном холме. А далее простиралась синь.

– Меер! – радостно взвизгнула Элизабет, со всей страстью уроженки приморья.

– Море! – воскликнул Сергей.

– Нейриз! Нейриз! – «Море, море!» – закричали белуджи, вознося молитву Аллаху.

С моря дул ветер, несший ни с чем не сравнимый терпкий запах соленой воды, который с наслаждением вдохнули все путники. Однако, близость моря не освежала – наоборот, влажность усугубляла жару. Утоптанная дорога вела через прибрежные пески к маленькому приморскому городку. Люди выражали восторг, предвидя завершение утомительного путешествия. Лишь Зарудный сохранял хладнокровие, разглядывая четкие приземистые прямоугольники, виднеющиеся на небольшой плато южнее городка. Пускала солнечные блики невидимая проволока, протянутая отсюда на спичках-столбах.

– Показалась Чахбарская телеграфная станция. Насколько известно, ее охраняют британские стрелки-сипаи. Нам следует соблюдать осторожность, – сказал он.

Они миновали большую мечеть с высокой, ярко раскрашенной мачтой – зиарет местного святого. И, объехав песчаный холм, увенчанный полуразрушенным укреплением, отряд оказался на базарной площади. Со всех сторон ее окружали глинобитные дома купцов. А дальше, по прибрежным пескам в беспорядке рассыпались хижины местных аборигенов.

Присутствие многочисленных развалины свидетельствовало о том, что в прежние времена городиш-

ко был больше. А, сейчас не тянул более чем на селение. Неумолкаемый шум моря, разбивавшего зеленоватые волны почти у самых построек, стоял над ним.

Николай показал Элизабет на еле виднеющийся вдалеке берег:

– Это полуостров, ограничивающий Чахбарский залив с запада. Котлообразная бухта – лучшая на персидском побережье, к востоку от Ормузского пролива. К сожалению, она недостаточно глубоководна, и, не имеет хорошей дороги для связи с внутренней частью страны.

– Почему здесь так много руин?

– Еще тридцать лет тому назад городок принадлежал пиратскому султанату Маскат, что расположен на противоположной стороне залива. Он состоит под британским протекторатом. Это ключ англичан ко входу в Персидский залив. Керманский вали отобрал городок у арабов, и после этого пришло его запустение. Однако торговля совсем не заглохла, о чем свидетельствуют суда на рейде, – он кивнул на полдюжины темных корабельных силуэтов с тонюсенькими нитями мачт, виднеющихся в полуверсте от берега. – Наверняка, здесь не меньше половины судов – арабские.

На берегу лежали несколько мореходных килевых лодок.

Торговое утро уже прошло. Но жара не смогла прогнать с улицы прохожих, среди которых выделялось немало темнокожих, широконосых, курчавых мекрани. Русские впервые заметили их на равнине Дештьяри. Это было особое белуджское племя: на север они попадали в виде рабов-гулямов. Элизабет считала их наследниками древнего, доарийского населения.

Достаточно в Чахбехаре было и светлокожих переселенцев с Севера. Но торговые воротилы, видимо, не принадлежали ни к тому, ни к другому племени.

Николай подошел к солидному домохозяину, голову которого украшал огромный белый тюрбан:

– Салам алейкум! Есть ли здесь хорошие дуконы, почтенный?

– Алейкум-ассалам! – Мой дом – моя лавка! Я Абдул-Хуссейн-ибн-Измаил, старшина здешних купцов!

– А, это хорошо! Мы хотели бы здесь купить кое-что!

– Меня все знают! У меня самый лучший товар: из Карачи, из Бомбея, из Маската, из Франч и Джермани, из Джапани – отовсюду!

– А вы сами, почтенный, вероятно, из Индии?

– Да, сагиб! Все здешние купцы из Индии – в городке нас живет человек тридцать. В большинстве – мои земляки, из Хайдерабада, из владений низама!

– Намного больше, чем в Багу-Келате? А город ваш, вроде бы, небольшой – меньше того села.

– Да, сейчас здесь жителей мало. Но, прежде, говорят, в городке жила тысяча семей. Векиль-уль-Мульк, вали Кермана, разгромил город, многих увел в рабство, другие – уехали в Маскат. Старых жителей осталось едва десятая часть. Поэтому тут малоллюдно. Правда, переселилось сюда еще семей двести. Но торговля хорошая – в глубь страны рыбу продаем, привозные ткани. Оттуда везем хлопок, пшеницу. Тем живем. Но, пойдемте ко мне в дукон, посмотрим товары. Какие вам нужны?

– Хорошо. Да, я вижу, здесь немало и персов в чалмах?

– Верно, среди новых поселенцев – много шиитов.

– А англичане здесь – сагибы?

– Да, их слово в городке многое значит, – на лице купца отобразилось почтение.

– Правда, самих англичан – трое или четверо, но у них имеется индийская прислуга, и сипаи с винтовка-

ми. – Что же касается персов, – хайдерабадец презрительно оттопырил нижнюю губу, – То, несколько наших земляков держат на откупе таможенный сбор, и деньги за него отсылают в Бемпур. Там, ведь, изгнали мятежников, и появился новый вали?

– Да, это действительно так.

– До нас, торговых людей, вести доходят быстро. А построят англичане телеграф – еще быстрее станем получать. Но, что же мы стоим на пороге – проходите в мою лавку!

Николай и Элизабет шагнули через низкую дверь в прохладу лавки, наполненную смешанным ароматом кожи, пряностей, вяленой рыбы и разогретого металла. Набор товаров был тот же что в Багу-Келате, включая кожаную обувь. Зато папиросы и табак – из самых разных стран. В достатке имелись разнообразные металлические изделия и ткани.

– Смотри-ка, даже английская мануфактура есть! – воскликнул вошедший Михаил.

Нельзя было игнорировать целую коллекцию соблазнительных бутылок: виски, джин, коньяк, и, даже, вино, на этикетках которого, почему-то значилось «бордо».

– Ужели мусульмане у вас выпивку покупают?

– Если честно признаться, то берут изрядно, но выносят потихоньку. А разве мусульманин – не человек, и не желает потешить душу, сагиб?

– А оружие у вас имеется, боеприпасы?

– В открытую, конечно, не продаем, сагиб. Но, есть ли что-либо запрещенное для здешнего разбойного люда? Везут из разных мест: из Карачи, из Маската. В основном – бельгийское. Торгуют из-под полы, потихоньку. Но, у вас, я вижу, и своего достаточно. Может быть, вы хотите продать? Трудная дорога позади. Я с радостью куплю, за приемлемую цену, конечно.

— Нет, от этого пока воздержимся. Но продукты и вино купим, — решил Николай.

Лагерь разбили на окраине городка, возле колодца. Мимо проходила английская телеграфная линия, и провода гудели под ветром. Но, может быть, неслась по ним весть о прибытии русского каравана?

— Столбы у них — железные, из трех свинченных труб, — не то, что у нас — деревянные. И провода два, а не один, как у нас, — обратил внимание Гермс. — Основательно сделано, ничего не скажешь!

Вечерело. Отдыхая, раскупорили бутылку «бордо»,

— Что за дрянь! — сказал Николай, распробовав. Стали пить джин, которым предусмотрительно запасся Гермс, и сели играть в карты.

— Надо ждать прибытия нашего судна, — рассуждал тем временем Николай. — Думаю, что британцы не дадут нам покоя. Посмотрим, что они предпримут?

Ночь прошла без происшествий. На рассвете, выбравшись из палатки, Зарудный обнаружил обнажившиеся прибрежные скалы и плоские каменистые банки, тянувшиеся на сотни метров вглубь прежнего залива. Среди них поблескивали то там, то здесь свежие лужи. Это пространство резко ограничивалось вдали сверкающей поверхностью отступившего моря.

— Что же это такое? — опешил он. Затем, хлопнул себя по лбу.

— Ну, да! Здесь разница между приливом и отливом достигает нескольких метров! Как я мог позабыть!

— Ну что, Элизабет — пока не наступила жара, не прогуляться ли нам по отмелям? — крикнул он в палатку бельгийке.

Не прошло и четверти часа, как они пошли на прогулку по обнажившимся скалам. В отличие от мертвых прибрежных песков, в приливной полосе кипела жизнь. В лужах и глубоких расщелинах морские ежи

медленно ворочали под прозрачной водой темно-фиолетовыми иглами. Морские звезды извивали тонкие лучи. Голотурии — «морские огурцы», — фонтанчиками выбрасывали воду. Моллюски Индийского океана соревновались друг с другом в причудливости форм и разнообразии окраски раковин. В прозрачной воде плавали креветки, радужные рыбки, ползали по обмелевшему дну лангусты (здесь их считают нечистой пищей, в то время как у европейцев безклешенные раки — деликатес). И повсюду сновали многочисленные крабы, разнообразных форм и размеров.

Они незаметно приблизились к окраине банок. Внезапно, Элизабет, на шаг опередившая Николая, вскрикнула, и, резко отклонившись назад, еле успела опереться на его руку. Банка отвесно обрывалась вниз. Правда, не более сажени отделяло ее край от поверхности спокойно плещущегося моря. Но сквозь прозрачную воду виднелась темная поверхность скалы отвесно исчезавшей в глубине. Лишь шаг оставалось сделать, чтобы рухнуть вниз. Морская змея серебристой лентой проплыла там, в глубине. Глубина гипнотизировала, и молодой женщине с трудом удалось оторвать от нее свой взгляд. Они пошли вдоль кромки. Элизабет протянула руку:

— Смотри! —

В расщелине поодаль билось большое существо. Подойдя, они увидели большую, красиво раскрашенную рыбу. Николай плотоядно ухмыльнулся:

— Эх, хорошая закуска: пуда на три будет! — он живо снял с плеча винтовку, и эхо выстрела прокатилось над берегом. Вода окрасилась кровью.

— Николая! — Элизабет слегка сморщила носик. — Рыбу — из ружья?

— А есть-то нам что-то нужно? — парировал он спокойно.

Бельгийка подошла, чтобы разглядеть убитую рыбу. Внезапно, она отпрянула, запнувшись, упала на спину – и, отчаянно закричала. Притаившееся чудовище рванулось к ней, распахнув пасть, полную ужасных зубов: крокодил! Было неясно, посчитал ли он девушку за добычу, но намерения отстоять мертвую рыбку не вызвали сомнений, и откушенная рука или нога были в этой борьбе разменной монетой. Николай как раз перезаряжал винтовку. Молниеносно вскинув ее к плечу, он нажал спуск. Пуля ударила крокодилу в голову, но срикошетила от черепа, и ушла по камням. Оглушенная гигантская ящерица замерла. Элизабет вскочила на ноги и кинулась прочь. Зарудный хладнокровно загонял в ствол новый патрон, полагая, что ящера надо добить. Но, тут крокодил опомнился, извернулся и кинулся в воду, исчезнув в кипящих волнах прибоя – лишь мелькнул змеящийся хвост.

– Элизабет! – окликнул Николай девушку, остановившуюся поодаль. – Мне кажется, крокодил бежал. Кстати, это был гребнистый, едва ли не самый агрессивный вид, за исключением нильского. Не сможешь дотащить рыбешку, пока ее чайки не съели?

– Д-да, конечно, – кивнула Лизхен. – А ты уверен, что он насовсем ушел?

– Я удивлен, что мы вообще здесь повстречали крокодила. Это обитатель индийского, а, отнюдь не персидского побережья.

– А разве он плавает в соленой воде?

– Гребнистый крокодил – да.

Николай подобрал палку, они проткнули ее рыбе под жабры, и потащили к лагерю. Увидев начальника с добычей, на помощь к ним поспешили чотурдары. Они перехватили палку и бегом понесли рыбу в лагерь.

– Вы, Николай Алексеич стреляли несколько раз. Неужто рыбка такая живучая? – спросил Гермс.

– Так ведь на нас, Михаил, представь себе, крокодил напал! Отстреливались.

– Это редкая встреча, сагиб: прошло уже много лет, когда видели эту тварь на здешних берегах, – заметил зашедший в лагерь рыбак, узнав о чем идет речь.

Несколько часов спустя, рассевшись в благодатной тени, все приготовились вкусить «царь-рыбу», приготовленную белуджами. По праву хозяина, Николай первый сочный ломоть вручил Элизабет, как даме, и пустил блюдо по кругу.

Внезапно, лицо молодой женщины, исказила гримаса. Зарудный поспешил дегустировать блюдо.

– Что за гадость! – он с омерзением сплюнул на песок.

– А! То-то: на рыбку с ружжом не ходят! – засмеялся Александров.

– Да, зря мы Лиза приняли сражение с крокодилом! – поскреб затылок Зарудный. – Главное блюдо отменяется.

Хорошо, что оказалось, есть чем заменить рыбу. Впредь решили покупать добычу у рыбаков, хорошо знающих, что из улова пригодно в пищу. Заговорили о дальнейших перспективах.

– Судна пока нет. Может быть, пойти отсюда вдоль берега? предложил Гермс.

– Нет, ресурсы на исходе. Идти пустынными берегами на мыс Джаск бессмысленно. Будем ждать наш корабль: провести здесь лишнюю неделю менее рискованно. В крайнем случае: наймем каботажный парусник.

Тут к русскому лагерю подошел индус в красном тюрбане.

— Прощу простить, сагибы — нет ли среди вас мистер Зарудни? — спросил он.

— Это я! — отозвался Николай.

— Прощу принять письмо от Вильсон-сагиб.

Николай разорвал конверт, и пробежал глазами по строкам, написанным каллиграфическим почерком по-английски. Они содержали приглашение главе русской экспедиции «посетить небольшое общество белых людей на пустынных берегах Персии» от лица инспектора «Телеграфа Персидского залива» мистера Вильсона. Причем, в конце письма, последний, ругаясь словом джентльмена, неосторожно давал гарантии полной безопасности.

— Как вы относитесь к этому предложению, Николай Алексеич? — спросил Гермс.

— Как? Конечно, пойду! Надо же показать, что мы несколько их не боимся! Элизабет, кстати, хотя ее и не приглашают, тоже возьму — иначе обидится, да и джентльмены не поймут, если я появлюсь один.

— Как бы не солгали, насчет гарантий — ей-ей!

— Обойдется! В случае чего — выкручусь. Мы все-таки на персидской территории. Вы меня, надеюсь, не оставите. К тому же, тут еще кое-кто к нам подойдет, не сегодня — завтра. Отойдем-ка, Михаил, поговорим — и, уединившись, Зарудный дал помощнику инструкции.

— Ну, Элизабет — пойдем чаевничать к британцам?

— Да. С удовольствием, — девушка поднялась от импровизированного «стола».

— Что же, идем! — сказал Николай пять минут спустя индусу, ожидавшему ответа. И, они втроем отправились через Чахбар на мыс, где располагалась станция.

Дорога шла вдоль линии телеграфных столбов и избегала на каменистое плато. Там, над проволоочной оградой поднималось двухэтажное каменное здание с плоской крышей, окруженное садовыми деревьями. Над воротами была укреплена жестяная вывеска с надписью по-английски, повторенной на фарси: «Персиан Галф телеграф».

Возле ворот стояла небольшая будка для сторожа. Однако она была пуста. Слуга неодобрительно покачал головой. Николаю это показалось необычно. На дальнем конце участка виднелся барак, и возле него маячила фигура в британской полевой форме. Судя по всему, там располагались сипаи, охранявшие станцию. Рядом поднимался бетонный колодезный купол, от которого тянулись водопроводные трубы в главное здание. Провода телеграфа исчезали в одном из его узеньких окошек-бойниц.

— Что-то нас хозяева не встречают, — усмехнулся Зарудный.

В этот момент из дверей здания вышел белобрысый молодой человек и, помахав приветливо рукой:

— Хелло, я Вильсон! Мы с Моррисом вас заждались! — он протянул руку, крепко пожатую Зарудным.

— О, я вижу, вы с дамой? — произнес он растерянно.

— Разрешите представить: Элизабет Марешаль, бельгийская путешественница, вырванная нами из лап белуджских лашкеров.

Англичанин слегка покраснел, и, попытался поцеловать даму ручку.

— Честно говоря, дамы я не ждал, и предполагал начать знакомство с могилы вашего соотечественника, мистер Зарудни.

— Думаю, Элизабет не будет против.

Надев топи-шлем, британец любезным жестом пригласил их пройти вдоль ограды в самый угол участка.

Там виднелся могильный холмик с православным крестом, в середине которого была прикреплена табличка со свежеподправленной надписью:

« П. А. Ильин, русский топограф »...

Вильсон вытер о мостовики вспотевшие ладони.

— Мы подправили надпись, последние дожди сильно подпортили ее. Надеюсь, все написано верно? — сказал он.

— Да, отлично сделано: мне следует вас поблагодарить.

— Местные пустили слух, что в его могилу зарыли винтовку, револьвер, тысячу патронов и пять тысяч рупий. Думаю, спасло ее от осквернения только то, что она находилась на нашей территории.

— Да, я очень благодарен! Поистине, смерть примиряет всех! — задумчиво произнес Зарудный.

Англичанин слегка вздрогнул.

— Мы отдали долг памяти, не пройти ли в дом? — предложил он.

Внутри здания с высокими потолками, было полутемно и прохладно. Вильсон снял шлем и бросил его на стул. Телеграфное бюро располагалось на первом этаже: сверкало полированной медью и матовым эбонитом оборудование. На столбе, поддерживающем потолок, висел телефонный аппарат.

У телеграфного аппарата сидел второй британец, судя по его широкому лицу — уроженец валлийских холмов.

— Гуд дэй! — бросил он, слегка привставая. — Джаст э вэйт! (Подождите минутку!)

— Мистер Моррис, наш главный технический специалист, — представил Вильсон коллегу.

— Пройдемте пока в соседнюю комнату. Там Гупта, фельдшер. Он, наверное, изнемог в ожидании ланча.

Он гостеприимно распахнул соседнюю дверь. Николай перешагнул порог, и остановился, как вкопанный. Прямо перед ним, по хозяйски расставив ноги, стоял рослый, широкоплечий господин, совсем не индусского вида, с решительным и надменным лицом. В руке он держал поднятый револьвер. Однако Николай и не подумал схватиться за маузер, торчавший у него за поясом. Ибо в грудь ему уперлись черные зрачки десятка стволов, которые сжимали в руках смуглые стрелки-сипаи, заполнявшие комнату. Он попал в засаду.

— Мистер Зарудни? Я главный инспектор «Галф телеграф» Гревс! — резко пролаял британец. — Медленно поднимите руки вверх!

— Я вижу, что зря поверил слову джентльмена и гарантиям безопасности. Ваше коварство в духе местных лашкеров.

— Никто не мог, не нарушив субординации, дать вам никаких гарантий, помимо меня! Я здесь старший, и арестовываю вас от имени Ее Величества, королевы Виктории!

И, англичанин резко выдернул пистолет из-за пояса Николая.

— Что там за шум! — глянул он за спину пленника.

Вильсон, схватив за локти, пытался удержать вырывающуюся в бешенстве Элизабет.

— Это низко! Подло! Вы поступаете как лашкеры! — кричала она, задыхаясь от ярости. Волосы ее растрепались, упав на лицо.

— Я обвиняю этого человека в убийстве индо-британского подданного и, сопротивлении военным властям! А так же в шпионаже в пользу иностранного государства!

В это время Николай, которому сипаи уже крутили руки, громко сказал:

– Как русский гражданин я заявляю протест против самоуправства, которое вы, британцы, творите на персидской территории!

– Вот эта земля, на которой станция – британская, она выкуплена короной! И я творю здесь все, что хочу! – прорычал Гревс, брызгая слюной в лицо пленнику. – Все ваши хукмы тут ничего не стоят! Увести его и запереть!

Затем он повернулся к Элизабет:

– А вам, милая мисс, мы поможем попасть в цивилизованные страны. Единственное, что бы мне хотелось, так это удовлетворить свое любопытство относительно успешности кое-каких раскопок, которые вы собирались предпринять.

Последние слова Николай слышал уже из коридора, по которому его поволокли, прежде чем бросить в темную и душную комнатенку – бывшую кладовую. Дверь заперли амбарным замком. Лежа на боку, он задыхался и обливался потом от спертых воздуха: его камера не уступала калькуттской «черной яме», в которой некогда задохнулись плененные европейцы.

– Как же я глупо влип в простейшую ловушку! – воскликнул он покаянно. – Теперь надо вылезти отсюда.

Глава 48.

Освобождение.

Время тянулось мучительно медленно. Один раз, вероятно, под вечер, зашел немногословный сипай, ослабил веревки, и напоил водой. Николай напряженно думал, как известить товарищей о своем пленении? Впрочем, они все сами поймут – ведь он не возвратился. Но вызволить его своими силами они не смогут. Об этом он должен позаботиться сам.

Этому, правда, препятствуют не только веревки и замок, но и сипай, вооруженный винтовкой со штыком, постоянно находящийся у двери снаружи. Он слышал отданный по-английски приказ приколоть пленника, как свинью, при малейшей попытке побега.

Его сморил сон. Заставил его проснуться голод. Часовые менялись регулярно. Когда ему уже нестерпимо хотелось есть, вошел тот же сипай, кинул ему сухую галету и, дал запить водой. Судя по всему, его решили держать на голодном пайке. Прошли, видимо, еще сутки.

Внезапно, в тишине раздался звук осторожно поворачиваемого ключа. Быть может, чтобы избегнуть шума, они разыграли комедию военно-полевого суда, и сейчас войдет тот, кто должен потихоньку исполнить приговор? Он отогнал тревожную мысль. Дверь скрипнула, и внутрь шагнул какой-то человек.

– Тихо, руси! Я друг, Техмурас, человек священного шнура – прошептал незнакомый голос.

– Мы получили весть из Багу-Келата. То, о чем ты рассказывал – с тобой? – Николай понял, что это – парс.

– Да, оно в караване.

– Хорошо, я освобожу тебя. Ты отдашь это мне?

– Да. Но перед отъездом отсюда, не раньше. Передам тебе, или любому другому парсу. Режь веревки скорее!

– Хорошо. Сейчас, – пленник, подставив руки, почувствовал, как ослабевают путы под острым ножом.

– Не торопись! Все будет хорошо. Сипаю я дал сонного зелья, а англичанам сейчас не до тебя. В Чахбар пришли полторы сотни человек из племени мааруки и, кесеркендцев. Они узнали, что ты схвачен. И требуют у Гревс-сагиба, чтобы он отпустил тебя.

– Мааруки? – переспросил Николай, растирая за-

текшие конечности.

— Да. Сагиб требует вместо выкупа багаж, принадлежащий девушке.

— А разве ее не собираются освободить вместе со мной?

— Сагиб утверждает, что она пожелала остаться с ними.

— Хорошо! — Николай поднялся, и парс, ступая впереди, вывел его наружу.

Щурясь с непривычки даже в полутемном коридоре, Зарудный узнал освободителя. Он видел его среди торговцев Чахбара. Он не стал расспрашивать парса, как тот проник в охраняемую резиденцию британцев. Парсы всегда были преданными помощниками англичан: общие интересы, наверняка, связывали их и здесь.

Сипай храпел, съехав на пол. Николай осторожно вынул у него из рук тяжелую винтовку с примкнутым штыком и опустошил патронташ, несмотря на протестующий жест своего издателя.

В узкий коридор выходили несколько дверей, и последняя была полуоткрыта. Из нее падала на пол полоска света и, доносился разговор на фарси в повышенных тонах:

— Еще раз спрашиваю: почему вы ведете себя как хозяева на нашей земле? Почему захватили нашего друга, Зарудни-сахеб? — Николай узнал голос Ахмад-хана.

— Вы рассылаете людей по нашей земле, а есть ли у вас хукмы, разрешающие описывать страну и снимать планы с наших укреплений и перевалов?

— Вот тебе мои хукмы! — раздалось рывканье Гревса.

И в приоткрытую дверь Николай увидел, как он сует красный кулак к самому носу хана, а другой вы-

разительно приподнимает ствол винтовки, видимо, лежащей на столе рядом. Внезапно грохот выстрела ударил в уши. И главный инспектор «Галф Телеграф» рухнул на колени, хрипя и обливаясь кровью.

— Это тебе за отца! — послышался выкрик Ходжа-хана.

Николай понял, что пора вмешаться, и распахнул ногой дверь, держа у бедра тяжелый «Ли-метфорд». Одним взглядом он окинул комнату: бледного от ярости Ахмад-хана с дымящимся пистолетом в руке, молодого правителя Келанзиада, схватившегося за оружие. Вильсона, также вцепившегося в рукоять револьвера; сипая возле двери, вскидывающего винтовку, и распростершегося на полу Гревса — убитого наповал.

— Руки вверх! — грозно приказал Зарудный. — Первого, кто шевельнется, я пристрелю! — он ткнул стволом в спину Вильсона. — Вильсон, прикажите сипаю бросить винтовку!

Англичанин, узнав голос у себя за спиной, покорно поднял руки и отдал короткое приказание. Сипай положил оружие на пол. Николай выудил «Уэбли» из кобуры инспектора. И тут Ахмад-хан кровавадно потянул саблю из ножен.

— Хан! — рывкнул Николай, и движение голубоватой стали замерло.

— Возьмите винтовку лашкера!

— Мистер, в доме и снаружи два десятка сипаев. Они изрешетят вас пулями. Советую вам сдаться, не усугубляя положение. Я гарантирую вам сохранение жизни...

Спокойный голос Вильсона предательски подрагивал, выдавая затаенный страх.

— «До британского военно-полевого суда», хотели вы добавить? — слегка глумливо прервал Зарудный. — Гревс — покойник. Он вел себя тут, точно в британс-

кой колонии, а это пока еще не так. Не будем умножать число жертв! —

Добавил он громче, уловив где-то позади себя шорох, и, поворачиваясь так, чтобы Вильсон служил ему живым щитом.

Снаружи в это время слышались выстрелы и дикие крики.

— Хан! Успокойте своих людей! Крикните им, что мы сейчас выйдем — а то, они и нас заодно подстрелят!

Ахмад-хан послушно высунулся в дверную щель и крикнул воинам мааруки, что дела обстоят как нельзя лучше. Крики и пальба утихли.

— Инспектор, прикажите отпустить девушку, которую вы захватили вместе со мной, и привести ее сюда.

— Вы думаете, европейская женщина предпочтет общество таких варваров, как вы? — с откровенной насмешкой спросил Вильсон.

— Ну, это вы, любезные джентльмены, намерены ее обобрать. К тому же ваши соотечественники из форта Робат оставили ее в лапах белуджского разбойника. Зовите! — подтолкнул его Зарудный.

— Моррис, Гупта! — громко крикнул Вильсон. — Ради Господа, приведите мисс Марешаль к этому бешенному русскому! И, двигайтесь осторожнее, или я могу составить компанию покойнику Гревсу!

— Кстати, это оружие мне знакомо! — Николай указал на маузер в потертой коробке, одетый через плечо убитого.

— Не откажите в любезности, Ходжа-хан, — передайте мне пистолет!

Хан подал маузер Николаю, который вешает оружие на плечо. Ахмад-хан все это время держит на прицеле британца и индуса. Проходит не более минуты, слышны шаги по лестнице. Дверь распахивается, и в комнате появляется Элизабет. Она вначале замирает

при виде вооруженных людей, но, затем, узнав Николая, обрадовано делает шаг в его сторону. Тут она заметила мертвого англичанина, и побледнела.

— Успокойтесь, Лизхен — это не я его убил, к сожалению! Он просто был груб с ханом. Нельзя походя оскорблять знатных особ, не имея под рукой веской аргументации. Сейчас мы выйдем под защитой этих любезных джентльменов. Они будут настолько гостеприимны, что прикроют нас собой от случайных пуль. Когда мы покинем зону обстрела, мы их отпустим. Прошу!

Он пропускает британца вперед, и, тот выходит из дверей с белым платком в качестве символа мира в поднятых руках. Вплотную за ним идут Николай и Элизабет. Затем выходят ханы, ведя обезоруженного сипая. Оглянувшись, Зарудный заметил, что темная фигура выскользнула следом из двери. Похоже, это был парс, который предпочел не вступать в объяснения со своими британскими патронами.

Они вышли за ограду и двинулись дальше. Вместе с ними откатывались многочисленные лашкеры Ахмад-хана и Ходжа-хана.

— Зря мы не разграбили станцию, тогда был бы прок в том, что мы сделали, — проворчал хан.

— Я благодарен вам за помощь, хан: вы пришли вовремя, — сказал Николай.

— Но, станция поставлена достаточно грамотно в военном отношении, вы могли потерять треть ваших людей только на на подступах к ней. Отойти сейчас — это самое правильное решение. Я отдам вам английские винтовки, которые мы взяли.

— Вы обещали отпустить меня! — нервно напомнил Вильсон.

— Как только мы скроемся меж домов Чахбара. Неразумно подставляться под меткий выстрел одно-

го из ваших хваленых аллахабадских стрелков. А случайная пуля может задеть и леди.

Действительно, как только они повернули за дома, Зарудный разрядил револьвер и отдал его подавленному британцу:

– Вот ваше оружие, вы свободны. Советую вам не быть столь легковесным в отношении данного слова, и проявлять большую осмотрительность, чем покойный Гревс. Соблюдая уважительное отношение к памяти моих соотечественников, вы могли бы получше относиться и к живым.

– Я хочу спросить вас, Зарудни, – вырвалось вдруг у англичанина.

– Вы осознаете, что действуете как германский агент? У России нет ресурсов для освоения Персии. Мне кажется, что ваши предшественники, с которыми шел покойный топограф, лучше отдавали себе в этом отчет. Возможно оттого, что у них германские фамилии.

– Дело не в этом. Вы действуете против меня, как русского! Все остальное от лукавого. Идите, и держитесь подальше от нашего лагеря.

С этими словами он отправил заложников восвояси, и они зашагали по направлению к телеграфной станции. Сделав несколько шагов, Николай натолкнулся на Гермса, которого сопровождали белуджи.

– Рад вашему освобождению, Николай Алексеевич!

– Михаил протянул руку.

– Вы об этом позаботились, Михаил!

– Да, пришел парламентар от англичан. Потребовал груз Элизабет, от ее имени: сказал, что она предпочла остаться у британцев. И, что если мы попробуем предпринять действия против них, то вас они будут рассматривать как заложника.

– Ну, и?

– Мы задумались. А, наутро объявляются в лагере лашкеры, и говорят, что приехали хан Кесеркенда и вождь мааруки, которые к вашим услугам. Тогда решили обложить станцию, и вести переговоры о вашем освобождении. И вот чем это кончилось – говорят, ухлопали британца?

– Покойный Гревс сам лез на рожон. Я предвидел, что англичане попытаются взять нас в оборот, и попросил Ахмад-хана придти в Чахбар за товарами. И денег ему пообещал. Ну, и не зря, как видите. И с Ходжа-ханом я о том же договорился.

– Эй, сертип, теперь мне нужно купить товары для моих людей!

Подошел Ахмад-хан.

– Да, конечно. Михаил, где наш большой кошелек?

Николай наделил союзников деньгами для покупок. Ахмад-хану он отдал английские винтовки, а Ходжа-хану подарил револьвер, взятый у Александрова. В лагере освобожденные были окружены заботой товарищей. Их не замедлили поддержать чашечкой джина и чашкой чая. А разбитый по соседству стан белуджских лашкеров превратился в настоящее гульбище.

Глава 49.

Тисская бухта.

– Может быть, попытаться пробраться через Маскат? – предложила Элизабет.

– Это британский протекторат, не пойдет. Хотя, лично для тебя – не худший вариант. Лучше бы всего направить тебя прямоком в Карачи: там белую женщину хотя бы не ограбят запросто, как в здешней дыре! Но с кем?

– Чем скорее отсюда выберемся, тем лучше! – заметил Михаил, опрокидывая чарку джина.

– А что делать? Надо ждать судна.

– А если оно не придет?

– Тогда придется что-то предпринять самим. Белуджи скоро пожелают уйти, а оставаться без их прикрытия достаточно рискованно.

Три дня прошли в напрасном ожидании. Мааруки, закупив все нужные им товары, действительно выразили желание двинуться в обратный путь. А кобля все не было.

– Пожалуй, придется выбирать самим. Надо плыть в порт Бушир. Там есть персидские власти, хотя и британцы, конечно, присутствуют. Главное, чтобы не перехватили в Ормузском проливе. Но не будут же они досматривать каждую арабскую лодку?! Итак, решено: еду договариваться с капитаном! –

Приняв решение, Зарудный отправился к лодкам. Оборванный рыбак взялся отвезти его за половину рупии к судам на рейде. Не прошло и четверти часа, как переваливаясь на волнах, ялик с белым пассажиром направился к арабским парусникам, стоящим на якоре в глубине бухты.

Дело, однако, оказалось не таким простым. На трех судах кормщики-белуджи наотрез отказались говорить с неангличанином. Они объяснили, что хозяева-индусы получили категорический запрет от «телеграф-сагибов» на подобные сделки. Подплывая к четвертому судну, двухмачтовому кувейтскому буму, Николай уже предвидел подобный исход переговоров, но решил не прекращать попыток, пока не обойдет все суда.

Однако, свесившийся с борта хитроглазый араб, сбросил ему короткую веревочную лестницу, чтобы забраться на судно. Подав руку перелезавшему через борт ференгу, капитан-нохаз Али предложил гостю

присесть на подушку и выпить чашечку кофе. А далее потекла неторопливая беседа примерно в таком стиле:

– Я сам не здешний, сагиб. Однако английский телеграф есть и в Маскате. Но торговля – это всегда риск. Ибо запрещенный товар – всегда самый прибыльный. Давайте условимся так: за хорошую плату (тут была названа сумма, от которой захватывало дух, и, как-то была урезана Николаем вчетверо в результате полчасового торга) я приму вас на борт, и отвезу, куда укажете. Но, сделаем это в Тисской бухте, подальше от глаз англичан. Мы там загружаемся солью, но на этот раз пойдем вам навстречу и заменим груз. Согласны?

– Хуб! Договорились: встретимся в Тисской бухте, через день.

– Иншалла! – они ударили по рукам.

Николай спустился в ялик, и отплыл обратно. Лодка доставила его к лагерю. Здесь он рассказал обо всем товарищам. Честно говоря, его не прельщало плавание в море на старом скрипучем паруснике, сшитом медными и деревянными гвоздями, вместо железных. К тому же без палубных надстроек. Однако выбора не было.

Лагерь свернули, и вскоре по сыпучим пескам запылила на северо-запад колонна белуджей. Среди нее затерялся караван экспедиции. Перед подъемом на Тисскую гряду Зарудный и его товарищи расстались с союзниками. Русский начальник пожал руки Ахмад-хану и Ходжа-хану и просил не забывать его.

Впереди, среди бесплодного хаоса гор открылась искривленная солнцем долина. Посередине ее разделял гребень высоких скал. Со стороны моря его увенчивало заброшенное укрепление.

Путешественники спустились к укреплению. Ко-

торое, как они надеялись, могло послужить им защитой. Лагерь у скал, на всякий случай обваловали камнями и грунтом. На ночь поставили часовых, русского и белуджа, который обосновался в заброшенной крепостице. Но время до утра прошло спокойно.

Вскоре после рассвета, Лаял, дежуривший в укреплении, быстро спустился вниз, крича, что в бухте появилось арабское судно.

— Надо подать сигнал с берега. — сказал Николай.

— Думаю, у нохазы глаз острый, — он и на расстоянии узнает человека, с которым договорился. Соберите вещи, а я пошел.

Повесив на плечо «берданку», с легким сердцем зашагал он к берегу по песчаной равнине. Песок был усыпан выбеленными ракушками, костями морских животных, обломками черепаших панцирей. Пологий пляж в несколько сот шагов шириной представлял морское дно, обнаженное отливом.

Судно стояло далеко от берега, возле окончания скалистого мыса. Чтобы приблизиться к нему, следовало пересечь устье сухого водотока. Николай зашагал наискосок, с удовольствием ощущая упругость слежавшегося песка. Внезапно, он почувствовал, что почва под ногами словно колышется, плывет и, он начинает увязать. При попытке освободить ноги, он стал погружаться быстрее. Озноб охватил его, когда он понял, что угодил в выбучие пески, и дна под ногами нет. Он провалился уже по самые бедра. И помощи ждать неоткуда. В тщетной надежде Николай бежал вокруг глазами. Внезапно, он заметил выбеленный китовый позвонок, наполовину торчащий из песка всего в шаге от него. Он бросился плашмя на выбучую почву, продолжая погружаться, хотя и медленнее. И, титаническим усилием дотянулся до отростка исполинского позвонка. Впившись пальцами в кость, он

напряг все силы, потихоньку вытаскивая себя из выбуны. С трудом одолел он несколько вершков трясин, крепче ухватившись за отросток. Внезапно, до его сознания, всецело охваченного борьбой за жизнь, донесся голос, говорящий на фарси. Он поднял глаза и увидел Пир-Мухаммеда, целящегося ему в лоб из винтовки.

— Не ожидал, урус? Ты тонешь в трясине. Реши, что лучше: разожмешь пальцы, и будешь захлестнут приливом? Или я прострелю тебе лоб? Слышишь пальбу? Это аль-шейхия окружили и обстреливают твой лагерь. Я, конечно, припозднился. Но, все же успел, — он осклабился. — Нохазы Али благодарен, он не пойдешь к берегу. Но тебя он заманил, чем упростил мою задачу. Итак: как ты хочешь умереть?

Что-то глухо грохнуло, перекрыв отдаленную трескотню выстрелов. У афганца сделалось удивленное лицо, и он начал оборачиваться. Рука Николая, отцепившись от позвонка, нырнула в кобуру, выхваченный маузер подпрыгнул и, Пир-Мухаммед повалился с простреленной головой. Затем, Николай вновь вцепился в китовую кость, и нечеловеческим усилием подтянул себя, выползая на твердую почву. Сапоги его остались добычей трясин.

Только тут, сделав передышку, Николай различил на спине лежащего афганца кровавые пятна, точно в него всадили заряд картечи. Он оглянулся, и увидел Техмураса, выходящего из-за дюны, и держащего в руке пистолет с расширяющимся как у пугача стволом.

— Мне кажется, ты чуть не опоздал, Техмурас, — сказал Николай.

— Нет, я успел во время! Да простят мне светлые Азурны грех кровопролития. Ты видишь, ради тебя я изощрился, пользуясь орудием убийства! — и он с от-

вращением отшвырнул пистолет. — Чего, однако, не совершишь ради блага общины!

— Ты принес обещанное?

— Ваши святые в лагере, осажденном шейхитами!

— Николай брезгливо ступил с афганца английские обмотки. Одел, чтобы не ковылять босыми ногами по острыми камнями. Затем сунул в кобуру маузер, поднял трехлинейную винтовку и убедился, что ствол не забился песком. Перевернув тяжелое тело, забрал у мертвеца патроны и английский «Уэбли», торчавший за поясом.

— Как все это получилось? — спросил он у парса.

— Англичане проследили за твоими передвижениями в бинокль. Они увидели, как ты побывал у нохазы Али, и подкупили его, уговорив, чтобы он не сажал тебя на свое судно, а только выманил к берегу. Где афганец и шейхиты нападут на тебя. Рассчитано было все точно. Но шейхиты поторопились. Начали палить, едва афганец покинул их, чтобы разделаться с тобой. Узнав об этом плане, я поспешил сюда. Иди, выручай своих друзей. Но помни: не выполнив обещанного, ты не покинешь этого берега!

— Спасибо, что ты спас меня! — Николай, пригибаясь, побежал к месту сражения. У него было четыре обоймы по пяти патронов: достаточно для скоротечной схватки.

Англичане не стали рисковать жизнью сипаев. Вместо этого они двинули резерв: фанатиков-шейхитов. Приблизившись к скалам, Зарудный обнаружил, что нападающие полукругом осадили обороняющихся путешественников. Любая попытка подняться в укрепление, чтобы взять шейхитов на мушку, заведомо была обречена на провал под меткими пулями врагов. А сами аль-шейхия, похоже, не упустили сей возможности, ибо Николай заметил две чалмы, мелькнувшие

наверху. Однако ему не пришлось долго выцеливать мишени: прямо перед ним находились спины четырех шейхитов, обстреливавших лагерь. Он не долго сомневался. Ему не нужно было пристреливать собственную винтовку, отобранную у мертвого афганца. Зарудный вскинул ее к плечу, и загрохотали выстрелы. Он действовал, как автомат, молниеносно передергивая затвор и переводя прицел с фигуры на фигуру. Только четвертый враг успел обернуться: и тут же получил пулю между глаз. На этом фланге воцарилась тишина, в которой особенно выразительно взвизгнула пуля, всего в вершке от головы Николая. Подняв глаза на укрепление, он заметил блеск ружейного ствола и чалму стрелка. Зарудный послал ответную пулю. Голова исчезла. Он вставил в магазин новую обойму.

Паузой воспользовался второй стрелок, выпаливший в осажденных. Николай стрельнул и в него. Но этот враг был осторожнее, и его удалось свалить лишь третьей пулей.

Предводитель осаждающих понял: противник начал с тыла. Он послал несколько человек разделаться с ним. К счастью, офицер заметил подкрадывающихся бандитов. Он успел подстрелить одного: остальные залегли. В тот момент, когда Зарудный менял позицию, враги вскочили, и он успел уложить еще одного, прежде чем они подбежали ближе и укрылись за дюной. Патроны в винтовке кончились, Николай бросил ее и пополз навстречу врагам. Когда, повинуясь приказу вожака, паля для остротки, они ринулись вперед, выстрелы маузера загудели почти в упор. Четырех-пяти пуль хватило, чтобы свалить всех. Сабля последнего воткнулась в песок рядом с Николаем, и он уловил угасающую ненависть в глазах убитого им человека. Оставшиеся пули он послал в стрелков на другом фланге, и отполз перезарядить винтовку.

Зарудному удалось сильно ослабить натиск на лагерь на ближнем фланге. Однако враги не намеревались отступать. А у него боезапас подходил к концу. Шейхиты вполне осознали чрезвычайную угрозу со стороны одинокого стрелка. Их пули то и дело щелкали в камни возле Николая. И одна из них рано или поздно должна была угодить в цель. Иногда ему удавалось выстрелить в противника из-за камней. Под их прикрытием, он переползал и перебегал, стараясь приблизиться к тому месту, где, будь он главарем нападающих, расположил бы «ставку». Спустя какое-то время он прекратил стрелять, прикинувшись убитым, но продолжал упорно двигаться вперед. Его целью были крупные скальные обломки, торчащие из песка, наподобие бастиона, обращенного к осажденным. Он подобрался совсем близко, когда нос к носу столкнулся с молодым фидаем, ползущим навстречу. Тот, замерев, метнул затем руку к поясу. Но, было поздно: прихваченная Николаем шейхитская сабля мелькнула змеиным жалом, лезвие вошло в шею несчастного и, он умер, не успев даже вскрикнуть.

Не высвобождая клинка, с винтовкой наперевес Зарудный вскочил в полукруг камней: «Бах! Бах!» — два выстрела свалили двоих стрелков, ведших огонь по лагерю. Затем он отшвырнул ружье, и выхватив маузер убил рослого шейхита, ринувшегося на него с саблей. В следующий миг он почти ослеп от дыма: седобородый шейх выстрелил в русского почти в упор. Но дрогнула видно рука, и пуля лишь обожгла тело, пробив рубаху на левом боку. Николай приставил маузер к голове шейха, взведя курок:

— Прикажи своим прекратить стрельбу и отойти назад! Иначе лишишься жизни! — спокойно сказал Николай.

Однако, с почерневшим от порохового дыма ли-

цом, он производил грозный вид. Почему шейх, вероятно, и закричал, не раздумывая, неожиданно сильным для старца голосом:

— Хей! Думбальпур куш! — Кончай пальбу! — Салам! Салам! — замахал он белым платком.

Стрельба умолкла, и шейхиты стали отползать назад.

— Пир-Мухаммед мертв, так что некому выполнить данные тебе обещания, и никто не бросит упрек, что ты не выполняешь свои! — упростил ситуацию Зарудный.

— Он был лишь мягким воском в руках англизи! — пренебрежительно ответил шейх.

— Отдай сокровище Тимура, оно собрано нашими предками.

— Это сокровище — святые камни парсов. Не обманывайся, подобно Тамерлану.

Разочарованный шейх застонал.

— Чем поклянешься ты, добровольно и без принуждения, что не станешь нападать на нас и, уведешь своих людей? — строго спросил Зарудный.

— Я поклянусь могилами святого Али в Кербеле и святого Резы в Мешхеде, что не трону вас больше! — торжественно произнес седобородый шейх.

— Не-ет! Знаю я вас, сектантов! — ухмыльнулся Николай в усы. — Клянись именем Скрытого Имама, бангитская рожа!

От злости, загоревшейся в зеленоватых глазах шейха, мог бы вспыхнуть даже камень. Но выхода у него не было, приходилось наступить на горло собственной мстительности:

— Добровольно и без принуждения, я клянусь Скрытым Имамом и его трижды тайным именем, что мои люди не станут нападать на урусов! — прошипел шейх.

— Я верю тебе, шейх, и не стану более препятство-

вать твоему уходу! Николай опустил пистолет и ослабил курок. Шейх, тяжело ступая, повернулся, чтобы уйти. Но он не мог не излить свою ненависть, хотя бы в словах. Обернувшись, он прошипел:

— Помни, урус: Аллах уготовал твоему народу тяжкие испытания. Далеко на восходе выкармливают инглизи голодного тигра: джапани ему имя! Они храбры и ненасытны, подобно новому Чингис-хану. И вам, урусам, немало придется пролить собственной крови, изодранной своей шкурой прикрывая сердце правого мира!

Издавательски захохотав, он зашагал дальше. Николай не обратил внимания на эти слова, хотя впоследствии пришлось ему их вспомнить. Повесив на плечо винтовку, и дозаряжая маузер, он крикнул:

— Эй, друзья, вы живы? — и, пошел по направлению к лагерю. — Дело улажено!

Вступив в круг камней, оборонявших его стан, он увидел товарищей с лицами, почерневшими от выстрелов. Многие были ранены, о чем говорили замаранные кровью повязки. Рана Гермса, полученная в руку, была довольно серьезна, судя по его бледности. Тем не менее, фотограф мужественно держался на ногах.

— Они свалились, как снег на голову: если бы не Лаял и, Александров, всех перебили бы раньше, чем мы схватились за оружие! Мессориан убит, — он указал на простертое тело.

— На, Серега! — Зарудный отдал Александрову английский револьвер афганца.

— Он твой. Пир-Мухаммеду больше не понадобится. Дайте обувку, чтобы скинуть ичиги афгана: не бо-
сиком же было бегать по камням!

— Вы не ранены, Николя? — подошла Элизабет.

— Нет, это царапина. Зато, чуть не потонул в зыбучих песках. А потом, поверите ли Лиза? С единствен-

ным патроном в стволе пленил главаря шейхитов, и заставил снять осаду! — со смешком сообщил девушке Зарудный. —

— Кстати, как я не узнал сразу! — он треснул себя по лбу. — Это же «дервиш», приходивший под Келанзи-ад! Однако давайте, собирайтесь — отходим к судну!

Так как вещи уложили перед нападением, осталось лишь привести верблюдов, спокойно пасшихся на расстоянии версты от лагеря. На одного положили несчастного Мессориана. Патронов осталось мало.

Как только караван удалился по направлению к берегу, с гор спустились полтора десятка вооруженных людей. Это были уцелевшие в перестрелке шейхиты. Они пришли собрать тела убитых, и прикончить раненых, о чем свидетельствовали несколько раздавшихся выстрелов.

Русские тридевятью дорогой обошли роковое место сухого вади, в котором Николай едва не распрощался с жизнью. Один из чотурдаров сбежал туда за брошенной Николаем «берданкой».

Глава 50.

Отплытие.

На судне не реагировали на условленные взмахи белым платком. Оно стояло поодаль, и ноказа не вызывал желания отправить ялик за пассажирами. Хотя, исход боя был ясен. Александров предложил: сделать пару залпов по верхушке мачты — для побуждения. Николай уже склонился к этому решению.

Неожиданно, с горы спустился человек. Он приблизился и Зарудный узнал Техмураса.

— Я вижу, урус, что ты одолел врага. Но теперь перед тобой возникло новое препятствие. Подожди

обращаться к оружию: выполни свое обещание, и я сделаю так, что капитан вышлет лодку.

— Конечно, я сделаю как обещал, — Зарудный достал из чересседельной сумки запыленный мешок погибшего парса. Он развязал его и передал Техмурасу находки, проделавшие долгий путь от развалин Хоуз-дара. Парс бережно извлек священные предметы, и внимательно осмотрел их.

С особенным благоговением Техмурас взял в руки ступку пророка Заратуштры. Любуясь ею, он поймал солнечный лучик полированной внутренностью тяжелой зеленоватой чаши.

— Знаешь ли ты, урус, откуда этот камень?

— Нет, — ответил Николай, украдкой поглядывая на кувейтский бум, стоящий у скал.

— Давным-давно он упал с неба в огненном столбе.

— Ты хочешь сказать, что это часть метеорита?

— Он был послан с неба. Храмовые жрецы Ассирии распилили его надвое: поэтому остался слоистый узор. Они изготовили две священные чаши. Одна из них отправилась с войском ассирийского царя, когда он шел на Иран. И, оказавшись в руках победоносных персов, попала к бактрийцу Заратуштре, когда он уже прославился среди их народа.

— Другая же чаша осталась на западе. Ее унесли к морю люди из племени иудеев, отпущенные персами на родину. И впоследствии ее забрали из их храма приверженцы одного из западных пророков. Две тысячи лет тому назад они собрали в нее часть крови, вытекавшей из ран пророка. Это был тот, кому поклоняетесь вы, исаи — чье имя Христ. У англичан есть песня об этой чаше, которая названа — Грааль.

— Значит, это двойник Святого Грааля? — удивленно воскликнул Николай.

— Так гласит наше предание.

— Вот откуда Конноли черпал уверенность, что он отыщет Святой Грааль! Ему рассказали о происхождении чаши, но не сообщили, — которая из двух находится в тайнике зороастрийских мобедов.

— Но, эта для нас более священна, чем та — ибо ее касался сам Заратуштра.

С этими словами парс бережно спрятал чашу. Затем он вынул зеркальце, и поймав солнечный зайчик, пустил в сторону судна. В ту же секунду по палубе, стремительно забегали матросы-ласкары. Минута — и они уже несли к русской экспедиции, ожидавшей на палубе.

Тем временем Техмурас подал еще знак, и из-за палубы показалось около тридцати вооруженных людей. Повесив ружья за спину, они не торопясь стали спускаться вниз.

— Кто это? — воскликнул Николай изумленно.

— Мои люди. Я должен был обезопасить себя на тот случай, если ты попытаешься меня обмануть.

— Но, почему же ты не захотел помочь в стычке с шейхитами?

— Зачем мне враждовать с ними? Им покровительствуют англичане, против которых я не пойду. А одержав шейхиты верх, мне бы понадобилось забрать свои святыни. Куда ни кинь, мне нужно было сохранить своих людей.

— Что же, Техмурас, и на том спасибо. Я благодарен за помощь, которую ты мне оказал, — Николай хотел протянуть руку, но вспомнил, что парсы стараются не оскверняться лишними прикосновениями к неверным. Лодка подошла к самому берегу, и смуглые ласкары помогли перетаскать на борт первую партию вьюков. С ними отправился Александров. Он забрался в лодку, и матросы навалились на весла.

— Наша сделка завершена, — сказал Николай пар-

су, наблюдая за удаляющимся яликом.

— Но у меня к тебе есть еще просьба. Помоги моим чотурдарам уйти, избегнув стычки с шейхитами.

— Хорошо. Вряд ли сейчас, после разгрома, захотят они новой схватки, — кивнул Техмурас.

Александров помахал с корабля: значит, все в порядке. Ялик вернулся за новой партией багажа и пассажиров. В него погрузились Элизабет и раненый Гермс. Когда он отчалил, наступила пора прощаться с верными проводниками. Каждому из белуджей Николай пожал руку, вручил подарок. Винтовки достались в награду тем, кто с ними в руках оборонялся от врагов.

— Прощайте, Лаял, Керимдад, Шадат! Мы вместе выдержали жажду, одолели пески, отразили врагов! Спасибо за все, и да хранит вас Аллах! Да пусть упокоится в раю храбрый Мессориан! Передайте привет Амбалу, когда встретите его! Иншалла!

— Хуб! Иншалла! — отвечали белуджи, немного смущенные расставанием. Они совершили молитву, и, вскочив на верблюдов, поехали прочь. Они стремились поскорее перевалить кряж, чтобы убраться подальше от мстительных шейхитов.

Снова подошла лодка, и в нее, вместе с вещами, погрузились Аджи и Николай. Волны слегка подбрасывали ялик, фигурки на берегу делались все меньше. Наконец, лодка стукнулась о борт. Багаж поспешно подняли на палубу, и ласкары, под присмотром хозяев, быстро перетаскали его в трюм. Получив от Николая рупии, нохаза Али внимательно пересчитал их, и, спрятав в пояс, громким голосом стал отдавать команды:

— Поднимай лодку, закрепляй! Тащи якорь! Поднять парус! Живее, бездельники, мы отправляемся! Пойдемте со мной, сагибы, — позвал он русских, на-

правляясь к румпелю на корме. Моряки с криком потянули вверх скрипучий косой рей с закрепленным на нем рогожным парусом.

— Предлагаю на выбор: располагайтесь в трюмной выгородке, или, на корме, под навесом. Других мест, к сожалению, на судне нет, — сказал капитан.

— Ничего, нас это устроит! — поднял ладонь Николай. Он нагнулся к самому уху араба:

— Гораздо больше, достопочтенный нохаза, меня беспокоят твои тайные переговоры с англичанами. Ты догадываешься, от кого у меня информация?

Али, фальшиво улыбаясь, попытался протестовать, но Зарудный не обратил на это внимания:

— Слушай меня: если с нами что-либо случится на траверзе Чахбара, я буду считать это предательством. Чем окончилось нападение аль-шейхия, ты видел, — и, он выразительно похлопал по коробке маузера. Али, помедлив, согласно кивнул.

Пассажиры спустились в трюм, чтобы их не увидели с берега, когда корабль выйдет из-за мыса. Судно скрипело и стонало при каждом ударе волны. Аджи, забившись в угол, истово молился. Остальные делали вид, что посудина, обшивка которой была скреплена со шпангоутами медными и деревянными гвоздями и канатом, вызывает у них полное доверие. Вскоре они подошли к устью Чахбарского залива. Трюмный люк задраили. Сверху стукнули небрежно брошенные пустые корзины.

Они услышали, как со всплеском падает якорь на траверзе Чахбарского мыса. Послышались громкие переговоры капитана с индусом-таможенником. Нохаза убеждал, что на борту только соль. Наконец, якорь был поднят, потом качка судна сделалась ощутимой, и скрип шпангоутов усилился. Наконец-то они вышли в открытое море.

— Думаю, можно выбираться наверх, — с маузером наготове, Николай вылез на палубу. Однако нохаза, кажется, решил честно соблюдать уговор и ничего не сообщил о русских пассажирах британским агентам. Впереди простиралась безбрежная синь, пересеченная рядами пологих волн, над которыми вились чайки. Осторожно выглянув за корму, он увидел уходящую коричневую полосу берега с голубеющими над ней горами. Когда лишь эти вершины остались у горизонта, он позвал товарищей выходить.

Капитан Али, как и было договорено, взял курс на запад, в сторону Ормузского пролива. Зарудный полагал высидеть в порту Бушир в Западной Персии, и пройти через нее, чтобы попасть в Закавказье. Правда, деньги были на исходе. Однако, можно выручить кое-какую сумму, продав часть оружия. Была также надежда на поддержку российского консула.

Между тем, наступивший сезон муссонов вынуждал Али идти почти бейдевинд. Ветер ударял в левую скулу судна, но косая «латинская» парусность позволяла и в этих условиях иметь порядочный ход. Стремительные серебристые летучие рыбы взмывали над морем, целыми стаями. Убегая от хищных марлинов или ставрид, некоторые из них залетали прямо на палубу. И, тогда, опережая вездесущих чаек, их ловко хватили матросы, и уносили на камбуз. Там, у скворчащих сковород и кипящих кастрюлек работал виртуозный кок, освобожденный даже от участия в общей молитве.

Иногда вдалеке появлялись паруса встречных судов, шедших из Маската, с Пиратского берега (впоследствии названного Объединенными Арабскими Эмиратами) или из устья Шатт-эль-Араба.

Солнце постепенно склонялось к океану. Нохаза пригласил пассажиров отобедать на бак. Проголодав-

шиеся путешественники отдали должное морской трапезе.

Наступили быстрые южные сумерки. Все смотрели, как в темноте у идущего судна возникли «усы»: светящийся след из взбалмученных кильватерной струей морских организмов. Наконец усталые путники почувствовали непреодолимую тягу ко сну. Лишь Николай продолжал бодрствовать, охраняя отдых товарищей. Нохаза Али был родом с «Пиратского берега», и от него можно было ожидать всего. Позднее начальника сменил Александров. Под утро он снова разбудил Зарудного.

На следующий день, несмотря на иммунитет, выработанный ездой на верблюдах, все ощутили приступы морской болезни. Жаркое солнце усугубляло страдания людей, корчившихся в приступах тошноты. Лишь Элизабет — «морской человек», относительно спокойно перенесла переход к жизни на судне. Следующие сутки протекли спокойно. Даже раненному Гермесу полегчало, благодаря постоянному уходу бельгийки. Позади остались примерно двести морских миль.

На третью ночь, разбуженный очумевшим от недосыпа Александровым, Николай занял его место. Чтобы разогнать остатки сна, он взглянул на усыпанное алмазными звездами бархатно-черное южное небо. И тут в глаза Зарудному бросилась странность, которую мог не заметить полуграмотный бывший солдат, но опытный офицер-путешественник пропустить не мог.

Ему показалось что созвездия, горящие в глубине мироздания, изменили свою конфигурацию. Во вселенские катаклизмы он не верил. А потому взглянул на карманный компас, верно показывающий стороны света на деревянном судне.

Нос корабля действительно был устремлен на юго-запад! Они уходили в открытое море, вместо того, чтобы двигаться вдоль берега. Или, точнее, направлялись к побережью Аравии. Поэтому, и продольная качка ощущалась теперь сильнее: ведь судну приходилось одолевать волны почти в лоб.

Стараясь не шуметь, Зарудный разбудил уже заснувшего Сергея и Элизабет, и в двух словах объяснил им ситуацию. Затем, он тихонько подкрался вдоль борта к площадке рулевого. Как он и ожидал, свешивавшийся за корму фонарь позволял разглядеть фигуру капитана Али. Убеденный, в том, что обманул бдительность «сухопутных» урусов, он с удивлением обнаружил у своего носа вороненое дуло пистолета.

— Мы плывем на юг, нохаза Али. Почему? — лаконично спросил Николай.

— Мы подходим к устью пролива. Здесь много отмелей, поэтому, следует держаться средней его части.

— Мы еще не дошли до мыса Джаск, а уже полночи идем на юг. Может, скажешь — куда мы направляемся?

Зарудный наугад закинул удочку, ибо заметить, когда начался поворот, он не мог. Однако догадка попала «в яблочко». Капитан Али понял, что урус знает побережье достаточно хорошо, чтобы поймать его, опытного нохазу, на лжи. Он подозревал, что во всем виноваты эти вредоносные новинки, которые называются «навигационные карты».

— Ты прав, урус-капидан. — сознался он. — Я понимаю, что это нехорошо с моей стороны. Но ты должен понять и меня, маленького человека...

В этот момент позади Николая раздался глухой удар, и что-то тяжелое упало на палубу. Молниеносно обернувшись, Зарудный увидел расprostертого на досках ласкара, около которого поблескивал оброненный им нож. Рядом стоял Сергей и разглядывал

приклад винтовки: не испортил ли он его, огрев по башке покушавшегося?

— Продолжай! — повернулся Николай к Али. Тот заговорил живее.

— Англичане приказали завезти тебя в Маскат, и посадить судно на банки у берега. Чтобы ты не мог уйти, захватив корабль. Твой багаж бы погиб, а ты оказался у них в руках. Тогда русский консул не мог бы ничем помочь.

— У вас была неплохая идея, — не без иронии одобрил Зарудный. — Теперь ложись на прежний курс.

— Это бесполезно, — ответил Али. — Телеграмма послана в Джаск, и напротив Ормузского мыса будут ждать паровые катера. Им прикажут досматривать все двухмачтовые бумы, идущие в залив. От них не уйти, они нас потопят из пушки. А сколько там акул — ай-ай! — покачал головой нохаза.

— Хорошо, продолжай идти прежним курсом. Через сколько времени мы будем в Маскате?

— Через сутки.

Николай задумчиво покачал маузером. В его голове возникли дерзкие мысли: «Что если на этой развилке попытаться пройти в Красное море, достичь Египта возле Суэца? Нет, долго и опасно — не хватит припасов, могут перехватить в Баб-эль-Мандебском проливе. Пожалуй, будет вернее прокрасться вдоль маскатского побережья в Ормузский пролив».

— Англичане будут ждать нас у персидского берега, а ты повернешь у аравийского и войдешь в пролив: мы проскочим у них за спиной.

— Сагиб, это опасно: там масса отмелей и рифов. Лучше утопить корабль прямо сейчас!

— Ничего, муссон будет попутным, это облегчит маневрирование. Для меня разбиться у Маската или в Ормузском проливе — одно и то же. Погоди: от Орму-

за до Бушира плыть долго, и берега там пустые. Успеем настрашаться.

Теперь караул не отходил от рулевого. День застал их среди моря, судно лежало на том же курсе.

Внезапно на востоке, среди морской синевы, показалось небольшое облачко дыма. Оно приближалось, и постепенно, стала видна черточка корабля, идущего под парами.

— Пароход, на курсе схождения, — сказал Зарудный товарищам, собравшимся на палубе.

— Однако чей он?

Глава 51.

«Св. Николай».

Суда сближались, паровик имел преимущества хода. И через час, поднеся к глазам бинокль, Николай сумел разобрать на его борту кириллическую надпись:

— «Св. Николай», — прочитал он вслух. — Это наш корабль, которого не дождались мы в Чахбехаре. Александров, сыпь в каюту — там во व्यюке, на самом дне, наш флаг! Погоди, дай-ка винтовку.

Николай вскинул оружие к небу, и выстрел гулко прокатился над морем. Он слал пулю за пулей в небо. Когда обойма закончилась, зарядил другую.

— Попробуем залпом, из трех стволов! — они выстрелили трижды. С парохода не могли не заметить сигнал, но курс почему-то не меняли. Вот-вот корабль пройдет мимо, оставив их на арабской посудине! —

Наконец, появился Александров, и развернул в руках пропыленное трехцветное полотнище. Однако, на пароходе его, вероятно, не заметили. Следовало поднять флаг повыше.

Сергей огляделся, нашел фал, ведущий на топ фок-мачты, привязал к нему полотно и потянул веревку.

Флаг заскользил наверх и через несколько секунд развернулся под ветром. Николай выстрелил еще. Но дело было уже сделано. С парохода пристально наблюдали за парусником, с которого сигнализировали выстрелами. Как только на мачте развернулся российский флаг, курс русского корабля тут же изменился, и суда пошли на сближение.

— Сергей, принеси-ка фуражку для солидности, — еще раз сгонял вниз помощника Зарудный.

Он напялил выгоревшую военную фуражку, для придания приличия своему изношенному одеянию. Элизабет стала рядом. Не прошло и получаса, как над ними вырос выкрашенный суриком и белилами борт. На палубу бума кинули швартов и крикнули:

— Эй, на судне! Кто такие?

— Я — русский штаб-офицер. Для представления капитану прошу разрешения подняться на борт!

— Хорошо, поднимайтесь! Оружие оставьте внизу, — сверху опустили трап. Зарудный отдал винтовку и пистолет Александрову, а сам поднялся на борт парохода. Он оказался перед морским офицером, держащим в руке револьвер, и несколькими вооруженными матросами.

— Помощник капитана Иванов, — представился офицер, с некоторым подозрением вглядываясь в покрасневшую сильным загаром физиономию новоприбывшего и его довольно-таки потрепанный наряд.

— Подполковник... — поднес руку к фуражке Зарудный. — Впрочем, свою фамилию и обстоятельство посещения на арабском судне позвольте не оглашать до встречи с капитаном. — Он кивнул на любопытные лица пассажиров, столпившихся чуть поодаль, за спинами матросов. Немного подумав, помощник согласился и наклонил голову, и сделал знак следовать за ним.

— Господа, пожалуйста, разоидитесь! — обратился

он к пассажирам.

Спустившись по трапу вниз, они прошли по коридору к капитанской каюте. Открыв дверь, Иванов пропустил гостя внутрь. За столом сидел худощавый человек с аккуратно подстриженной бородкой.

— Подполковник Зарудный, Николай Алексеевич, начальник русской экспедиции в Восточной Персии. Вынужден был уйти на арабском «торговце», не дожидаясь прихода вашего судна, ввиду обостренных взаимоотношений с британцами.

— Василий Никитич Попов, — протянул руку, встав, капитан. Рукопожатие его было крепким и дружеским.

— Садитесь, подполковник, — не чаял вас здесь встретить. У вас есть бумаги?

— Да, вот паспорт, и всякие персидские письма.

— Это хорошо, — капитан возвратил паспорт владельцу.

— Дело в том, что на стоянке в Бомбее я получил шифротелеграмму следующего содержания, — и, он зачитал по ленте с расшифрованной записью:

— «Капитану Попову. Заход в Чахбар отменяется. Следуйте прямо в Аден, куда прибудет наш человек. Ардов».

— «Ардов» — псевдоним начальника управления Главного штаба, прокомментировал капитан. — Как вы сие объясните?

— Да, попустил Бог удаче! — усмехнулся Зарудный. — Объяснение простое. Чуть-чуть не подфартило британцам в их планах. Наверняка, вскрыли наш код, и вас послали за тридевять земель от меня. Может быть, и своего человечка посадить хотели? Ан, вот я! Однако, ваше благородие, не позволите ли моим людям к вам на борт подняться?

— Сколько всего человек в отряде?

— Четверо: раненый фотограф, отставной солдат, переводчик — азербайджанский тюрк, и — еще дама, бельгийская путешественница. Я выручил ее из переделки в Белуджистане, а потом ее захватили, решив обождать, одичалые в персидской глухомани британцы. Пришлось забрать с собой. Хорошо бы мадемуазель хотя вторым классом разместить. А я на родном судне готов и в матросском кубрике пожить.

— Обижаете: у нас для вас каюта второго класса резервирована. Как разместитесь, прошу в нашу морскую баньку. А на обед — ко мне в каюту. Господин Иванов, проследите, чтобы путешественников с багажом на борт приняли.

— Будет сделано, Василий Никитич! — козырнул помощник, и вышел.

— У вас еще вопросы есть, Николай Алексеевич? — обратился капитан к своему гостю.

— У меня есть документы, хорошо бы их припрятать понадежнее: это картографическая съемка, и кое-какие заметки.

— Пожалуйста: мой сейф в вашем распоряжении.

— Британцы в Суэце туда залезть не могут?

— Ну, можем и понадежнее местечко сыскать — козубиль ведь большой.

— И, еще у нашей бельгийской гостьи есть имущество, которое надо бы убрать в сейф.

— У судового казначея есть ящик, под расписку возьмет.

— Да, кстати, Василий Никитич — сейчас вы куда идите? На Аден, ведь, мористее?

— В Маскат хотел заглянуть на денек. Вдруг, Ардов что с Аденом спутал? До Чахбара ближе, да и Аден — основная база британская. Зачем туда стремиться на чужую головушку человеку из Персии?

— А нас, господа британцы, вместо Бушира, в Мас-

кат хотели отправить; мне нохаза сознался. Перемудрили, значит, сэры. Пока их известят, что мы к вам сели, я думаю, парусник мы все-таки обгоним. Так что, вам можно планы не менять.

— Да, но учтите — в Адене уголек все равно придется принять.

— Ну, и ладно. Из-за одного меня корабль вверх дном переворачивать не станут. Хотя, конечно, хорошо бы нас за других людей выдать.

— Это предусмотрено. Я прикажу выдать вам одежду поприличнее, заодно и личность вашу изменим.

Капитан еще раз пожал Зарудному руку, и тот отправился проверить, как устроились его товарищи.

Подчиняясь боцманской дудке, матросы быстро подняли на борт багаж путешественников, помогли им взобраться по трапу, а Гермса этапировали в люльку, так как ему мешала взбираться раненая рука. После того, как все перебрались на пароход, Николай спустился на бум, и расплатившись окончательно с капитаном Али, дал ему следующий совет:

— Поскольку вам, нохаза Али, теперь спешить уже некуда, обождите два-три дня, прежде чем являться в места, населенные британцами. На вашем месте я вообще не стал бы заявлять им о том, что вы не выполнили их поручение и высадили нас на борт русского судна. Это не в ваших интересах. Говорят, серебро придает чистоту звукам. Вот вам еще несколько рупий, чтобы вы могли с чистой совестью заявить, что я силой оружия заставил себя высадить на персидском побережье. Ну, допустим, у солончаков Базгера или, в устье Геза, под носом у сторожевиков. Пускай порыщут, ежели есть охота.

— Мне могут не поверить.

— Это не важно, капитан. В конце концов, вы ведь могли и ошибиться. Во всяком случае, это выглядит

не столь невероятно, как незапланированная встреча в океане. Да хранит вас Аллах!

— Иншалла! — отвечал Али от всего сердца.

Николай вернулся на пароход. Трап подняли, ласкары отдали конец, и суда разошлись. И еще долго Зарудный смотрел в море, следя за тем, как уменьшалась скорлупка арабского судна — последнее напоминание о долгом и трудном пути через Персию. Но, вот оно исчезло за синевой горизонта.

Тем временем, матросы разнесли багаж по каютам, отведенным пассажирам. Николай помылся, побрился, переоделся в статский костюм, лежавший поверх его койки. Затем он отправился в капитанскую каюту, и, деликатно постучавшись, вошел. Вышел же оттуда, минут через десять, уже другой человек — приказчик московской фирмы «Трехгорная Мануфактура», Николай Алексеевич Зурабов. Так значилось в его заграничном паспорте. Паспорт тот, хотя и извлеченный только что из капитанского сейфа, с другой стороны, если судить по его потрепанному внешнему виду, довольно давно сопровождал своего владельца в поездках по разным странам Азии.

Глава 52.

Интересное знакомство.

На борту парохода, принадлежащего «Российскому обществу пароходов и торговли» собралась интересная компания. Николай, не афишировавший свою персону, обедал в буфете второго класса. За столом он сидел напротив немца, несмотря на жару облаченного в костюм с пасторским белым подворотничком. Слово за слово они разговорились, и, отец Теодор Хатен, как звали немца, оказался увлекательным собеседником. Он был поборником теории преимущества

арийской расы над другими, и в этом ракурсе интерпретировал свои наблюдения, вывезенные из неоднородных путешествий по Азии.

— История арийской расы — один из самых захватывающих предметов исследования! Тысячелетия неуклонного развития демонстрируют всю энергию и способности, изначально ей присущие, в отличие от других рас, постепенно замерших в развитии, и погружившихся в сонное состояние! — с жаром говорил отец Теодор. — Полагаю, что мои скромные штудии не были напрасны для развития этих идей в Европе, — он слегка усмехнулся.

После еды они сели вчетвером играть в карты по маленькой.

Компанию Николаю и отцу Теодору составили судовой врач и немецкий инструктор по туризму, путешествовавший для собственного развития. Гермс хворал у себя в каюте, а Александров остался с ним по той уважительной причине, что он не знал ни слова по-немецки.

Затянувшееся в ходе игры молчание, первым прервал все тот же Хаген. Во время тасования колоды он стал рассказывать о своих разнообразных индийских впечатлениях.

— Кстати, если всем отдавать по заслугам, немалую руку к описанию чудес Индии приложила ваша, херр Зурабофф, соотечественница, мадам Блаватская, довольно долго обретавшаяся в Париже. Правда, не все ее рассказы могут найти подтверждение.

— Неужели, почти все — вымысел? — заинтересовался врач.

— Нет, конечно. Многие из этих чудес — действительно, правдивы, в особенности те, что обязаны происхождением силе человеческого духа. Кое-что мог бы продемонстрировать мой знакомый, бабу Арджнеш,

проживающий ныне в Адене. И, я предлагаю его навещать во время нашей будущей стоянки, именно с такой целью. Однако, не только Индия — Восток в целом далеко продвинулся в этом направлении, укловившись от машинной цивилизации. Иногда он демонстрирует такую замечательную силу духа, что ей следовало бы поучиться и иным арийским народам, слишком далеко продвинувшимся по стезе цивилизации, чтобы не утратить часть изначальной энергии.

— Приведите примеры! — тут же взвился инструктор по туризму, херр Шнофф.

— Хотя бы Япония, что своими великолепными победами над китайским Левиафаном показала преимущества негибкого духа средневекового рыцарства, вселенного в доспехи современной военной техники.

— А! Но техника произведена в Европе, — тут же ухватился турист за излюбленный аргумент.

— Да, но думаю, что господин Зурабофф, насколько я понимаю, довольно много времени проводивший в азиатских пустынях, мог бы привести столь же разительные примеры?

— Вы так думаете? — постарался смикшировать опасный уклон беседы Николай.

— Мне кажется, на арабском судне, с которого пересели на наш пароход, выплыли не из Астрахани.

— Это верно, мне пришлось попутешествовать, выполняя поручения хозяина нашей «Трехгорки».

— Да, я знаю, что ваши ситцевые «бароны» пытаются освоить азиатский рынок даже в ущерб прибылям, — сиронизировал Хаген.

— Не вижу плохого в том, что имя Морозова будут знать и в монгольской юрте, — прикинулся обиженным Николай.

— Господа, довольно о силе духа и прочих неосяза-

емых вещах! Гений германской науки, вот за чем будущее, — воскликнул херр Шнофф.

— Слыхали вы господина об изобретении нашего соотечественника, Рудольфа Дизеля, создавшего двигатель, работающий едва ли не на сырой нефти! Это переворот в технике. По сравнению с ним детище америкашки Фултона, везущее нас — все равно, что средневековый парус! — последовали еще несколько восторженных эскапад во славу германского технического гения. Это позволило свернуть разговор со скользкой азиатской стези.

Между тем, все сказанное заинтересовало Николая, и пробудило у него некоторые идеи. Позднее он навещал капитана, точно также как в прошлый раз, негромко постучавшись в дверь его каюты.

— Василий Никитич, прошу извинить за беспокойство. Но меня весьма заинтриговала одна тема, затронутая в разговоре с путешествующими на вашем судне немцами. Скажите, известно ли вам что-либо о двигателе Дизеля, работающем на новых принципах? Может ли он оказать существенное влияние на развитие техники?

— Да, конечно, — отвечал Попов. — Присаживайтесь, выпейте чарку коньяку, а я постараюсь поделиться с вами тем, что мне известно, — и, когда Николай последовал приглашению, капитан продолжил:

— Прежде всего, перспективность этого двигателя оценена нами, моряками. Дизель-электрическая машина позволяет судну развивать высокие скорости, не затрачивая время на разведение паров. И, единственное «но» для широкого внедрения ее в военной области, помимо собственно технических проблем — владение источниками нефти. Именно поэтому британцы, захватившие первенство в работе над новым типом двигателя, и заинтересованы в разрушении нобелев-

ской монополии на Бакинскую нефть. Они стремятся получить свои источники в Южной Персии, насколько мне известно.

— В новых условиях именно обладание нефтью является одним из главных условий господства на море. Шутка ли: одна тонна нефти заменяет четыре тонны угля! Это значит, что во столько же раз расширяется радиус действия флота, который избавлен от своей вечной привязанности к угольным станциям! А если кто-то опередит британцев — те же немцы, к примеру — то это подорвет всю систему британского морского владычества! И, это не говоря о новом, секретном типе морских судов — субмаринах!

— Ах вот в чем дело! — вырвалось у Николая. Лишь сейчас его озарило:

— А я то думал — машинные масла, керосин. Оказывается — соляра! Что же, как говорить: «Век живи — век учись!» Вот наша, сухопутная безграмотность. Вы меня просветили, спасибо!

— А что такое?

— Англичане, Василий Никитич, не просто стремятся к разрушению российской нефтяной монополии! Они устремлены к созданию британской монополии на нефть, как я понял из нашей с вами беседы, для закрепления владычества над морями! Путешествуя по Восточной Персии, я обнаружил следы британского проекта по перекачке нефти Закавказья в Индию. Так как сделать это без нашего согласия, можно лишь силой — выводы делайте сами. —

Лишь теперь у него сложилось всецелое, как ему казалось, понимание причины британской активности в Восточной Персии. Проблема выходила далеко за персидские рамки, и обретала глобальный и судьбоносный характер. Тем необходимее казалось довед-

ти эти известия до русского Главного штаба и правительства.

Глава 53.

На аденском рейде.

Дня через три пассажиры увидели берег. Нагроможденные в беспорядке утесы обрамляли океанский берег, и вздыбливались на километровую высоту. Побережье Аравии. Дикие черные, бурые и огненно-го цвета полосы сбегали по бокам гигантских утесов и гор, производя неизгладимое впечатление под знойным южным небом.

— Аден, господа, — объявил помощник Иванов пассажирам. Эта безжизненная местность была одной из важнейших гаваней на дороге в Индию. Англичане владели Аденом с конца 1830-х годов, с помощью хитрости вырвав его у турок.

Аденский залив расположен в древней вулканической кальдере, недоступной штормам. Корабль вошел в проход, в середине которого находился скалистый островок, описал крутую дугу и остановился под утесами, вздымавшимися на полукилометровую высоту. Они ответили эхом пароходному гудку. Загрохотала якорная цепь. Вдоль берега тянулись пристани, пакгаузы с углем. На скалах виднелись остатки старинных фортов и современные британские батареи. Они господствовали над бухтой и над домами старого города, поднимавшегося вверх по склону. Внизу располагались коттеджи офицеров гарнизона, казармы солдат.

Первым на борт корабля поднялся британский таможенный инспектор — джентльмен в тропическом топи-шлеме. Он проверил все бумаги, ознакомился внимательно со списком пассажиров, осмотрел судно

и, удалился. Следом наступила очередь представителей угольной фирмы. Они узнали, какое количество угля загрузит «Св. Николай», и назвали сумму, в которую это обойдется.

Потом пароход осадил торговцы, многочисленные чалмы и пестрые ермолки которых усеивали пристань и причал. Среди них были арабы, индусы, парсы и другие национальности. По пристани зашлепали босые ноги матросов причальной команды, послышались гортанные выкрики, рев ослов, предлагаемых туристам для экскурсий в старый город. Портовый шум вползал в иллюминаторы.

— Между прочим, рекомендовал бы воздержаться от прогулок в город, если у британцев имеется на вас зуб. Здесь у них сильнейшая колониальная полиция, — посоветовал капитан «приказчику».

— Я так и предполагал сделать, — согласно кивнул тот.

Между тем, большинство пассажиров покинуло судно, желая лучше ознакомиться со старинным торговым городом и его сувенирными лавками.

— Пойдемте со мной, херр Зурабофф! — настоятельно позвал новый знакомый, отец Хаген.

Однако Николай отказался, под тем предлогом, что не очень хорошо себя чувствует. Остальные участники экспедиции также вынуждены были оставаться на борту. Гермс и, впрямь был еще болен. Но тем скучнее тянулось время для здоровых, прохлождавшихся на опустевшем корабле, ставшем под погрузку углем.

Подплывающие на лодках аденские лодочники-арабы соблазняли пассажиров разнообразной морской снедью — черепашками яйцами, лангустами, рыбой, и прогулками по заливу на своих суденышках. Элизабет стояла у борта, с тоской наблюдая берег, манящий всеми чудесами Востока. И тут с лодки с

резной кормой умоляюще протянул к ней руки усатый йеменец. Уроженка приморской страны не смогла устоять перед соблазном: прокатиться по неведомым водам, понаблюдать сквозь прозрачную гладь за многоцветными кораллами на рифах. Со свойственной ей экспансивностью она быстро сошла по трапу и, опустилась на резную корму. Из отдаляющейся от берега лодки она послала воздушный поцелуй опешившему Николаю, а затем, усевшись на банку, принялась жестами отдавать команды своему лодочнику. Араб не проявил особого изумления по поводу подобной решительности дамы, сильный загар, резкость черт лица и огрубевшие пальцы которой выдавали опытную путешественницу.

Николаю оставалось надеяться, что с Элизабет, обладавшей все же толикой здравого смысла, все будет благополучно.

Между тем, и часа не прошло, как он увидел приближающихся к судну отца Хагена, сопровождаемого каким-то индусским бабу, обладателем пухлой фигуры, втиснутой в белый парусиновый европейский костюм. В руке индуса была тросточка, а на голове — белоснежная чалма. Они поднялись по трапу, и Хаген приветственно замахал рукой Николаю. Вахтенному помощнику немец постарался вежливо представить своего спутника:

— Это ученый индусский бабу Арджнеш, желающий навестить моего знакомого, херра Зурабофф, который не может выйти в город. Он мой добрый знакомый, живет в Адене, предполагает дать херр Зурабофф пару медицинских советов.

Помощник согласился пропустить гостя под ответственность пассажира. Хаген познакомил Николая с индусом:

— Бабу Арджнеш — высокородный индусский брах-

ман. Однако колею традиционного религиозного служения он сменил на тернистый путь естествоиспытателя. Бабу обладает некоторыми способностями, которые развивают у себя уроженцы Востока. Он мог бы продемонстрировать нам любопытные опыты.

Николай в упор рассматривал полное смуглое лицо индуса с крючковатым носом и тяжелым взглядом темных, слегка на выкате глаз, и размышлял: согласиться, или отказаться? Хаген, тем временем, уже увлекал их вниз по трапу, к каютам пассажиров. Они оказались перед каютой Зарудного, и тому ничего не оставалось, как пригласить обоих внутрь. Он присел на край койки, предложив гостям рассаживаться по усмотрению. Отец Теодор разместился на другом конце койки, а на стуле, по диагонали напротив расположился индус.

— Ну, господа, что же вы хотите предпринять?

— Я предлагаю провести некий эксперимент, который продемонстрирует психо-биологические возможности моего друга, — сказал немец.

Зарудный согласно кивнул. Бабу добыл из жилетного кармана брегет на цепочке, и принялся его мерно раскачивать из стороны в сторону. Затем он заговорил по-английски:

— Итак, смотрите на эти часы, не отвлекаясь. Представьте, что вы достигли своей цели. Не отвлекайтесь. Не отвлекайтесь. Расслабьтесь. Смотрите.

Николай следил за мерным раскачиванием часов, и как-то очень быстро отключился. Однако, он погрузился в забытие не слишком глубоко, ибо его привел в себя плеск волны о борт, и он вновь услышал монотонный голос бабу, настойчиво задающего ему вопросы. Мысли вяло шевелились в голове.

— Как ваше настоящее имя?

— Николай, — ответили его губы.

— Чем вы занимались в Персии?

— С — с...

— По-моему вы не смогли его полностью загипнотизировать. Смотрите, он просыпается! — слышался другой голос.

— Не может быть, я очень сильный гипнотизер! — прозвучал самодовольный голос бабу.

— Спите, я приказываю вам! —

Однако Николай уже смог различить расплывающиеся очертания бабу. Он вышел из транса и, неожиданно вскочив, сгреб индуса за горло, и, вместе со стулом выкинул бабу за дверь каюты. С ошалелым видом тот грохнулся о противоположную стенку, но быстро поднялся на ноги.

— А ну, выметайся, английская ищейка! — рявкнул Николай, и пинками погнал бабу вдоль коридора.

Затем они выбежали на палубу и, индус, чуть не сбив с ног ошалевшего вахтенного, колбасой скатился по трапу и исчез в толпе на пристани. Зарудный вернулся в каюту. Хаген продолжал сидеть в прежней позе, хотя Николай был уверен, что он успел воспользоваться его отсутствием, заглянув во все углы.

— Прошу, ваша святость! — указал Николай на дверь.

— Не знал, что вы на британцев работаете.

— Совсем нет, не на британцев, — загадочно улыбнулся святой отец.

— Но, зря вы так круто поступили с бабу, ей-ей! — он встал и спокойно вышел.

Прошло еще немного времени, прежде чем в голове у Николая окончательно развеялся туман наваждения, и он вышел на палубу. Окинув поверхность залива взглядом, он не обнаружил лодки, которая увезла Элизабет. Не поленившись, он спустился за биноклем, и снова внимательно осмотрел окружающее водное

пространство. Однако вокруг не было похожих суденышек.

«Может быть, она выбралась за пределы залива, к рифам?» — думал он. Шло время, а приметная лодка не показывалась. Солнце все явственнее склонялось к горам: близились быстрые южные сумерки. На борт уже возвращались обремененные сувенирами пассажиры. На всякий случай он обратился к первому помощнику:

— Господин Иванов, бельгийская путешественница не возвращалась? Она отправилась днем на лодочную прогулку.

— Вроде бы, нет. А, пора уж: темнеет скоро. Не загуляла ли она у вас, господин... Зурабов?

— Шутки в сторону, ваше благородие. Дело может быть серьезное. Надо принять меры к ее отысканию. Нет ли возможности для поисков девушки выделить экипаж с гребцами?

— Неужто, вы так серьезно за нее беспокоитесь? Здесь ведь британский протекторат, она — из дружественной британцам нации. Отыщется, увлеклась, пооди, осмотром достопримечательностей. А вас-то капитан просил не покидать судно.

— В багаже дамы есть весьма ценные вещи, ради присвоения которых отдельные джентльмены могут пренебречь понятиями цивилизации. И, захватив ее, потребуют выкуп. Кроме того, ее можно использовать в качестве орудия шантажа против меня. Ибо я имею перед ней моральные обязательства.

— Ну что же, дело другое, — сняв фуражку, помощник почесал затылок. — Подождем, малость, для верности — а я прикажу пока готовить лодку. Свищ! Петренко! — крикнул он.

Подошли двое палубных матросов: один — здоровый, как оглобля, другой — пониже, скуластый.

— Подготовьте «тузик». Надо будет свезти этого господина, куда он скажет. Подождете его. В случае чего выручите, а если тяжело придется — плывите на судно за помощью.

— Бу сделано! — ответили матросы, прищуриваясь на господина, и узнавая в нем того, кто сел на судно с кувейтского бума.

Николай зашел на минутку в свою каюту, затем постучался в ту, где располагались Гермс и Александров. Войдя, он, к своему удивлению, застал Сергея спящим на койке. Тот, судя по исходящему от него аромату, был крепко подшофе.

— Ась, сейчас я, Николай Алексе-сеич! — вскинулся он, и неверными пальцами попытался обуться.

Зарудный понял, что лишился единственного помощника: на Гермса он рассчитывать по-прежнему не мог.

— Где ж ты так надрался, брат? — спросил он Сергея.

— С тоски я, с кочегарами посидели, — простодушно отвечал тот.

Николай махнул рукой и вышел. В последний раз он оглядел в бинокль залив. Внезапно, ему почудилось, что узнает виднеющуюся среди береговых скал йеменскую резную корму. Что лодка и ее хозяин там делали, не доставив пассажирку обратно?

Глава 54.

Похитители людей.

— Пошли! — кивнул он матросам, и они втроем спустились в лодку.

Николай, указав гребцам направление, прилег на банки, чтобы его не увидели с берега. Грея за пазухой маузер, он время от времени спрашивал:

— Резной кормы не видать?

— Нет, вроде, — отвечали моряки, продолжая работать веслами.

Вот лодка подплыла к скалам, покрытым зеленой гривой водорослей.

— Э, да вот же она! — воскликнул вдруг Петренко.

Николай быстро приподнял голову. Так и есть! Та самая лодка с высокой резной кормой, наподобие спинки кресла, почивавшая в расщелине среди камней.

— Ну-ка, высадите меня! — приказал он, и как только «тузик» подошел ближе, прыгнул на берег. Поблизости стояло несколько хижин, очертания которых терялись в вечерних сумерках.

— Эй, малака лла бильхейр! — «Добрый вечер!», — окликнул он по-арабски обитателей мазанок.

— Лла бильхейр! — последовало в ответ.

— Чья эта лодка? — спросил на фарси Николай, познания которого в арабском наполовину исчерпались.

Он искренно надеялся, что ему не придется перейти на английский. И как ни странно, надежды его сбылись. Правда, не совсем благоприятным образом. Показался здоровяк в потрепанных штанах, рубаше, и, грязной чалме. За ним выступали два его товарища. Эти трое стали наступать на Николая, сопровождая грубые речи угрожающими жестами.

— Что тебе за дело до того, чья это лодка? Ты ференги, иди к своим! Ну! — и они накинулись на Зарудного.

Только знание приемов бокса позволило избежать ему немедленных увечий. Он с трудом отбивал размашистые удары бандитов, вертясь, как компасная стрелка в магнитную бурю. Внезапно еще две фигуры выросли рядом. Он решил, что ему крышка, ибо достать оружие не представлялось возможным. Но ту услышал вдруг родимый мат:

— Ты бокс... знаешь, Свиц? — отдуваясь, спросил

он моряка.

— Боксу — это так, что ли? — силпо спросил матрос, проделав весьма резкие движения, после которых его противник с воем улетел за камни.

— Это не то, дылда! — прохрипел Петренко, которому пришлось круче, ибо нож сверкнул в руке его противника.

Но, он ухитрился перехватить его, а правой рукой въехать в скулу разбойника. После чего несколькими ударами превратил физиономию башибузука в котлету.

— Вот это будет — бокс, ты, шпана лиговская! — объяснил он, отшвырнув нокаутированного врага.

Здоровяк остался один на один с Николаем, и тут же вынужден был признать превосходство русского. Однако выбив у него нож, Зарудный не стал торопиться с приведением его в бессознательное состояние. Ухватив его за грудки, он принялся крепко скручивать ворот рубахи:

— Говори, собака — куда ты дел белую женщину? — это и был усатый лодочник.

— Ее взяли йемениты бен сана, — прохрипел, тот, задыхаясь.

— Много их было?

— Шестеро.

— Где они?

— Дом с лавкой, надо идти, наверх. Возле мечети. Большая роза над дверью. Знак Исмаила. Не убивай!

— Прими благодарность! — Николай от души угостил лодочника рукояткой маузера между глаз.

— Часа два пролежит, —

Он напаялил на голову заранее приготовленную чалму. Наряд зажиточного горожанина был уже на нем.

— Ну, вот что — ждите меня, молодцы, на ялике. Часа

два-три. Думаю, успею управиться, — он замотал кушак и спрятал пистолет.

Смерклось. Какой-то выходец из Персии, судя по его одежде, быстро шагает вверх по обезлюдевшей с наступлением темноты каменистой улице. Видимо он плохо знаком с местными обычаями, если рискует идти в ночное время в сторону Старого города. Он петляет какими-то переулками, вглядываясь в фасады домов. Наконец, неподалеку от большой мечети, видит старый дом. Над вывеской бакалейной лавки, масляная лампа освещает крупную, вырезанную в камне розу. Это символ секты исмаилитов, потомков страшных ассасинов Хасана ибн Сабаха. Похоже, что искомый дом найден.

Теперь необходимо выручить пленницу. Очевидно ее держат в глубине дома, во внутреннем помещении. Зайти с тыла невозможно, так как фасады расположены здесь вплотную друг к другу. Придется рискнуть, пойдя напролом и, понадеявшись на твердость руки и пистолет. Николай решительно толкает дверь лавки, молясь в душе, чтобы она не была закрыта. К счастью, именно так и оказывается. Дверь открывается почти без скрипа, и возможно, к ней даже не подсоединен хитроумный колокольчик, звонящий во внутреннем помещении, когда кто-нибудь входит в лавку, как это заведено в Европе.

Седой лавочник пренебрег обычаем запираť лавку с наступлением темноты. Возможно, он положился на то, что никто не рискнет связываться с шайкой йеменских головорезов, избравших его дом местом обитания. Полки в лавке заставлены корзинами пряностей, хной, чернильным орехом, четками, мелкой посудой и коробками чая. Занятый пересчетом товара, старик с ужасом вдруг увидел перед лицом дуло пис-

толета, а над ним — сверкающие глаза и палец, приложенный к губам — знак молчания.

— Где женщина — там? — еле слышно спрашивает неизвестный, указывая в глубину лавки. Лавочник кивает как завороченный и пятится назад.

— Иди вперед. — Николай кладет ему руку на плечо и подталкивает стволом пистолета к внутренней двери.

За нею оказывается короткий темный коридор и еще одна дверь. Оттуда слышатся возбужденные голоса. В быстрой гортанной арабской речи он улавливает лишь два знакомых персидских слова: «заман» — «женщина», и «Арджнеш-ага», имя индусского бабу, произнесенное с уважением.

Оттолкнув в сторону лавочника, он ударом ноги распахивает дверь, и, врывается внутрь с криком:

— Полис!

Одним взглядом охватил он комнату с окошком, забранным жалюзи, очевидно, выходящим на внутренний дворик, и второй дверью на противоположной стороне. Пол устилают циновки и тонкие коврики, прямо на которых сидят подложины зловещего вида арабов. За поясами у них заткнуты йеменские джамбии — широкие изогнутые кинжалы в ножнах. Кальян и кофейные чашки на маленькой столешнице — свидетельство вечернего кайфа после трудового дня, исполненного праведных деяний. В углу, на полосатом тюфячке, лежит, спеленутая по рукам и ногам, светловолосая женщина, с кляпом во рту. Элизабет.

Николай дважды палит в потолок, осыпав штукатуркой замеревших от неожиданности разбойников. Трое йеменцев испарились за внутренней дверью, никто даже не успел и глазом моргнуть. Зато трое других негодяев увидели перед собою всего одного противника. Свет масляной лампы отразился на выхвачен-

ных ими широких и кривых лезвиях смертоносных джамбий. С криком: «Аллаху акбар!», они ринулись на Зарудного. У одного в руке блеснул пистолет. Николай не стал тратить времени — в течение нескольких секунд прогремело три выстрела: у одного бандита была прострелена нога, у другого — плечо, третьему пуля попала в ладонь, выбив пистолет, и изувечив ему пальцы.

Не теряя ни секунды, Николай перепрыгнул поверженных похитителей, подскочил к Элизабет, и ножом перерезал путы на ее на руках и ногах.

— Вы снова спасли меня! — первые слова, которые она произнесла. Выплюнув кляп и силясь подняться, она разминала затекшие конечности.

— Атансьон! — крикнула она вдруг по-французски.

Предупрежденный Николай молниеносно повернулся, и увидел джамбию, сверкнувшую в руке неслышно подкрадывающегося йеменца. Он успел выстрелить тому в грудь, и негодяй рухнул на пол.

— Бежим! — крикнул Зарудный, увлекая за собою прихрамывающую девушку.

Покидая комнату, он дважды выстрелил через плечо во вторую дверь, снова начавшую приоткрываться. Они проскочили уже коридор, спотыкаясь о стоявшие у стены корзины, когда сзади грохнул выстрел преследователей. Но, стрелок второях промахнулся, и сбил выстрелом чучело крокодила, рухнувшее с потолка едва ли им не на головы. Лавочник в суматохе исчез.

Оказавшись на улице, беглецы помчались вниз. Погони не было: возможно, преследователей задержали упавшие корзины, но, скорее всего они не рискнули связываться с вооруженным врагом.

Однако Николай напрасно надеялся на успешное окончание дела. Они уже было миновали темный пе-

реулок, когда из тьмы на них набросились несколько стремительных фигур. Николай был сбит с ног, но все же успел ткнуть в кого-то стволом, и глухо прозвучал выстрел. Сверкнули в сумраке выхваченные ножи, и, возможно ему тут бы и пришел конец. Но тут послышались сочные полновесные удары моряцких кулаков и, раздался ядреный матросский мат. Как потом выяснилось, Свищ и Петренко, люди по натуре непоседливые, решили последовать за Николаем, и, будучи невооруженными, притаились, ожидая развязки событий. Присутствие их оказалось весьма кстати. Вторым они расхвыряли нападавших, один из которых был ранен Николаем.

Как видно, лавочник сбежал за подмогой, однако, бандиты оказались в рукопашной схватке слабее русских.

Сунув за пазуху пистолет и подхватив под руку Элизабет, Зарудный бросился вниз по улочке. Матросы — следом. Никому из них не улыбалось попасться в лапы британским солдатам. А те могли явиться на звук выстрелов.

Свищ ругался по-черному, и зажимал порезанную ножом руку, стараясь остановить кровь, пока Элизабет не догадалась, перетянуть рану носовым платком. Без помех они достигли того места, где была оставлена лодка. Никто не польстился на ялик, возможно потому, что моряки сумели с профессиональной сноровкой спрятать весла. Теперь они их достали меньше чем в минуту, Николай и Петренко столкнули лодку на воду, поставили уключины и мощными гребками погнали лодку от берега. Они отошли уже на полкабелятова, когда на суше возникло какое-то шевеление, и тут же полыхнул огонь. По воде забарабанила картечь. Николай выпустил в ответ последнюю пулю. К счастью, картечный выстрел не достиг цели, иначе

пострадали бы все сидящие в лодке. Тут же на британском посту возник свет прожектора, луч света резво обежал гавань, к счастью, пронесаясь над головами беглецов, и так же внезапно исчезнув. Люди на «тузике» с облегчением разогнулись.

Вскоре лодка стукнулась о борт парохода. Сверху ее окликнули, и, убедившись, что прибыли свои, подняли суденышко на таях. Оттуда все перекочевали на палубу «Св. Николая».

— Я вижу, ваше предприятие завершилось успехом? — возник из темноты старпом Иванов.

— Все разрешилось благополучно. Мадмуазель Элизабет, действительно, похитили. Но, мне удалось ее отбить с помощью ваших храбрых моряков. Спасибо вам, ребята, — век не забуду! —

Николай, повернувшись, пожал матросам руки.

— Да что там! Вы на водочку дайте, и ладно. — Отвечал практичный Петренко.

— Да, флот за себя постоит. Надо их от вахты освободить. Кстати, вроде выстрелы слышны были у берега. Не вы стреляли?

— В нас пальнули, мы ответили. У нас никого не убили.

— А в городе?

— Трупы за собой я постарался не оставлять, а так, конечно, кое-кто napросился. Как я понимаю, похитители действовали по поручению бабу Арджнеша, индусского джентльмена, которого я днем пинками выгнал с вашего судна.

— Интересная личность, как видно.

— Британский тайный агент, я думаю. Еще раз благодарю за помощь, — он крепко пожал Иванову руку.

Они спустились в каюту к Элизабет и, девушка, вкратце, рассказала, как состоялось похищение. Лодочник отвез ее к коралловой банке, где она любова-

лась виднеющимися под прозрачной водой цветными кораллами, и быстро шныряющими меж них ярко окрашенными рыбами. Затем поплыли вдоль берега, обходя выступающие скалы. Словно бы по случайности лодка ткнулась в песок, и тут же на голову зазевавшейся туристке накинули мешок и она, отбиваясь, ощутила себя в руках уже не одного, а нескольких человек. Связав, ее уложили в носилки и бегом потащили куда-то наверх по склону, пока она не очутилась в том доме, где ее отыскал Николай.

Глава 55.

Суэцкая таможня.

На следующее утро пароход, как ни в чем не бывало вышел из Адена. Через некоторое время гористые очертания Тихамы, юго-западного побережья Аравийского полуострова, стали уходить на север. Берега сблизились и «Св. Николай» прошел горловину Бабель-Мандебского пролива. Навалилась влажная духота. Николай стоял на верхней палубе, любуясь морским пейзажем, когда к нему подошел отец Хаген.

— Что заставило вас подойти ко мне? — холодно поздоровавшись, спросил Зарудный.

— Вы напрасно обижаетесь на меня, херр Зурабофф. Я вовсе не британский агент, и таким образом, как могу догадываться, не вхожу в число ваших недругов, «по обязанности». Хотя, я и представляю интересы могущественного европейского государства.

— То есть, вы — германский агент?

— Я не говорил бы так прямолинейно. Хотя, варварская прямота — это, безусловно, арийское качество. Во всяком случае, вы правильно догадались, что бабу Арджнеш — агент британской короны.

— Кто бы сомневался! И, довольно дерзкий, к тому же.

— Предприимчивый. В отношении вас он питал вполне определенные подозрения, получив соответствующее описание по телеграфу из Чахбехара.

— А при чем тут вы?

— Я поделился с ним кое-какой информацией, получив взамен ту, которая интересовала меня. В том числе, я описал вашу интересную персону, явившуюся непосредственно из морской пучины. Он, тут же пожелал повидаться и побеседовать с вами. Я согласился содействовать ему: в конце концов, «расколовшись», вы могли дать информацию о тех краях, что представляют интерес и для моих соотечественников.

— Но эта затея провалилась.

— Ваша воля оказалась сильнее воли профессионального гипнотизера-индуса. Что, в общем, говорит в пользу сохранения расовой чистоты арийцев. Ведь вы, безусловно, принадлежите к этой расе. Вы ведь украинец, господин Зарудни?

— Почему вы меня так называете?

— Ну, не будем заострять: Зарудни, Зурабофф. Что если бы на мировой арене выделилась молодая, энергичная, чисто славянская украинская нация, без примеси расслабляющей восточной крови? Она ведь сыграла в истории московитского царства не менее важную роль, чем предприимчивые шотландцы в Британии. Такая нация развилась бы гораздо быстрее рыхлого массива, который представляет сейчас ваша плохо пропеченная и худо управляемая империя. Она могла бы посвятить себя благородному делу укрепления позиций арийской расы в нашем мире. Подумайте: такой человек, как вы, играл бы в ней не последнюю роль.

— То, что вы предлагаете, — измена отечеству и

царю. Идеи, о которых вы говорите — я знаю. Рожденные самолюбцами, они подстрекались австро-венгерскими дрессировщиками славянства. Но, я русский, герр Хаген, а это понятие включающее в себя и велико-, и бело-, и малороссов. Оставим этот разговор, он для меня оскорбителен, как для человека, чью родину делают заживо. Дай бог Германии найти себя самое за ту треть века, что она составляет единое целое!

— Ну что же, я только был откровенен! — пожав плечами, отец Теодор отошел к другому борту.

Прошел день, настал другой. Пароход шел посреди Красного моря. Пассажиры изнывали от жары, наблюдали за виднеющимися в дымке горами. Иногда, невероятно синие пустынные морские воды оживляли дельфины, или стайки летучих рыб, выпрыгивающие из воды. Время от времени навстречу попадались британские военные транспорты, везущие «пущечное мясо» в Южную Африку. С них доносились песни «томми», разлучающихся со своей «милой родиной».

Вот уже голубоватая полоска Нубийских гор показалась по левому борту. Все эти дни Николай провел вместе с Элизабет, ибо недалекое будущее сулило им расставание. Наконец, на пятый день хода берега сузились, Синайские горы по правому, и холмы Гебель Аттака по левому обозначили вход в Суэцкий залив. Навстречу попался грязный старый пароход Хедивского общества, под египетским флагом, везущий паломников в Медину.

Пароход вошел в канал. Справа желтели холмы Аравийской пустыни, с черными шатрами бедуинов меж них. Николай, проведенный полгода в такой же палатке, равнодушно взирал на экзотику. Его глаз радовала зеленая долина Измаилии, украшенная пальмами, по левому борту.

В Измаилии, соединенной железной дорогой с Каиром, пароход сделал остановку. Неожиданно, на борт судна поднялся представитель англо-египетской таможни. Он появился не один, а в сопровождении полицейского чиновника. Британцы в тропических топишлемах пожелали видеть капитана. Когда тот вышел к ним, чиновник объявил:

— Согласно полученным мною сведениям, у вас на борту находится русский путешественник Зарудни, обвиняемый в убийстве подданного англо-индийского вице-королевства. Прошу нам его выдать для производства следственных действий.

— Никакого пассажира или члена экипажа с такой фамилией на борту моего судна нет, — ответил капитан.

— В таком случае, пароход будет задержан, и на нем произведен обыск.

— Этот пароход русский, и есть часть территории Российской Империи. Разумен ли такой жест в отношении нее, в час когда ваша страна ведет войну, осуждаемую цивилизованными нациями?

— Это не вашего ума дело! — разъярился британец.

— Извините сэр, но такой жест — явная неблагодарность в отношении государства, которое лишь недавно поддержало вас во время Фашодского инцидента с Францией, грозившего вам еще одной войной. Продумайте последствия, — твердо стоял на своем капитан. Британцы поскребли бритые затылки, и, нехотя удалились.

Из Исмаилии капитан дал телеграмму бельгийскому консулу в Александрию, попросив встретить соотечественника. Николай обнял Элизабет за плечи:

— Скоро прощаться, Лиза.

Элизабет, смахнула со щеки каплю соленой влаги. Они стояли на палубе. «Св. Николай» двигался по

каналу к средиземноморскому Порт-Саиду, когда встречным курсом мимо них прошел очередной британский транспортник. Но шел он не в Африку. На его верхней палубе стояли люди, в песчаного цвета форме, с желтоватыми, слабо монголоидными лицами, отчетливо видимыми на таком расстоянии. Они стояли по стойке «смирно» и пели на каком-то восточном языке бравую военную песню.

— Кто это? — спросила Элизабет, невольно прижимаясь к Николаю.

— Это японцы, — ответил за Николая отец Хаген, незаметно подошедший к ним.

— Они учились в военных школах Британии, а теперь плывут на восток, домой. Они освоили новейшее искусство войны. Не сомневаюсь, что скоро они применят свои знания на практике. Только нуждались ли они в этой выучке, для сражений с китайцами, успешно битыми несколько лет назад? Думаю, что нет, — и, Николая вдруг опажнуло холодноватым предчувствием войны.

— Думаю, они едут, чтобы сразится с Россией, — неумолимо продолжил отец Теодор, повернувшись к Николаю:

— Вы замахнулись на весь Дальний Восток, а, в сущности, он висит у вас на одной недотянутой ниточке Китайско-Восточной железной дороги, способной пропустить лишь несколько эшелонов в сутки, — прояслив осведомленность отец Хаген.

— А японский флот, транспорты, с которых в любое время и в любой точке побережья можно провести массированную высадку войск — они рядом. И вам нечем воспрепятствовать такой операции, исключая несколько уязвимых с суши портов-крепостей. Таково британское искусство загребать жар чужими руками, — пророчески закончил он.

— Да, сильный противник — эти японцы, — сказал Николай, бестрепетно разглядывая ряды вымуштрованных военных выпускников, не очень отличающихся от питомцев рядовых военных училищ России.

— Лицом к лицу, грудь на грудь, штыком к штыку, — пробормотал он, и вдруг, какая-то тяжкая грусть о тех, кто может стать неизбежной жертвой будущей войны, легла на его душу.

— Старею, и становлюсь сентиментален, — сказал он себе.

Глава 56.

Навстречу Родине.

Зеленые волны Средиземного моря заплескали в борта. Сделав стомильный переход вдоль низменного побережья египетской Дельты, пароход достиг порта Александрии в западной ее части. Здесь половина пассажиров пересаживалась на рейсы в Европу. С борта Николаю хорошо был виден правильно распланированный город европейской архитектуры, расположенный на плоской, как блин, равнине. Мимо полицейских-негров, сдерживающих вопящую портовую толпу оборванцев, на борт поднялся бельгийский джентльмен. Это был темноволосый валлон, уроженец Льежа или Брюсселя. Он не проявлял излишней любезности к Элизабет, но был готов всею силой авторитета «бельгийского леопарда», Леопольда Второго, отстаивать интересы соотечественницы. Настала пора прощаться.

Николай и Элизабет стояли друг напротив друга, и никак не могли решиться сказать прощальные слова. Наконец, они обнялись, молча, не стесняясь присутствия окружающих. И он, и она были сильными натурами, которые могли сдерживать эмоции, но не счи-

тали нужным скрывать взаимной привязанности. Последний поцелуй, и вот она уже спустилась по трапу.

Консул лично принял тяжелый багаж соотечественницы с коллекцией ценных предметов восточного искусства. Несколько бемпурских находок, в качестве компенсации труда, затраченного во время поисков клада, уже давно перекочевали в багаж русской экспедиции. Консул воспользовался помощью матросов, чтобы донести багаж до своей коляски. В тот же день Элизабет предстояло сесть на бельгийский пароход, уходящий вокруг Европы в Антверпен.

Николай вернулся в каюту с твердым намерением напиться. Солнечный луч упал сквозь пыльный иллюминатор на сверток, лежащий на столе. Он почти не сомневался, какого рода вещь может быть в свертке. Развернув его, он обнаружил там великолепный ахеменидский золотой кубок. Прощальный дар Элизабет.

Три дня занял переход через Средиземное море до Стамбула. Все пассажиры любовались красивейшими островами архипелага и берегами Греции. В Стамбуле сошел на берег отец Хаген, намеревавшийся сесть на Восточный экспресс до Вены. Пароход уже выходил с рейда Галаты, когда Николай хватился копии путевого журнала. Ее он составлял последние недели, пользуясь свободным временем. Кто же мог забрать копию? Еще вчера она была на месте, и никто чужой о ней не знал. Последним был в его каюте Михаил Гермс, и оставался там один. Николай решил откровенно с ним поговорить:

– Михаил, вы не брали у меня копии путевого дневника?

– Да, я взял журнал.

– С какой целью, и где он сейчас?

– Я передал копию Теодору Хагену.

– Что-о?! – заорал Николай, хватая Гермса за грудки.

– Спокойнее, Николай Алексеевич. Я, все-таки, немец по крови, – Гермс попытался высвободиться, но руки Зарудного были словно железные.

– Наши страны сотрудничают, и весьма тесно. Хаген обещал доставить журнал в Берлин, минуя господ в Петербурге, на которых может плохо повлиять британский атташе.

– Но, позвольте! Наша экспедиция – русская! – от возмущения Николай разжал руки, и Михаил облегченно перевел дыхание.

– Неужели вы думаете, Николай Алексеевич, что Россия, почти за десять лет еще не перевооружившая свою армию теми винтовками, которыми мы так хорошо сражались, способна переварить еще и Персию?

– Ну, что из этого?!

– Ставка на Дальний Восток сделана нашей вершущей. А Персия для Германии – рынок для ее стальных магнатов и производителей бакалейных товаров. Нашим туда не нужно, у нас в стране не хватает своего товара – везем из Европы. Германия поможет нам выжить англичан из нашего «подбрюшья», из окружения Средней Азии. Этот союз крайне важен нам, это хорошо понимают при дворе. Вы ведь знаете, что любовью, кто представлял угрозу ему, безжалостно устранялся. Даже Скобелев, национальный герой...

– Но причем здесь ты, Миша!

– Я с самого начала должен был блюсти не только интересы России, но также и германской стороны.

– Уйди подальше от греха, Михаил.

Гермс пожал плечами, и вышел. А Николай напился, и так буйствовал в каюте, что перепугал всех соседей. Старпом Иванов, спустившийся вниз, застал его спящим на койке, мертвецки пьяного.

Но вот подошло к концу плавание по спокойному Черному морю. Пароход бросил якорь у Платоновс-

кого мола Одессы. На борт всходят таможенники, проходит рутинный осмотр, и пассажиры спускаются на берег. После жаркого юга многолюдный город кажется отвыкшим от России путешественникам спокойным и прохладным. Зарудный дает телеграмму о прибытии. Передохнув денек от морской качки последних недель, освоившись на твердой почве, он отправится поездом в Петербург, повезет результаты экспедиции. У Главного штаба теперь – новый начальник. Министром обороны назначен генерал А.Н. Куропаткин. Возможно, удастся открыть ему глаза на тайный замысел британцев, желающих увековечить морское владычество при помощи нефтяной монополии. Зарудного будет сопровождать Александров. Гермс, после всего случившегося поедет в другом купе. Что касается Аджи Ахмадова, то получив щедрую оплату за испытанные тяготы, он вернется домой и постарается поскорее забыть пережитые им кошмарные приключения.

Послесловие.

Прошло два десятилетия. Многие успело перемениться за это время. Весь мир успел перевернуться – он узнал, что такое дизель-электроходы, гидроэлектростанции, аэропланы, газовые атаки, огнеметы, Мировая война и русская Революция. Заклучались и рушились политические союзы и империи.

Весной 1919 года в трехэтажное здание бывшего великокняжеского дворца в городе Ташкенте вошел седой человек. Тяготы военных лет не согнули его, не лишили военной выправки и природной быстроты движений. Это был полковник в отставке, Николай Алексеевич Зарудный. Он поднялся в комнату, наспех

отведенную под директорский кабинет. Повсюду в коридорах и залах стояли коробки и коробки с запакованными картинами и предметами искусства Востока и Запада. Николай Зарудный создавал Туркестанский народный музей, стремясь спасти то, что еще можно, от разграбления.

Не так давно, вскоре после революции, он смог убедиться, насколько точно высчитал он британский сценарий во время своей восточноперсидской экспедиции. После русско-британского соглашения 1907 года, план этот, казалось, следовало считать сданным в архив. Тогда удар Русско-японской войны оказался слабоват, чтобы разломить массивный корабль Российского государства. Подвиг железнодорожников, солдат, моряков помог лишить японскую армию изначального численного преимущества. Несмотря на революцию, империя уцелела. Британцы предпочли заключить выгодный им союз. Но есть пословица: «Сколько волка ни корми...».

В начале августа 1918 года в пыльный, знойный Ашхабад вошли передовые британские части. Они без труда достигли города, ибо уже с начала Мировой войны английские войска выжидали в Сеистане и Восточной Персии. И уже неделю спустя, в составе 26-го Легкого кавалерийского полка и 19-го Пенджабского батальона, британцы приняли участие в боях с большевиками под станцией Байрам-Али. Они всего лишь наводили порядок.

А в Красноводске, для контроля над портом, высадилась лихих головорезы полковника Баттина. Одновременно, на другой стороне Каспия, в Баку, вступили войска генерала Денстервиля. Все это делалось под разными предложениями.

Но результат был один. Прибывали новые и новые войска, концентрировался мощный армейский

кулак под командованием генерала Мильна. И в нем оказались зажаты нефтяная кладовая Российской империи и территории, по которым можно было проложить прямой путь для откачки нефти в индийские колонии.

Однако овладение союзниками Босфором соблазало расширять вывоз через грузинский порт Батум. А, затем, наступление большевиков в 1919 году вынудило британцев с чувством досады эвакуировать войска. Нефтяные скважины, конечно взорвали. Но, можно пробурить новые. Однако еще одно дело оставалось незавершенным. И оно решалось бесповоротно.

— Вас ожидают! — сотрудница нового музея указала Зарудному на человека с портфелем, скромно сидевшего на стуле в кабинете.

— День добрый! — поздоровался он, садясь за стол.

— Здравствуйте, господин Зарудный. Или, как принято сейчас говорить, товарищ. Я, собственно по совсем маленькому вопросу.

— Какому?

— Вы обладаете довольно значительными познаниями о Восточной Персии, и я уполномочен предложить вам переезд за пределы российских границ. Разумеется, желательно, чтобы вы захватили с собой как можно больше материалов ваших экспедиций.

Николай Алексеевич метнул острый взгляд на пришельца:

— Господ британцев прошу более не беспокоиться, предпочитаю держаться от них подальше, — он указал рукой на дверь.

— Как пожелаете! — человек бочком выскользнул из комнаты, чему-то тонко улыбаясь.

Николай машинально отпил холодный чай, стоявший в стакане на столе, прикрытый листком бумаги. Все-таки годы берут свое. Несмотря на то, что погода

была не жаркая, он почувствовал духоту и, вытер испарину со лба.

— Маша! — окликнул он сотрудницу, выйдя из кабинета.

— Я что-то неважно себя чувствую. Поеду-ка я домой.

Официальная версия утверждает, что Николай Алексеевич Зарудный, будучи на работе, 17 марта 1919 года «случайно выпил сильно ядовитую жидкость» и скончался. Но мы помним судьбу храброго русского разведчика Витковича, за восемьдесят лет до того перешедшего дорогу англичанам. Он был отравлен.

1999–2002

Белая невеста

Проходя возле дорожного вокзала Ташкента, я наткнулся на музей под открытым небом. На полверсты тремя линиями вдоль мощеных дорожек вытянулись паровозы разных эпох и стран, начиная с тех, что пришли сюда в конце прошлого века. Внимание мое привлек стоявший в начале одной из линий небольшой старый паровоз с прицепленным к нему зеленым вагоном. Как выяснилось из висевшей на закопченном боку таблички, паровоз был почтенных лет, едва ли не из первой партии машин, появившихся в недавно завоеванной средней Азии...

— Хороша машинка? Вот на таких раньше ездили, по Закаспийской дороге, когда еще ее и до Андижана не довели. Прозвище у него было в депо — «Белая невеста».

Я ошарашено обернулся, ожидая узреть столетнего старца. Однако, на скамейке, уютно спрятавшейся среди зелени под развесистой ивой, нависшей над широким арыком, сидел пожилой, но довольно крепкий еще на вид мужичок. Старая железнодорожная фуражка съехала ему на лоб, нога заброшена на ногу, демонстрируя стоптанную подметку.

— А вы откуда знаете? — вырвалось у меня.

— Так об этом до войны еще старики в депо рассказывали. Я пацаном тогда еще был, после училища... Пивом, между прочим, не угостишь? Он с очевидной жадой в глазах прищурился на торчавшие из моей сумки горлышки бутылок. Я машинально достал одну из них и протянул ему. Он ловко открыл ее и, запрокинув голову, начал пить. Когда осталось меньше трети содержимого, он оторвался от горлышка и удовлетворенно вздохнув, провел рукавом по усам.

— Выручил, значит. Спасибо. Ну, слушай. Было это в хрен его знает каком году. Поезда тогда ходили как в фильмах про ковбоев — регулярно, но редко. И вот, такой поезд идет из Красноводска (нынче его, кажись, Туркменбаши прозвали) через пустыню. Людей много, да почти все безоружные — край-то считался заморенным.

А хозяйничал в этих местах Берди-Бек, который пережил страшный взрыв крепости Геок-Теле, устроенный Скобелевым, и резню, когда ее на штык брали. В общем, затаил Берди-Бек к русским страшную ненависть. У него было человек полтора, кто с нашими трофейными «берданами» или с английскими винтовками, а большая часть с кремневыми мушкетами. И задумал он поезд грабануть, а потом в Афган податься, к тамошним туркменам.

Паровозы, как ты знаешь, дымат, а тут жара, окна нараспашку... Так что все пассажиры поезда были в немарком — исключение составляла одна взбалмошная девица. Это была невеста одного из офицеров, ехавшая к будущему мужу в Кушкинский гарнизон. Она обрядилась в белое платье, а сверху, чтобы не замарать, накинула ситчику. Звали ее Маша, фамилия ейная неизвестная. Только была она будто офицерская дочка, несколько лет уже прожившая у нас в Азии.

Кроме прочей публики был еще десяток солдат охранения, но патроны имелись только у унтера, чтобы солдаты не баловали, да не торговали их местным джигитам. И вот, едут они — а тут с боков выскакивает полсотни молодцев на конях, и «у-лю-лю!». Тех вначале обогнать хотели. Да туркменский конь на весь свет славится — не тогдашним паровозам на коротких перегонах его обойти! Началась пальба по окнам, крики, стекла зазвенели, пассажиры на пол попадали. Унтер солдатам по пятку патронов раздал из своего

подсумка, дали два залпа, сковырнули нескольких джигитов. Да разве кочевого туркмена пулей напутаешь? А вдалеке, на рельсах, еще куча народу темнеет — путь перегородили, и те-то уж точно всех сретят.

А Маша эта, видать, ошалела от всего этого — не прячется, а наоборот в окошко высунулась и вперед смотрит. И видит тех, на рельсах. И, видно, чего-то у нее в голове перемкнуло, решила она на поступок дикий.

И из общего первого вагона перебралась на ходу на тендер, машинистам кричит:

— Не сбавляйте ход!

— Ты куда! — ей.

А она уже по узкой галерке пробирается вдоль паровоза на площадку над ростром.

Он кивнул на паровоз, и я представил, каково это, стоять там, впереди мчащегося поезда, принимая на себя поток воздуха, стремящийся сбросить тебя под колеса, и мои пальцы непроизвольно сжались, точно вцепившись в хлипкие перильца.

— ...Она была в белом, а белое у туркмен, да и вообще у здешних кочевников — совсем не символ невинности, а символ смерти, траура. И вот белая фигура в развевающихся одеждах, с разметанными ветром светлыми волосами появляется внезапно впереди пылящей черным дымом машины. Мы бы удивились, а тут дикий народ, средневековый!

И вот эта шайка с ружьями видит это все. Увидав белую фигуру впереди несущейся на них черной машины, многие закричали:

— Это Азраил, архангел смерти! Смотрите, у него белые волосы!

— Нет, это русская баба, точно! Я ее сейчас сниму, смотрите! — крикнул Берди-Бек. Он прицелился из своего «бердана» и выстрелил. Но фигура не исчезла! Он

выстрелил еще раз — но фигура была и вправду, точно заговоренная! — где же хваленая меткость главаря? Может быть, он по злобе позабыл переставить планку прицела на винтовке? Кто его знает... А увидев, что фигура в белом неуязвима, а, стало быть, и вправду Азраил, народ начал разбегаться. И Берди-Бек, кипя от ярости, вынужден был последовать за ними. А поезд, не снижая хода, проскочил еще десяток верст, и лишь затем остановился.

Рассказчик допил пиво:

— Дальнейшая судьба Маши неизвестна. Под Кушкой осталось немало могил офицерских жен, но я думаю, что скорее она перенесла и климат, и болезни, пока ее мужа не перевели куда-нибудь в Ташкент или в Европу... Может быть, стала вдовой в русско-японскую войну: там ведь много туркестанских войск сражалось...

Дай пивка-то еще! — Вторая бутылка перекочевала в руки моего рассказчика. И не важно было, пересказал чужой рассказ или сам присочинил что-то в этой истории. Перед моим мысленным взором еще стояло невероятное зрелище — несущийся через пески черный, пышущий искрами и дымом паровоз и над его ростром — фигурка в развевающемся белом платье и разлетевшимися по ветру светлыми волосами...

Максим Войлошников

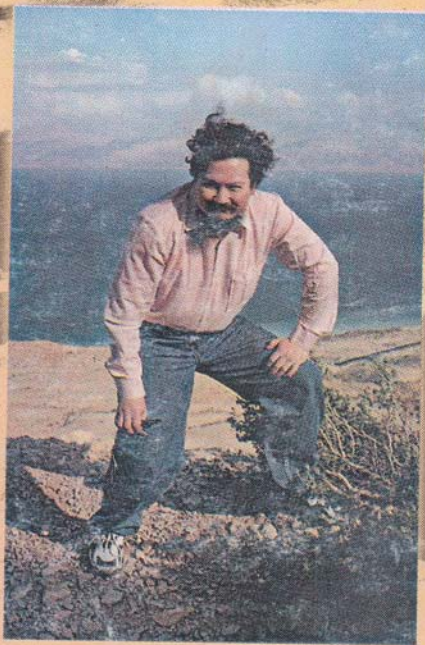
Сокровища Безмана

Приключенческая повесть

Редактор В.А. Лебедев

Отпечатано в ОГУП "Рязоблтипография"
390023, г. Рязань, ул. Новая, 69/12
Заказ № 2227, тираж 3000 экз.

28-00

Максим ВОЙЛОШНИКОВ —
член Союза журналистов и
Союза писателей России.
Многолетнее сотрудничество
связывает его с журналами:
"Вокруг света", "Путешествие
вокруг света", "Путешествие".